

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ N1(151)

МОСКВА 2024

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2024. № 1 — 288 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшковиц (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2024

Содержание

Двадцатипятилетие (Главный редактор).....	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Е.И. Абрамов</i>	
Онтологические аспекты развития инфраструктуры	15
<i>М.Г. Покидченко</i>	
Россия — это Евразия?	25
<i>В.Н. Прончатов, А.М. Горбачев</i>	
Инженеры представляют эпоху	36
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Философия хозяйства евангелическо-социального крыла германского протестантизма на примере Внутренней миссии и религиозного социализма	56
Раздел II. Экономическая теория	
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Россия в мировой экономике: необходимость стратегических перемен	75
<i>В.Ю. Скаткова</i>	
Идеология государства как двигатель экономического развития страны на примере СССР	86
<i>М.А. Чирков, А.В. Шаповалова, М.С. Чистяков</i>	
Зарубежный опыт практики применения параллельного импорта: Исламская Республика Иран	97
<i>Л.И. Фархутдинов</i>	
Аристотелизм Карла Маркса. К вопросу об онтологической преемственности	121
<i>Т.В. Рахимов</i>	
Управление изменениями (философско-религиозный взгляд)	137
<i>М.Л. Бурик</i>	
От политэкономических категорий к теориям социализма: критическая рецепция Г.В. Плеханова немецких политэкономических концепций в российскую теоретическую культуру	154

Раздел III. Актуальная философия

Н.Б. Шулевский

Иное — первоисточник неизвестной мудрости 173

Д.Л. Родзинский

Диалектическая рациональность и ее связь с метафизикой 188

А.В. Марков

М.М. Бахтин как философ хозяйства 207

А.А. Козлачков

О судьбе свободы в современном мире 217

Ф.И. Гиренок

Традиционные ценности: соотношение субъекта и объекта 232

Н.Н. Ростова

Александр Петров как собеседник Достоевского:

проблема сознания и жизни в повести

«Сон смешного человека» 240

Научная жизнь

Т.С. Сухина

Российская экономика в новых реалиях 253

Н.П. Недзвецкая

К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее 260

Анонсы — 2024 273

Наши авторы 279

Contents

Twenty-fifth Anniversary (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>E.I. Abramov</i>	
Ontological Aspects of Infrastructure Development	15
<i>M.G. Pokidchenko</i>	
Is Russia Eurasia?	25
<i>V.N. Pronchatov, A.M. Gorbachev</i>	
Engineers Represent the Epoch	36
<i>R.E. Sokolov</i>	
Philosophy of Economy in the Evangelical-social Wing of German Protestantism on the Example of the Innere Mission and Religious Socialism	56
Part II. Economic Theory	
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Russia in the Global Economy: the Need for Strategic Changes	75
<i>V.Yu. Skatkova</i>	
The Ideology of the State as the Engine of Economic Development of the Country Using the Example of the USSR	86
<i>M.A. Chirkov, A.V. Shapovalova, M.S. Chistyakov</i>	
Foreign Experience in the Practice of Using Parallel Import: Islamic Republic of Iran	97
<i>L.I. Farkhutdinov</i>	
Aristotelianism of Karl Marx. On the Question of the Ontological Continuity	121
<i>T.V. Rakhimov</i>	
Change Management Philosophical and Religious View	137
<i>M.L. Burik</i>	
From Political Economic Categories to Socialism Theories: G.V. Plekhanov's Critical Reception of German Political Economic Concepts into Russian Theoretical Culture	154

Part III. Actual Philosophy

N.B. Shulevsky

The Other as a Mover of Unknown Wisdom 173

D.L. Rodzinsky

Dialectical Rationality and its Connection to Metaphysics..... 188

A.V. Markov

Mikhail Bakhtin as a Philosopher of the Economy 207

A.A. Kozlachkov

On the Fate of Freedom in the Modern World..... 217

F.I. Girenok

Traditional values: the relationship between subject and object 232

N.N. Rostova

Alexander Petrov as Dostoevsky's Interlocutor:

the Problem of Consciousness and Life in the Story

«The Dream of a Funny Man» 240

Scientific Life

T.S. Sukhina

The Russian Economy in New Realities 253

N.P. Nedzvetskaya

Towards National Ideology: Past, Present, Future 279

Anounce 273

Our Authors 282

Двадцатипятилетие

25-й год выходит в свет научно-воззренческий журнал *«Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ»*. Журнал был основан с соблюдением всех требований госрегистрации аккуратно на рубеже XX и XXI вв. На свет он появился в 1999 г., на год ранее *лаборатории философии хозяйства* экономического факультета МГУ и на десять лет ранее *Академии философии хозяйства*, хотя и на пару лет позже *Философско-экономического ученого собрания*, сыграв тем самым самую что ни на есть значимую роль в становлении и самоопределении как самой по себе философии хозяйства, так и действенного международного сообщества ее сторонников.

Появление среди сомна гуманитарных, обществоведческих и экономических журналов *этого* или, скажем иначе, *такого* полуофициального, то бишь вполне себе и вольного аки птица, журнала стало незаурядным тогда событием, а плодотворное житие журнала в течение четверти века стало еще более неординарным событием, прежде всего потому, что журнал сей как возник, так и продолжает бытовать, выходя в свет шесть раз в календарный год объемом 19 п. л. каждый номер, как именно *вольный журнал*, всецело преданный избранному им изначала принципу — *свободы авторской мысли*, вовсе не сориентированный не то что на одну какую-либо предпочтительную для кого-то концепцию, но даже и на собственно философию хозяйства, не отделяя себя стеной, как, кстати, и сама философия хозяйства, ни от экономической науки и практики, ни от философии как таковой, ни от истории как науки и реальности, ни от актуальной социологии, ни от новомодной политологии, вообще от любой из наук и любого течения мысли, даже из естественных или тех же математических, не говоря уж о гуманитарных (оккультизм, астрология и т. п. вещи, они же и вести, тут исключаются). Журнал не препятствует любому авторскому мыслиеизъявлению с условием, конечно, достойного уровня научной культуры и соблюдения принципов ученой и гражданской этики.

За 1999—2023 гг. издано 150 книжек журнала — содержательных, многомысловых, классных. *Целая энциклопедия актуальной гуманитарной мысли!* Мало что российской, но и мировой тоже. *Смысло-когнитивное зеркало эпохи!* Да не так отражающее реально происходящее, его более всего лишь фиксируя, как его содержательно раскрывающее и по-особому трактующее, вовсе не всегда для эпохи и ее творцов, может, и лояльно, но зато так, как от самой эпохи и ее творцов в реалиях и исходит, правда, с учетом всего потока бытия-истории — прошлого, настоящего, будущего, разумеется, как с обращением к более или менее известному, видимому, вероятному, так и к неизвестному, невидимому, невероятному, что как раз и предопределило и всецело определяет особый характер журнала, его уникальную миссию — быть завязью, оплотом и источником *особого рода знания*, причем не так специализированно философско-хозяйственного (как бы клеточного, заранее втиснутого в аксиоматическую клетку), как вполне себе общевоззренческого знания, распахнутого на весь мир, который, этот самый мир, заметим особо, весь — *весь!* — хозяйство, ну и весь попадает под концептуальный прицел философии хозяйства, что, кстати, и делает философию хозяйства не только не отраслью какого-либо аксиоматически закодированного знания вроде научно-экономического или же научно-философского, но даже и не отдельной, тоже по-своему закодированной, специализированной наукой в сонме старательно и навсегда закодированных наук, а выводит философию хозяйства в разряд большого знаниево-размыслительного потока, вполне и однопорядкового мифологии как мифологии, философии как философии, богословию как богословию, науке как науке.

Философия хозяйства, конечно, достаточно новая отрасль знания, во всяком случае, как заявившая о себе таковой — именно *философией хозяйства*, хоть она, точнее, ее прообразы, всегда имели место в когнитивно-духовной сфере человечества, либо называясь как-то иначе, либо вообще никак не называясь, а что касается нынешнего определения (названия, обозначения, имени, бренда) в виде «*философии хозяйства*», то сие так уж сложилось в эпоху царствования науки, правда, уже не безупречного царствования, а в гумани-

тарной сфере и кризисного, и произошло это ради отхода сначала от уже втянувшейся в кризис научно-экономической, а затем и вообще научно-гуманитарной догматики, однако без попадания в объятия никакой другой гуманитарной догматики, зажив, так сказать, своей вольной жизнью, хоть и не без творческого взаимодействия с любыми другими отраслями знания.

И вот тут-то самое важное: философия хозяйства со своим мировоззрением не то чтобы новое знание, хотя в известном ракурсе это так, а знание... *иное* — ИНОЕ!, не подходящее вполне ни под одно из известных больших потоков мировоззренческого знания: мифологии, философии, богословия, науки, зато подошедшее на роль самостоятельного большого знаниево-размыслительного потока, в нашем реестре как раз пятого, при этом мало что недогматизированного, но и вряд ли обреченного на собственную догматику в силу своего прямого обращения к *мета(вне)догматической реальности*, как раз хозяйственной — думающей, решающей, творческой, беспокойной, мало того — *прямо из себя и воззренческой!*

Но это еще не все — указания на одну лишь мета(вне)догматику тут мало, нужна еще расшифровка этого самого *иного*, которое в исходе, конечно же, от *метафизики*, да вот какой же? А-а, акторы журнала, его издатели, авторы и читатели, наверное, догадываются, о чем тут речь, хоть и не все и не во всем, да вот как объяснить сие любому для журнала неопиту, еще и приверженцу какой-либо уже полюбившейся ему элитарной догматике... э-э... да никак не объяснить, ибо в *этакое* самому неопиту вникать надобно, да еще и не через предоставление ему точного определения (дефиниции), а через никак не определяемое... *собственное откровение!*

Тогда что же это такое, это самое *иное* — ИНОЕ! — применительно хотя бы к гуманитарному воззрению? Не будучи уверенными в возможность что-то этакое вполне объяснить, да еще и быть окончательно понятыми, смеем все-таки заявить, что *иное*, о котором речь, отличается когнитивно-интуитивным, если не прямо сверхсоznательным, оперированием не только со знанием (пусть лишь предполагаемым таковым по убеждению или по вере), как и не просто с незнанием, лишь подлежащим познавательному одолению и перево-

ду в разряд знаниевого знания, а с незнанием как *абсолютным незнанием*, которое было, есть и всегда будет... *незнанием* — НЕЗНАНИЕМ!, но чего игнорировать современному любознательнику никак нельзя, причем не ради лишь фиксации самого факта безличной наличности незнания, а ради учета сего онтологически казусного момента в своих размышлениях-воззрениях, да мало что учета факта присутствия незнаемого в реальности, но еще и... Sic!.. его не бросающейся в глаза *работы* — РАБОТЫ!, всю, почти всю или хотя бы многую текущую реальность немало, а то и в решающей мере, определяющей!

Такое мировоззрение восходит к Софии Премудрости Божией, но не в софиологическом, то бишь в претенциозно знаниевом, ключе, а совсем в ином, как раз... *незнаниевом*, правда, тоже по-своему претенциозном, однако иначе, ибо София тут не объект познания, а его субъект, превентивно взаимодействующий с земно-человеческим субъектом, отчего и открывается окормляемому Софией человеку искомое им на тот или иной момент *иное*, а потому здесь не софиология, а... *софиасофия* — СОФИАСОФИЯ!, когда земно-человеческой *софии* предшествует, ориентируя, небесно-божественная Соф́ия.

Усвоить сие одним махом образованному всеу уму невозможно, а вот открыть через внезапное озарение можно, правда, уж кому, как и когда Господь Бог дозволит!

Задумайся, читатель, надо всем, что вокруг на Земле и в той же России происходило, происходит и может еще произойти, над теми же бедами, морями, кризисами, войнами, революциями, реформами, перестройками, переворотами, над появлением, бытием и уходом в небытие этносов, народов, стран, цивилизаций, культур, идеологий, религий, иерархий, строев, да и над тем же прогрессом с его наукой, философией, идеологией, мифами, как и, разумеется, вполне реальными достижениями, весьма и неоднозначными, и увидишь вдруг, что земное бытие-история куда как шире видимого, фиксируемого, знаниемого, а само видимое, фиксируемое, знаниемое вовсе не такое уж видимое, фиксируемое, знаниемое, вот тогда, может, и поймешь, что, как и отчего все вокруг *творится*, включая

и твою собственную жизнь, а творится все *так*, что кое о чем важном и судьбоносном бывает и сказать-то нечего, ибо тут — *Тайна* — ТАЙНА!, она же и *трансценденция* — ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ!, и приходится вроде бы всезнающему прогрессисту признавать, что все *это* творится во многом мало что *само по себе*, так еще и по *чьей-то* не ведомой человеку воле, вовсе не такой уж к человеку и доброй.

И придется такому вот прогрессивному умнику признать, коли выпадет на него сия доля, она же и воля, она же и бремя, что есть она — *Великая Неизвестность*, как есть и оно — *Великое Иное*, тоже ведь исходно неизвестное, однако реальность всю определяющее — по-своему, по-иному, незнамо и как, достаточно и произвольно, и все это *неизвестное* плюс *иное* мало что есть, так ведь и *работает*, пронизывая Бытие-Историю, как и самого человека, и творит себе и творит, даже и самого человека творит, верша замысленное Творцом *Творение* — ТВОРЕНИЕ!, может, и в соответствии с Замыслом-Проектом Господа Бога Творца, а может, и нет, во всяком случае, имея от Господа свою долю творческой свободы, а уж о свободе от человека тут и говорить нечего.

Вот и получается: поставь *не свою* Софию впереди *своей* софий, и все твоё видение-ведение вокруг реально-ирреально происходящего вдруг резко и изменится, став... *иным*, а уж насколько более или менее реалистичным — судить тебе — *гуманитарно хозяйствующему субъекту* — придется уже самому вкупе с Бытием-Историей, которое как раз и есть Хозяйство, а соответственно и Творение, и Дело, и Смысл, и Вопрос, и Ответ, ну и Ничто с Тайной.

Вот она какая в своем ведческом коварстве, эта самая *философия хозяйства* — ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА, с неизбежностью становящаяся под опекой и давлением Софии *софиасофией хозяйства* — СОФИАСОФИЕЙ ХОЗЯЙСТВА! — ничего из наработанного человеком ментально-воззренческого не отвергающая, но, им вполне не удовлетворяясь, позволяя себе, не связывая себя наличествующей догматикой, идти дальше, выходя, не впадая в новую догматику, на размыслительный простор — в царство не изречимой просто так *мудрости* — МУДРОСТИ!

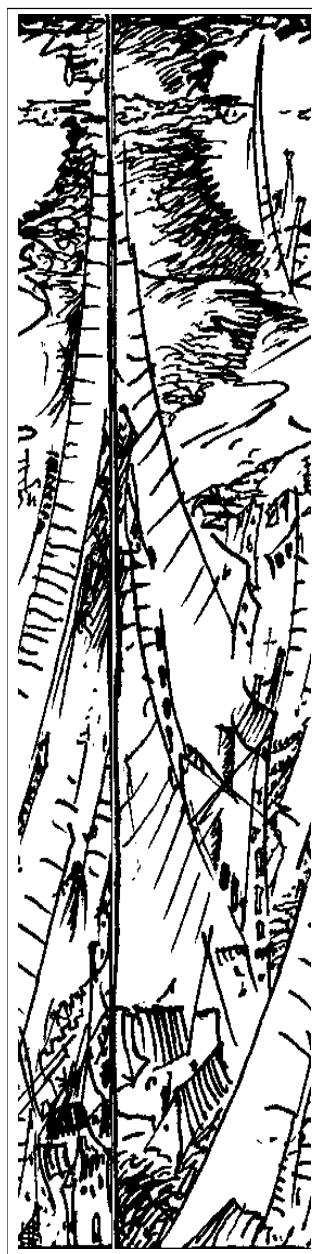
Не простой это журнал — *«Философия хозяйства»*, упорно идущий между Сциллой догматики и Харибдой вольности, вовсе не бесцельно и бесполезно меж ними идущий, да что идущий — пробирающийся, если не продирающийся, кое-что ценное длямышленных человек открывающий и проговаривающий, отчего подстать сему захватывающему творческий дух неутомимому ходу журнала и его история, которая тоже совсем не простая, эх, да что тут говорить: *есть он, есть сей несравненный журнал, отмечающий с честью и достоинством свое творческое совершеннолетие!*

Редколлегия и главный редактор благодарят всех, кто служил и служит журналу, кто принимал и принимает участие в его беспрецедентной судьбе, в становлении, издании и поддержке журнала, кто наполнял и наполняет журнал оригинальным содержанием, делая журнал эффективной «боевой единицей» на фронте актуального ученого размышительства!

Главный редактор

I

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

Е.И. АБРАМОВ

Онтологические аспекты развития инфраструктуры*

Аннотация. Статья поднимает вопрос онтологической основы создания инфраструктуры и ее существования. Создание и поддержание объектов инфраструктуры связаны с жизнью человека онтологически. Развитие инфраструктуры связано с дихотомией основных философских смыслов о становлении и распаде, упорядоченности и хаотичности. Неразрывно связана с созданием и использованием объектов инфраструктуры и экономическая деятельность человека. Создание и наличие инфраструктуры влияют на формирование окружающей физической среды и, косвенно, на духовное состояние субъекта, в этой среде существующего.

Понятие инфраструктуры имеет множество определений и не имеет единого определения, что объясняется множественностью подходов, различающихся по степени охвата категорий объектов физической реальности в зависимости от исследуемого предмета. Рассмотрение инфраструктуры с социальной и этнографической точек зрения позволяет увидеть инфраструктуру как силу, определяющую социальные взаимодействия. Инфраструктура — одна из главных инструментальных сил организации общественных связей.

Ключевые слова: онтология, инфраструктура, общественные блага, экономическая деятельность, социально-экономическое развитие, антропология, этнография.

Abstract. The article addresses the ontological underpinnings in infrastructure creation and existence. With the creation and maintenance of infrastructure assets ontologically bound to human existence, infrastructure development is enmeshed with the dichotomy of cardinal ideals of formation and decay, orderliness and disorder. Human economic en-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Абрамов Е.И. Онтологические аспекты развития инфраструктуры // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 15—25. DOI: 10.5281/zenodo.10675371.

deavours are inextricable from the creation and utilization of infrastructure assets. Their creation and availability inform both the inner and the ambient outer, impacting the individual and the surrounding physical environment.

Adorned with myriad interpretations, the notion of infrastructure eludes a singular definition. This complexity arises from a plurality of approaches, each delineating the scope of physical object categories contingent upon the subject under scrutiny. Investigating infrastructure through a human social science and ethnographic lens positions it as a dynamic actor molding social exchanges — a fundamental agency structuring communal ties.

Keywords: ontology, infrastructure, public goods, economic activity, socio-economic development, anthropology, ethnography.

УДК 111 : 330 : 338.47 : 338.49
ББК 65 : 87.1

Этимология лексемы «инфраструктура» связана с латинскими словами *infra* — «под», «ниже» и *structura* — «строение», «построение». Так, исходный смысл, сопровождающий данное понятие, означает своеобразный фундамент некоторого построения, формирующий его основу.

Можно проследить, как развитие инфраструктуры связано с дихотомией смыслов «жизнь, возникновение, создание, развитие — смерть, исчезновение, уничтожение, увядание». Исследование данных смысловых пар можно найти на всем протяжении развития философии.

Более пристальный взгляд позволяет осознать, что создание инфраструктуры занимает принципиально выдающееся, одно из ведущих мест в жизни человечества и отдельного человека, ведь вся деятельность человека проводится в непосредственном взаимодействии с объектами инфраструктуры, нахождении в них с точки зрения пространства (и времени). Объекты инфраструктуры опосредуют действие и бездействие человека, перемещение и неподвижность.

Инфраструктура позволяет человеку вести все виды деятельности, причем занятие экономической деятельностью в рамках не-

кого общества означает существование и динамику развития данного общества. Объекты инфраструктуры опосредуют перемещение и неподвижность людей как субъектов экономической деятельности, перемещение и неподвижность предметов (товаров) и совершение и несвершение действий (услуг) — как объектов экономической деятельности.

В качестве отправной аксиомы принимается утверждение, что состояние наличия экономической инфраструктуры связано с более высоким уровнем интенсивности экономической деятельности (ЭД), чем состояние отсутствия экономической инфраструктуры. В динамическом же рассмотрении создание (введение) экономической инфраструктуры связано с более высоким уровнем интенсивности ЭД; отсутствие экономической инфраструктуры — нулевым воздействием на интенсивность ЭД; выведение экономической инфраструктуры из использования — замедлением интенсивности ЭД.

Если позволить себе метафизическую гипотезу относительно существования инфраструктуры, то как жизнь человека связана с экономической деятельностью, так с ней связано и создание и существование объектов инфраструктуры. С одной стороны, объекты инфраструктуры могут быть гипотезированно представлены как живые организмы, которые, с другой стороны, одновременно вовлечены в экономическую деятельность.

Так, поддержание жизни объекта инфраструктуры, связанное с его модернизацией в контексте живого организма, связано с продолжением существования данного объекта, а в контексте экономической деятельности — с продолжением его способствования экономической деятельности.

Обсуждение вопроса ухода за состоянием объекта инфраструктуры наталкивает на мысль о противоборстве Жизни и общего, вселенского стремления материи к энтропии. Противоборство существует внутри дихотомий «упорядоченности и хаотичности», «становления (формирования) и распада». Энтропия предстает как стремление к рассеянию системности человеческого разума, разложению рукотворного.

Обращаясь к философии техники (Э. Капп, П. Энгельмейер, К. Маркс), можно обнаружить (см.: [4]), что, в отличие от самой техники, которая трактуется как продолжение органов человеческо-

го организма (органопроекция), в отношении объектов инфраструктуры (в узком понимании — зданий, сооружений и систем) данная концепция не может быть применена однозначно, ведь созданный объект инфраструктуры оказывается теперь существующим самостоятельно. «Инфраструктура» отлична от «технологии» тем, что является объектом-основой для действия других объектов, и при этом формируется система [8].

В контексте творчества как сути созидательной человеческой деятельности вся архитектура как одна из основополагающих областей искусства связана с проектированием и созданием объектов инфраструктуры. Влияние архитектуры, или, точнее, «архитектуры объектов инфраструктуры», на психоэмоциональное состояние человека стало областью современного научного дискурса и изучается направлением психологии, известным как «психология среды».

Автор настоящей работы придерживается точки зрения, согласно которой оценка влияния некоторого взятого явления становится возможной после выбора некоторой системы отсчета, в соответствии с которой объективно существующие направления развития данного явления трактуются как благоприятные/неблагоприятные, желательные/нежелательные. При рассмотрении проблемы роли инфраструктурного развития в национальной экономике с учетом международного опыта такой системой отсчета являются свойственные черты (постулаты, ценности) теории экономического роста (А. Смит, Й.А. Шумпетер, Р. Солоу), теории экономического развития (development economics) (У.У. Ростоу, С. Кузнец, В.А. Льюис), в соответствии с которыми благоприятным и желательным результатом экономической деятельности является экономический рост в количественном выражении.

В этой парадигме развитие инфраструктуры всех видов является благоприятным и желательным явлением, поскольку не только ее создание способствует экономическому росту, так как сопровождается рядом экономических транзакций (требуемых для ее создания) и связанным с этим высвобождением незадействованных экономических ресурсов (преимущественно финансовых). Помимо совершения данных капитальных затрат и их мультипликационного макроэкономического эффекта в одном временном периоде возникает потенциал многократной отдачи вложенных средств на протя-

жении многих временных периодов. Безусловно, поддержание исправности инфраструктуры также требует и регулярных затрат, которые, однако, вновь запускают эффект макроэкономического мультипликатора.

Кроме этого, создание и наличие инфраструктуры оказывают влияние и на духовное развитие человека как воспринимающего ее и взаимодействующего с ней субъекта. Данное влияние может проявляться как положительное при способствовании общению и личному взаимодействию, а также при удовлетворении личных потребностей.

Отрицательное влияние обнаруживается при воздействии объектов инфраструктуры на психоэмоциональное состояние общества. Явственно выделяется пагубность наличия стабильного шумового фона и шумовых выбросов. Данная проблема уже давно признана научным сообществом и стала известна как самостоятельный вид вредоносного загрязнения — загрязнение шумом (noise pollution) [13]. Психологическое воздействие оказывают и эстетические характеристики архитектурного исполнения объекта инфраструктуры. Известно, что архитектура так называемых «каменных джунглей» имеет трансформирующее гнетущее влияние и отрицательно сказывается на благополучии и самоощущении человека.

Кроме оказания психоэмоционального воздействия, создание объектов инфраструктуры влечет нарушение гомеостаза биосферы и экосистем, повреждение целостности которых приводит к оскудению биоразнообразия и деградации территорий.

* * *

Рассмотрим современные подходы к определению понятия «инфраструктура». Российский экономист, философ транспорта Г.А. Гольц определял инфраструктуру как «весь комплекс устройств, систем, сооружений, обеспечивающих воспроизводственные процессы в хозяйственной, социальной, культурной, экологической, демографической, управленческой, политической сферах деятельности общества» [2, 6]. Таким образом, инфраструктура рассматривалась им как «вполне осязаемый материальный фундамент, благодаря которому возможно функционирование и развитие всех подсистем хозяйства и социума» [2, 6].

Объекты инфраструктуры представляют собой необходимые артерии для совершения всех мыслимых экономических транзакций. Качественно развитая инфраструктура увеличивает «скорость оборота товаров, капиталов, идей и информации» [2, 19]. Причем, по мнению Гольца, в условиях кратного увеличения скорости передачи информации, что в его социосинергетической теории связано с глубокими философскими, социально-экономическими и социально-культурными изменениями, важнейшей сферой инфраструктуры является информационно-коммуникационная, получая примат над транспортной. В целом, в ходе своего развития инфраструктура не только стимулирует, но и инициирует развитие всей экономической системы. С созданием инфраструктуры связаны промышленные заказы на капитальное строительство, оборудование и подвижной состав, а в сельскохозяйственном секторе объекты инфраструктуры дополнительно соединяют места производства и рынки сбыта. Кроме этого, инфраструктура является потенциальным катализатором сглаживания глубоких социально-культурных региональных различий.

При исследовании влияния транспортной инфраструктуры Гольц предлагает обратить внимание на локальные (зависимость транспортного потока от скорости, стоимости, надежности доставки) и макроэкономические показатели (зависимость темпов социально-экономического развития от суммарной скорости доставки грузов и пассажиров) (см.: [2, 19]). Интересно, что в работе, посвященной методике восстановления исторических данных о динамике валового внутреннего продукта, важнейшим косвенным фактором выделяется анализ данных о всех видах перевозок [1], что дополнительно свидетельствует об основообразующей роли инфраструктуры (в том числе транспортной) в экономической системе.

В контексте экономического развития инфраструктура видится как средство капитализма для создания экономического богатства, которое будет распределено (см.: [17]).

Современные зарубежные классификации, создаваемые для проведения экономических исследований, подходят к определению инфраструктуры, различая ее по степени охвата категорий физических объектов в зависимости от исследуемого предмета. Например, в статье «Measuring Infrastructure in BEA's National Economic

Accounts» [5] перед авторами стояла задача наиболее объективного рассмотрения инфраструктуры для целей национальной экономической политики. С помощью статистических данных Системы национальных счетов определение инфраструктуры производится через объединение трех широких категорий активов:

- базовая (здания, сооружения и оборудование в отраслях энергетики, транспорта, водоснабжения, водоотведения, обращения с отходами, гидротехники);
- социальная (социальные объекты: правоохранительные учреждения, учреждения образования, больницы);
- цифровая (активы, обеспечивающие хранение и передачу информации посредством централизованной коммуникационной системы).

Сохраняется неоднозначность отнесения активов в случае цифровой инфраструктуры: прежде всего, ввиду недостаточной детализации официальной статистической информации. Тем не менее авторы однозначно относят к ней активы предприятий в отраслях телерадиовещания, телекоммуникаций, обработки данных, информационных услуг, интернет-издательств. К данным активам относятся телекоммуникационное и компьютерное оборудование, а также программное обеспечение данного круга предприятий.

Если использовать таксономию экономических благ П. Самуэльсона и Р. Мусгрейва, разделяемых по критериям конкурентности (*rivalry*) и исключаемости (*excludability*), при исследовании инфраструктуры интерес представляет в целом категория неконкурентных общественных благ — как исключаемых, так и неисключаемых [10; 12]. Тем не менее логично обозначать в качестве инфраструктуры не только общедоступные объекты или объекты, служащие общественным интересам, но и те объекты, которые находятся в частной собственности предприятий других секторов и отраслей, однако без которых их нормальная экономическая деятельность была бы невозможна или затруднена.

«Инфраструктуру считают некой скрытой основой — связующей средой или током между объектами, имеющими позитивные следствия, форму и закономерность. Однако сегодня инфраструктура — это не только сети труб и проводов, но и массивы микроволн от спутников, и популяции миниатюрных электронных устройств,

которые мы держим в руках. Общие стандарты и идеи, управляющие всем — от технических объектов до стилей менеджмента — также составляют инфраструктуру. Инфраструктура вовсе не скрыта: напротив, теперь она — явная точка соприкосновения и доступа между всеми нами — правила, регулирующие пространство повседневной жизни» [6, 11], — утверждает архитектор Келлер Истерлинг, автор книг о роли структуры пространств.

Рассмотрение инфраструктуры с социальной и этнографической точек зрения позволяет увидеть инфраструктуру как силу, определяющую социальные взаимодействия: какие точки пространства должны быть соединены, а какие — не должны; представители каких социальных групп, а также какие материальные ценности могут свободно перемещаться, а какие должны оставаться на месте; на уровне городов — кто может и должен быть включен в городскую жизнь, а кто из нее исключается [11].

Возникает понятие «инфраструктурного брутализма» — [самостоятельной] эстетики, политическая программы, а также психологического и материального состояния [17, 33]. Инфраструктура — один из главных векторов организации общества государством [14], которое обладает «инфраструктурной силой», используемой для регулирования направлений развития гражданского общества [9]. В связи с этим выделяется термин *infrastructural violence* — «инфраструктурное насилие (инфраструктурная жестокость)», проявляющийся в двух видах: активном и пассивном. Активное инфраструктурное насилие связано с умышленными, активными действиями создания инфраструктуры, сопровождающимися негативными, дискриминирующими последствия для отдельных групп. Пассивная форма данного понятия, наоборот, связана с непредумышленными пагубными последствиями, вытекающими из ограничений и недочетов инфраструктуры [11, 406—407].

Продолжение этнографического рассмотрения инфраструктуры приводит к тому, что в научном дискурсе сегодня также появляется новый, непривычный для современной западной культуры взгляд, в соответствии с которым в качестве объекта инфраструктуры начинает рассматриваться сам человек. По отношению к местным агломерациям рассматривается инфраструктура человеческих взаимоотношений [15]: личных и деловых — как сеть невидимых

связей, заложенная в само слово «инфраструктура». Выстраивание такой сети для каждого индивида сравнивается с построением инфраструктуры, в котором участвует «фатический труд» [7] семиотического блага речевых коммуникаций. Наконец, в качестве инфраструктуры рассматривается само человеческое тело [16], когда человек выполняет физический труд, обеспечивает социальный уход, осуществляет необходимые, но порой невидимые общественно полезные действия, позволяющие людям в отдельности и обществу в целом продолжать жизнь и деятельность. «Обеспечение функционирования» данной сферы социальной инфраструктуры порождает множество этических вопросов, на которые человечеству предстоит ответить в будущем.

Переходя к окончанию, в итоге рассмотрения всех этих подходов видно, что широта и фокус определения инфраструктуры остаются в каждом из прикладных случаев на усмотрение исследующего ее автора. «Нельзя сказать, что различные инфраструктуры просто позитивистски существуют. Подход к определению инфраструктуры — это вопрос выбора категорий» [8], которые и наполняют ее смыслом.

Литература

1. Гольц Г.А. Долговременные исторические тренды как фактор экономического прогнозирования: транспорт, экономика, демография // Проблемы прогнозирования. 2004. № 2. С. 25—36.
2. Гольц Г.А. Инфраструктура и общество: принципы стратегии опережающего развития России // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 5—21.
3. Миловидов В.Д. Философия финансового рынка. М.: ООО «Издательство МАГИСТР», 2013. 272 с.
4. Никитаев В.В. Философия техники, инфраструктура и власть // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации: материалы конференции с международным участием, Москва, 05—06 ноября 2019 года / Институт философии РАН. М.: Университетская книга, 2019. С. 268—271.

5. *Bennett J. et al.* Measuring Infrastructure in BEA's National Economic Accounts / J. Bennett, R. Kornfeld, D. Sichel, D. Wasshausen. Cambridge, Mass: National Bureau of Economic Research, 2020.
6. *Easterling K.* Extrastatecraft: The Power of Infrastructure Space. L.: Verso, 2014. 252 p.
7. *Elyachar J.* Phatic labor, infrastructure, and the question of empowerment in Cairo // *American Ethnologist*. 2010. Vol. 37 (3). P. 452—464.
8. *Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. 2013. No. 42:1. P. 327—343.
9. *Mann M.* The autonomous power of the state: Its origins, mechanisms and results // *European Journal of Sociology*. 1984. No. 25 (2). P. 185—213.
10. *Musgrave R.* A Theory of Public Finance. N. Y.: McGraw-Hill, 1959. 628 p.
11. *Rodgers D., O'Neill B.* Infrastructural violence: Introduction to the special issue // *Ethnography*. 2012. Vol. 13 (4). P. 401—412.
12. *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *The Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36 (4). P. 387—389.
13. ScienceDirect. Noise Pollution: URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/noise-pollution> (дата обращения: 19.12.2021).
14. *Scott J.C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, C: Yale University Press, 1998. 464 p.
15. *Simone A.* People as Infrastructure: Intersecting Fragments in Johannesburg // *Public Culture*. 2004. No. 16. P. 407—429.
16. *Truelove Y., Ruszczyk H.A.* Bodies as urban infrastructure: Gender, intimate infrastructures and slow infrastructural violence // *Political Geography*. 2022. Vol. 92. No. 102492.
17. *Truscello M.* Infrastructural brutality: art and the necropolitics of infrastructure. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2020. ix, 366 p.

References

1. Gol'c G.A. Dolgovremennye istoricheskie trendy kak faktor ekonomicheskogo prognozirovaniya: transport, ekonomika, demografiya // Problemy prognozirovaniya. 2004. № 2. S. 25—36.
2. Gol'c G.A. Infrastruktura i obshchestvo: principy strategii ope-rezhayushchego razvitiya Rossii // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2000. № 2. S. 5—21.
3. Milovidov V.D. Filosofiya finansovogo rynka. M.: ООО «Iz-datel'stvo MAGISTR», 2013. 272 s.
4. Nikitaev V.V. Filosofiya tekhniki, infrastruktura i vlast' // Pervye Stepinskie chteniya. Sovremennyy etap razvitiya nauki i krizis tekhnogennoj civilizacii: materialy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 05—06 noyabrya 2019 goda / Institut filosofii RAN. M.: Universitetskaya kniga, 2019. S. 268—271.

М.Г. ПОКИДЧЕНКО

Россия — это Евразия?*

Аннотация. В статье рассматривается историческое противопоставление России и Западной Европы в течение XVIII—XXI вв. Привлекаются мнения как российских, так и западных политиков и общественных деятелей. Показано, что современные противоречия России и Запада имеют глубокие и давние общественно-политические основания.

Ключевые слова: геополитика, история, экономика.

Abstract. The article examines the historical contrast between Russia and Western Europe during the 18-th and 21-st centuries. The opinions of both Russian and Western politicians and public figures are

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Покидченко М.Г. Россия — это Евразия? // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 25—35. DOI: 10.5281/zenodo.10675376.

attracted. It is shown that the modern contradictions between Russia and the West have deep and long-standing socio-political foundations.

Keywords: geopolitics, history, economics.

УДК 327.5, ББК: 66.4(2Рос)

JEL коды: B15, Z18, N40.

Сейчас в связи с противостоянием России и Запада у нас происходит поворот на Восток. Причем этот поворот касается не только экономики и политики, но и идеологии. Раздаются голоса, что в России не европейская, а особая евразийская цивилизация. Не вдаваясь в вопрос о сущности российской цивилизации, обратим внимание на то, что эта ситуация (противостояние России и Запада и связанные с этим дискуссии о природе российской цивилизации) не нова. Более того, она уже несколько столетий занимает определенное место в российской истории. Этому и будет посвящена данная статья.

Уже в конце XVI в., при Борисе Годунове появляется идея восприятия западной культуры. В результате, первая группа молодых людей была послана учиться в Западную Европу. (Дальнейшая судьба их неизвестна.) В течение XVII в. западная культура постепенно проникала в Россию. В частности, в Москве уже возникла целая Немецкая слобода. Затем, в начале XVIII в., стали проводиться радикальные реформы Петра I. И все это время, с конца XVI в. по конец XVIII в., в России были как сторонники, так и противники культурного сближения с Европой. Последние выдвигали идею «русской самобытности».

Однако лишь в начале XIX в. в образованных кругах России стало оформляться теоретическое обоснование самобытности России. С одной стороны, это было связано с новыми веяниями в европейских общественных науках. До этого в Европе господствовала рационалистическая философия, берущая свое начало в эпоху Возрождения. В ней в XVIII в. сформировалась концепция «естественного порядка» в обществе, согласно которой общественный порядок вытекает из «естества» (природы) человека. Природа же человека трактовалась как единая для всех времен и народов. Поэтому различия общественных отношений в разных странах, т. е. с точки зрения

философов-рационалистов — отклонения от естественного порядка, происходят из-за плохих правителей, незнакомых с универсальными общественными законами. Следовательно, задача философов — просветить правителей в отношении этих законов и сделать их «просвещенными монархами». Среди монархов, которые в XVIII в. пожелали стать «просвещенными», была и наша Екатерина II, получавшая консультации от Вольтера, Дидро, Даламбера и др. Но в начале XIX в. в европейских общественных науках, а также в литературе и искусстве, наступает эпоха Романтизма, когда начали обращать внимание на исторические и национальные особенности отдельных стран.

С другой стороны, идея национальных особенностей, или российской самобытности, стала актуальной в России в царствование Николая I по социально-политическим причинам. Не всем в России нравилась консервативная форма правления Николая I, прозванного в народе «Николай Палкин» и в обществе усилилась дискуссия о пути развития России. Как известно, Николай I вступил на престол после восстания декабристов, желавших повернуть развитие России на республиканский путь или, как минимум, на путь конституционной монархии. Восстание было подавлено, но брожение в обществе осталось. Власти понимали, что надо применить не только административный кнут, но и идеологический пряник. Брожение же в обществе происходило, по мнению властей, из-за «тлетворного влияния Запада», и надо противопоставить образу загнивающей революционной Европы образ процветающей самобытной России.

В 1833 г. министр народного просвещения С. Уваров сформулировал «закон развития России», базирующийся на трех принципах: православие — самодержавие — народность. Так был сделан первый вклад в дискуссию о российской самобытности. Этот «закон» власти стали пропагандировать в печати и в сфере образования, но поскольку делали это, очевидно, чересчур назойливо и топорно, реакция не замедлила последовать. В 1836 г. в журнале «Телескоп» появилась статья П. Чаадаева «Философическое письмо», в которой он тоже писал о самобытности России, но в исключительно негативном смысле. Чаадаев считал, что Россия не пошла ни по западному, ни по восточному пути, а оказалась в тупике. Власти отре-

агировали быстро — журнал закрыли, редактора сослали, а Чаадаева объявили сумасшедшим, но этим только подогрели интерес общества к проблеме «закона развития России».

В результате, на рубеже 1830—1840-х гг. в среде российской интеллигенции оформилось два течения — западников и славянофилов. Оба течения критически относились к существующим в России порядкам, оба считали, что Россия отстает от Европы, но, если западники утверждали, что Россия должна быстрее перенимать западные формы общественной жизни, то славянофилы считали, что отставание России связано с тем, что со времен Петра I ей насильственно навязывают не свойственный русскому человеку образ жизни, и для того, чтобы Россия стала развиваться, ей снова надо стать самобытной. Иногда были переходы из одного лагеря в другой — так Герцен, бывший в России западником, уехав в эмиграцию и посмотрев на реальную европейскую жизнь с ее, по его мнению, бездуховностью и меркантильностью, стал родоначальником теории «русского социализма», с опорой на крестьянскую общину и рабочую артель, благодаря чему Россия сможет избежать так не понравившегося Герцену капитализма.

Во второй половине XIX в. к славянофилам добавились почвенники, для которых было характерно «отмежевание от традиционного славянофильства как от направления “теоретического”, “узкого”, “барского” и неспособного ответить на вопросы современности» [4, 173], и народники, продолжавшие развивать теорию русского социализма. Далее в 1920-е гг. в среде русской эмиграции появились евразийцы, утверждавшие, что российская цивилизация сочетает в себе европейские и азиатские черты и Российская империя была наследницей империи Чингисхана. (Далее будет показано, что идеи евразийства были в России и в XIX в.) Последним российским теоретиком евразийства, уже во второй половине XX в., был Л. Гумилев. Таким образом, идея о самобытности России, о ее особой цивилизации формировалась в российском общественном сознании в течение четырех столетий.

Не вдаваясь в особенности взглядов отдельных течений российских «самобытников» (термин М. Туган-Барановского), обратим внимание на их общую идею противопоставления России Западу. Следует признать, что это противостояние происходило скорее по

инициативе Запада, а появление российских самобытников было ответной реакцией. Почвенник Ф. Достоевский писал об этом: «...Европа готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себе как людей, как породу, ...мы им мерзим..., особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями» [6, 440].

Одновременно с тем, что Европа смотрела на Россию сверху вниз, она боялась и боится Россию. Поэтому уже после преобразований Петра I в Западной Европе было сфабриковано его фальшивое завещание, в котором Петр I якобы призывал к дальнейшему завоеванию Европы. Усиление России при Екатерине II еще больше напугало Запад и в XIX в. было две попытки военного подавления России — нашествие Наполеона и Крымская война.

Обоснования же необходимости подавления России были абсолютно те же, что и сегодня, о чем писал в 1868 г. русский историк Н. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». Обычно ее вспоминают в связи с тем, что в ней он, одним из первых, выдвинул концепцию цивилизационного развития человечества, которую затем развивали О. Шпенглер и А. Тойнби. Но Данилевский писал, прежде всего, о том, что европейская и российская цивилизации различаются, для чего и создал общую теорию цивилизаций в качестве обоснования этой мысли. Он указывал на неприятие в Европе российской цивилизации, на негативное отношение Европы к России: «Россия, — не устают кричать на все лады, — колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана (Бог зла в древнеиранской религии зороастризма. — *М.П.*), какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе» [3, 29].

В XX в. на Западе появились и теоретические обоснования евразийской природы России (в негативном смысле). В 1918 г. вышла книга «Географическая ось истории» англичанина Х. Маккин-дера, одного из родоначальников геополитики как науки. В ней он выдвигал теорию противостояния двух цивилизаций — островной и материковой (евразийской). Евразию он называл Хартленд. Остров-

ную возглавляет Англия, и к ней примыкают прибрежные страны — прежде всего Франция, Бельгия и Голландия. К материковой цивилизации относятся страны Восточной Европы во главе с Германией (напомним, что книга вышла сразу после Первой мировой войны). Островная цивилизация — демократическая, материковая (евразийская) — авторитарная.

Маккиндер предсказывал, что в будущем островную цивилизацию возглавят США, а евразийскую — Россия. Россию же Маккиндер характеризовал следующим образом: «Россия — это первый насельник Хартленда, обладающий по-настоящему многочисленной и грозной живой силой» [5, 243]. Кроме того, «по мнению тех, кто лучше всего знает Россию, авторитарное правление того или иного рода в ней неизбежно» [5, 268].

Поэтому «нашим потомкам, — писал Маккиндер, — придется мобилизовать силы для осады Хартленда» [5, 263], «ибо Хартленд порождает и будет порождать всемогущий милитаризм» [5, 273]. Задача островной (западной) цивилизации — «навсегда обезопасить Хартленд, привлекая туда океанскую свободу» [5, 284]. Далее, мечтал Маккиндер, «представляется, что надежнее всего для международного управления поручить какой-то одной державе опеку над человечеством... Нет основания считать, что этот принцип... неприменим... если мы поручим Американской республике и Британской империи беречь мир на земном шаре» [5, 283]. Таким образом, современные западные идеи об англосаксонском глобальном доминировании зарождались еще 100 лет назад.

Вслед за Маккиндером над этими проблемами по другую сторону баррикад размышлял О. Шпенглер, прославившийся своей книгой «Закат Европы» (1918, 1922), продолжением которой была книга «Года решений» (1933). Как пишет в своей книге российский публицист Д. Быков (признанный иностранным агентом): «Шпенглер многократно утверждает, что время морских империй ушла в прошлое, настала эпоха сухопутных, что прусская идея благородна, а британская прагматична и цинична» [2, 93]. «Отношение Шпенглера к России было двойственным. С одной стороны, она глубоко чужда Европе, стремится к Азии, реформы Петра I ей были органически чужды... С другой — воевать с Россией немцам нельзя ни в

кчем случае, исторически они с Россией скорее союзники» [2, 94]. Интересна приводимая Быковым цитата Шпенглера о природе российской цивилизации: в России образованное «общество было западным по духу, а простой народ нес душу края в себе. Между этими двумя мирами не существовало никакого понимания, никакой связи...» [2, 95] Но дальше, сравнивая двух великих представителей российского образованного общества, Толстого и Достоевского, Шпенглер эту проблему утрирует: «...Достоевский был крестьянин, а Толстой — человек из общества мировой столицы. Один никогда не мог освободиться от земли, а другой, несмотря на все свои отчаянные попытки, так этой земли и не нашел» [2, 95]. В действительности же, Достоевский, конечно, не был крестьянином в буквальном смысле слова, но по своим политическим взглядам был «почвенником», а Толстой действительно пытался слиться с народом и даже пахал землю, но «западником» не был, а имел более широкий взгляд на Россию.

Перенесемся теперь в самый конец XX в. Казалось бы в мире произошли огромные перемены — закончилась Вторая мировая война, рухнула социалистическая система во главе с Советским Союзом, но проблемы, поднятые Маккиндером, остались актуальными. В 1997 г. вышла книга «Большая шахматная доска» американского политолога, бывшего до этого советником по национальной безопасности президента США З. Бжезинского, который, кстати, ссылался в ней на Маккиндера. «Шахматная доска», по Бжезинскому — это Евразия, а «шахматист» — США. Бжезинский писал, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [1, 43]. «В связи с этим критически важным является то, как Америка «управляет» Евразией» [1, 44].

Главным принципом управления здесь является старое как мир правило — разделяй и властвуй. Прежде всего, это касается, по мнению Бжезинского, наиболее крупных фигур на евразийской «шахматной доске». Самую западную часть Евразии, считает Бжезинский, можно не принимать во внимание: «...западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа остаются в зна-

чительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных» [1, 76]. «Даже остаточный европейский антиамериканизм, в настоящее время очень слабый, является удивительно циничным: европейцы сетуют по поводу американской “гегемонии”, но в то же время чувствуют себя комфортно под ее защитой» [1, 77]. После этих слов остается только удивляться современным европейским лидерам, живущим по пословице: «Им плюнь в глаза, а они — то божья роса!».

Далее на восток, по списку Бжезинского, следуют Россия, Турция, Иран, Индия, Китай, Южная Корея и Япония. С двумя последними, по его мнению, у США проблем нет. Из перечисленных же центральных евразийских стран особую озабоченность у американцев вызывают Россия, Китай и Иран, особенно, если они объединятся. «Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняемые обиды» [1, 72]. В качестве мер нейтрализации «крупных фигур» Бжезинский рекомендует устраивать им конфликты с соседями и разжигать внутренние противоречия. Например, на Россию надо натравить бывшие союзные республики и поощрять, в том числе материально, прозападную часть общественной элиты. Из всех бывших советских республик надо, по мнению Бжезинского, прежде всего оторвать от России Украину. «Без Украины, — подчеркивал он, — Россия перестает быть евразийской империей» [1, 61].

России Бжезинский уделял особое внимание. «...Россия... остается крупным геостратегическим действующим лицом, несмотря на ослабленную государственность и, возможно, затяжное нездоровье. Само ее присутствие оказывает ощутимое влияние на обретшие независимость государства в пределах широкого евразийского пространства бывшего Советского Союза. ...Как только она восстановит свою мощь, то начнет также оказывать значительное влияние на своих западных и восточных соседей» [1, 59]. Поэтому США ни в коем случае не должны «допустить возрождения вновь евразийской империи, которая способна помешать осуществлению амери-

канской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы [1, 108]. В другом месте Бжезинский прямо писал, что «Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией» [1, 123]. Но при этом России надо морочить голову, «Россию необходимо постоянно заверять в том, что двери в Европу открыты, как и двери для ее окончательного участия в расширяющейся трансатлантической системе безопасности и, вероятно, в будущем, в новой трансевразийской системе безопасности» [1, 106].

Возникает вопрос: если все это так откровенно и цинично было написано еще в 1997 г., а в России издано в 1999 г., о чем думали в это время наши «народные витии» и государственные деятели, почему они продолжали верить в дружбу с Западом? Очевидно, это было связано с нашим советским воспитанием, когда нас всю жизнь уверяли со всех трибун и страниц, что главное противоречие СССР с Западом — идеологическое. Поэтому, когда рухнул социализм, мы решили, что у нас с Западом противоречий не осталось. Эту мысль подтверждает интервью Путина, данное им после ежегодной декабрьской пресс-конференции в 2023 г. В нем он признался, что на рубеже XX и XXI вв. тоже был таким же наивным «одуванчиком» и считал, что слова и дела деятелей типа Бжезинского — лишь последние рецидивы «холодной войны», и скоро мир и дружба с Западом наладятся.

В действительности же идеология и другие «ценности» — это лишь «фиговый лист», прикрывающий реальные противоречия между странами, которые базируются на дележе ресурсов и рынков сбыта, а «хорошие» отношения между странами возникают на основе взаимной выгоды. Можно привести здесь мнение Данилевского. Сначала он приводит отрывок из письма графа Растопчина Павлу I, «что России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых. Переменяющиеся столь часто обстоятельства могут рождать и новые сношения, и новые связи, но все сие может быть случайно, временно» [3, 567]. Сейчас эти случайные политические связи называются ситуативными союзами. Далее Данилевский развивает мысль Растопчина следующим образом: «...мы постоянно проводим мысль, что Европа не только нам чуждое, но даже враж-

дебное, что ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположные. Из этого, однако, не следует, чтобы мы... должны были прервать всякие сношения с Европой... это не только невозможно, но было бы даже вредно...». Но если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела... с нашей особой, русской точки зрения» [3, 574—575].

Таким образом, подводя итоги, следует признать, что Россия уже с XVIII в. воспринималась на Западе как что-то инородное и потенциально опасное, а потому, считали западные политики, Россию надо нейтрализовать, а еще лучше подчинить, расчлениить и т. д. Моральным же оправданием для таких планов было утверждение, что Россия — не Европа. Она, выражаясь словами одного из лидеров Евросоюза Ж. Борреля — часть «диких джунглей, окружающих культурный европейский сад». И Запад добился своего — современная Россия через 30 лет после крушения Советского Союза, наконец, поняла, что насильно Западу мил не будешь, что своими Запад нас никогда не признает, и вспомнила собственную евразийскую природу.

Интересно, что проблему евразийской природы российской цивилизации затрагивал и Бжезинский. Он писал, что крах социализма в СССР положил «начало в России процессу широкого поиска души, широким дебатам по вопросу о том, как в настоящее время должна Россия определять самое себя в историческом смысле, появлению многочисленных публичных и частных суждений по вопросам, которые в большинстве крупных стран даже не поднимаются: “Что есть Россия? Где Россия? Что значит быть русским?”». «Это не просто теоретические вопросы: любой ответ на них наполнен значительным геополитическим содержанием» [1, 118—119]. Далее Бжезинский отмечал, что среди различных группировок, дающих ответы на эти вопросы, были и «сторонники до некоторой степени мистического представления о евразийстве как основном определении постоянной исторической миссии России» [1, 129], «...что в геополитическом и культурном отношении Россия не совсем европейская и не совсем азиатская страна. И поэтому явно

представляет собой евразийское государство, что присуще только ей» [1, 133].

Ну, что же, с этим был согласен и Ф. Достоевский, который писал, что «...Россия не в одной только Европе, но и в Азии, потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [6, 437]. Тебе же, любезный читатель, надлежит сделать собственные выводы. Однако следует вспомнить, что при основании Московской Руси (будущей России) ей был дан в качестве герба двуглавый орел, одна голова которого смотрит на запад, а другая на восток.

Литература

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
2. *Быков Д.Л.* Освальд Шпенглер // Дилетант. 2023. № 096. Декабрь.
3. *Данилевский Н.* Россия и Европа. СПб.: Азбука, 2020.
4. *Карпи Г.* Достоевский-экономист. М.: Фаланстер, 2012.
5. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории. М.: АСТ, 2023.
6. *Рохмистров В.* Большая игра. СПб.; М.: Пальмира, 2018.

References

1. *Bzhezinskiy Z.* Velikaya shakhmatnaya doska. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999.
2. *Bykov D.L.* Osval'd SHpengler // Diletant. 2023. № 096. Dekabr.
3. *Danilevskiy N.* Rossiya i Evropa. SPb.: Azbuka, 2020.
4. *Karpi G.* Dostoevskiy-ekonomist. M.: Falanster, 2012.
5. *Makkinder KH.* Geograficheskaya os' istorii. M.: AST, 2023.
6. *Rokhmistrov V.* Bol'shaya igra. SPb.; M.: Pal'mira, 2018.

В.Н. ПРОНЧАТОВ, А.М. ГОРБАЧЕВ

Инженеры представляют эпоху*

Аннотация. Символами любой эпохи становятся субъекты и объекты всех ее отношений. Этих отношений много, поэтому символами становятся правители, философы, художники, ученые, средства производства, источники энергии и формы капитала. Авторы статьи пытаются отыскать инженеров, которые представляют специфику инженерной мысли своего времени. На эту роль авторы статьи предлагают голландского гидротехника Яна Андриансона Лигвотера, английского создателя общедоступных железных дорог Джорджа Стефенсона, немецкого электротехника Вернера фон Сименса, американского конструктора массового автомобиля Генри Форда и основателя компании Apple американца Стива Джобса.

Ключевые слова: знак, символ, инженер, механическая, диалектическая, электромагнитная, релятивистская картина мира, каналы, мельницы, общедоступные железные дороги, электротехника, массовый автомобиль, компания Apple, Я. Лигвотер, Дж. Стефенсон, В. фон Сименс, Г. Форд, С. Джобс.

Abstract. The symbols of any epoch are the subjects and objects of all its relationships. There are many of these relationships, so rulers, philosophers, artists, scientists, means of production, energy sources and forms of capital become symbols. The authors of the article are trying to find engineers who represent the specifics of the engineering thought of their time. For this role, the authors of the article propose the Dutch hydraulic engineer Jan Adriaanszoon Leeghwater, the English creator of public railways George Stephenson, the German electrical engineer Werner von Siemens, the American designer of mass-produced automobiles Henry Ford and the American founder of Apple Inc. Steve Jobs.

Keywords: sign, symbol, engineer, mechanical, dialectical, electromagnetic, relativistic image of the world, canals, mills, public rail-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Прончатов В.Н., Горбачев А.М. Инженеры представляют эпоху // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 36—55. DOI: 10.5281/zenodo.10675378.

ways, electrical engineering, mass automobile, Apple Inc., J. Leeghwater, G. Stephenson, W. Siemens, G. Ford, S. Jobs.

УДК 168.5
ББК 87.6

То, что мне суждено было сотворить, было велико.

*Зодчий Инени. Новое Царство.
XVI в. до н. э.*

Постановка проблемы. По мнению К. Маркса, эпохи различаются характерным для них способом производства. Но любой способ производства предполагает деятельность людей, каждый из которых самобытен и неповторим. Если мы хотим увлечь молодых людей производством, надо рассказывать не только о станках, но и о людях, которые эти станки создают. Но этих людей очень много, и никакая наука не сможет рассказать обо всех, хотя квантовая история пытается это сделать. Значит надо найти тех, кто в своей особенности или отдельности сможет наглядно представить общее и всеобщее. Говоря языком школьных уроков литературы, надо отыскать типичного представителя инженерной мысли своего времени, а для этого надо отыскать критерий отбора.

Предлагаемое решение проблемы. Начиная с XVII в., главным героем способа производства становится инженер. Надо выделить выдающихся инженеров своего времени и каждого из них проверить на способность стать символом. Каждую эпоху объединяют характерные для нее способ действия и способ мышления. Они проявляются во всех видах деятельности. Кандидаты на звание символа должны обладать способностью представлять не только инженерную деятельность, но и всю эпоху в целом. Тот из них, кто выдержит эту проверку, и будет представлять способ производства своей эпохи.

Знак и символ, содержание понятий. Для решения поставленной задачи надо, прежде всего, определить содержание понятий *знак* и *символ*, т. е. вычленив их основное противоречие и проследить его трансформации на протяжении истории. Такой возможности в краткой статье у нас нет, поэтому воспользуемся работой [16].

Знаком будем называть предмет или изображение, которое указывает на другой предмет или замещает его. Изображение змеи, обвившейся вокруг чаши, традиционно связывают с медициной. Если это изображение указывает дорогу к конкретному лечебному учреждению, то мы имеем дело со знаком. Символом оно станет там, где будет указывать на всю совокупность общественных отношений медицины, которые являются продуктом ее истории.

Из огромного количества символических изображений мы выбираем и будем использовать понятие *«универсальная картина мира»*. Это символ, который указывает на *всю* совокупность общественных отношений своей эпохи. Их субъекты и объекты становятся знаковой составляющей символа. Если на обложке книги поместить изображения автомобиля «Форд-Т», дредноута, самолета братьев Райт, портреты А. Эйнштейна и Коко Шанель в маленьком черном платье, то, не открывая книги, читатель поймет, что она посвящена релятивистской картине мира. В структуре символа все эти изображения взаимозаменяемы и потому равноценны.

Инженер и инженерная деятельность. В 1818 г. британский архитектор Т. Третголд первым попытался дать определение инженерной деятельности. Он назвал ее искусством направления великих ресурсов энергии в природе для использования и удобства человека [11, 8]. Это определение повторила хартия Института гражданских инженеров, первым президентом которого был Т. Телфорд. Авторы коллективной монографии [11] осторожно и примирительно отмечают, что в середине XX в. гражданские инженеры занимались «искусством практического применения научных и эмпирических знаний к проектированию и производству или выполнению разного рода строительных проектов создания машин и материалов, имеющих ценность или пользу для человека». Три ключевых аспекта этого определения — «применение знаний», «проектирование и производство или выполнение» и «ценность или польза». Для того чтобы выражение «инженерное искусство» было понято правильно, все эти три ключевых аспекта должны рассматриваться вместе» [11, 8].

Почти то же самое, только в образной форме выражает американский писатель и сценарист Л. Левинсон: «инженер — это человек, способный взять [научную] теорию и приделать к ней коле-

са» [18, 156]. К этому определению можно сделать только одно замечание. Инженер берет у науки не теорию, а ее результат, зафиксированный в математических формулах. При всей своей образности это определение очень емкое. Инженер руководствуется формулой, поэтому инженерная деятельность не может начаться до появления современного естествознания.

Формулу инженеру дает ученый, но колеса он получает от промышленности и должен подгонять свои решения под существующие образцы и заводские технологии. На этом этапе формула ему уже не поможет. Здесь требуются знание рабочей специальности и необъяснимое «чутье». Этими талантами обладал выдающийся русский кораблестроитель-самоучка П. Титов. Его ученик академик А. Крылов, выступая перед студентами Ленинградского кораблестроительного института, пожелал своим слушателям «стать Титовыми» [14, 34].

Механическая картина мира. Условным началом механической картины мира можно считать 1608 г., когда первый в нашем понимании физик Г. Галилей захотел выяснить, что такое скорость вообще. Это была эпоха морской торговли на дальние расстояния и мануфактур, водяных и ветряных мельниц, каналов и шлюзов. В то время люди считали, что мир подчиняется объективным законам. К ним бесполезно обращаться с мольбами и просьбами, но их действие можно рассчитать с помощью математики, и количественные характеристики движения будут индивидуальной силой того, кто это сделает. В 1585 г. С. Стевин пропагандирует десятичные дроби [11, 151], с помощью которых такие расчеты проводить наиболее просто. Ф. Бэкон провозгласил знание силой, и трудно сказать, что для него важнее.

Эту эпоху прославили многие талантливые инженеры. Потомки помнят изобретателя токарно-винторезного станка механика А. Нартова и автора новой оборонной системы С. Стевина. Корабельный мастер Э. Дин впервые рассчитал осадку строящегося фрегата, вычислив новыми математическими методами объем корпуса судна сложной формы. Француз А. Готье стал автором первых теоретических работ по строительству дорог [11, 231]. Знаменитых инженеров XVII в. можно вспоминать очень долго, но нам нужен тот, кто сможет претендовать на роль символа.

Прежде всего, он должен быть голландцем, потому что в XVII в. эта маленькая страна была центром инженерной мысли всей Европы. Первая известная официальная поездка представителя иностранного государства в Голландскую республику для изучения техники была совершена в 1642 г. по приказу курфюрста Бранденбургского инженером Х. Мемхардтом для изучения ветроприводов водооткачивающих машин [7, 88]. Первыми учителями юного царя Петра в области инженерного искусства были голландцы Ф. Тиммерман и А. Сило. Первый руководил строительством 150 судов, а второй учил царя чертить планы и профили оборонительных сооружений. Приехавший в Россию в 1690 г. голландец В.М. де Генин прославился как строитель горных заводов [29].

Вторым условием для претендента на роль символа должна быть его связь со строительством каналов. Инженерным сооружением каналы становились благодаря системе шлюзов с их рассчитанными камерами, насосами, воротами и запорами. В XVII столетии разветвленная система каналов была транспортными артериями Европы, по которым двигались специально построенные для данного канала суда. В Голландии их называли трешкоутами [2, 169], в России — тихвинками и мариинками [17, 67]. В Петергофе феерии фонтанов предшествует движение воды по каналам и шлюзам, построенным талантливым русским «машинистом», или по-нашему гидротехником, В. Туволковым [31, 25]. В женской моде принцип канала повторяли корсеты. Они тоже направляли движение — только не воды, а тела — и, подобно шлюзам, поднимали и опускали женскую грудь.

В XVII в. универсальными двигателями эпохи были ступальные, водяные и ветряные двигатели. Двигателями механической картины мира они становились благодаря рассчитанной инженерами системе передач. Она позволяла регулировать силу и даже передавать ее на дальние расстояния. Могущественной морской державой маленькой Голландии помог стать *Корнелис Корнелисзоон ван Уитгест* (*Cornelis Corneliszoon van Uitgeest*) (ок. 1550 — ок. 1600). Он изобрел коленчатый вал для преобразования кругового движения ветряной мельницы в возвратно-поступательное движение пилы [7, 219]. Его ветряная лесопилка превращала бревна в доски в 30 раз быстрее, чем раньше, когда их распиливали двуручными продоль-

ными пилами. Специальный механизм синхронно с пилением в точно рассчитанной пропорции автоматически подавал бревно к пилам.

Ветряная лесопилка была выдающимся инженерным решением, но символ эпохи должен быть связан не только с мельницами, но и с каналами. Перечисленным условиям соответствует голландский архитектор, инженер-гидротехник и строитель мельниц Ян Андриансон Лигвотер (*Jan Adriaanszoon Leeghwater*) (1575—1650) [7]. Он приспособил к мельнице водоподъемное колесо, а затем и архимедов винт, и она превратилась в поднимающий воду насос. Одного такого насоса не хватало, чтобы поднять воду на достаточную высоту, поэтому Лигвотер разработал систему последовательной перекачки через систему параллельных каналов. Десятки мельниц перекачивали воду из канала в канал, отводя ее за дамбу, окружавшую осушаемый участок. Хитроумная система поплавков в канале была соединена с ветряной мельницей. Как только уровень воды становился выше нормы, сигнальная система срабатывала, и мельницы начинали откачку воды. Таким способом в начале XVII в. было осушено 36 тыс. гектаров, а к середине века была осушена вся Западная Фрисландия [2, 52].

Лигвотеру установлено несколько памятников, выпущены памятная монета и настольная игра, носящая его имя [21]. Мысль инженера превратила мельницу¹ в символ выживания, поэтому они украшают полотна большинства голландских художников. Их писали Вайнанд Нуиен, Ян ван Гойен, Майндерт Хоббема, Йохан Йонгкинд, Паул Габриэль, Йохан Хендрик Вайсербрух, Хуго Ландхеер, Якоб Марис, Ян Слаутерс, ранний Мондриан и Рембрандт.

Для протестантской Голландии мельница выполняла функцию католического собора, была инженерным воплощением молитвы «Отче наш» [9]. На полотнах Я. Рейсдала человек устало бредет по дороге, ведущей к мельнице. Его путь труден, одинок и обречен, но идти надо, потому что крылья мельницы должны крутиться.

Диалектическая картина мира. Условным началом диалектической картины мира Ф. Энгельс считал 1755 г., когда И. Кант опубликовал свою «Всеобщую естественную историю и теорию

¹ По традиции используется термин «мельница», но, как уже понятно, только малая часть ветряков использовалась для помола зерна.

неба». Эта эпоха полагала, что миром управляют не равнодушные объективные законы, а сверхчувственная Абсолютная Идея. В отличие от законов она живая и приходит в движение благодаря своему внутреннему противоречию, которое воспринимают особо чувствительные романтические герои. Новая эпоха не отменяет предыдущий способ мышления, он продолжает существовать, но утрачивает лидирующее положение.

Памятниками инженерной мысли этого времени заслуженно считаются паровая машина Уатта, способ получения стали К. Сименса, П. Мартена и Г. Бессемера [11, 333], ткацкие станки Р. Аркрайта, мосты Ж.-Р. Перронэ, паровоз Дж. Стефенсона и пароход Р. Фултона, метод ортогональных проекций Г. Монжа. Руководствуясь своими субъективными предпочтениями, один из авторов статьи добавил в этот перечень американские чайные клипера Д. Гриффита [17, 312]. Каждое из этих технических решений содержит в себе внутреннее противоречие, противоположности которого принимают различные формы. Они напоминают самодвижение Абсолютной Идеи в философии Г. Гегеля. Этот принцип поможет нам отыскать наиболее достойного представителя инженерной мысли XVIII в.

На первый взгляд, самой подходящей кандидатурой можно считать Дж. Уатта, но знаковая составляющая символа должна быть узнаваемой для многих людей. А паровая машина существует как «в себе для себя бытие» и воспринимается по результатам своей работы. В фильме Дж. Камерона «Титаник» интерьеры скрупулезно воспроизводятся по подлинным чертежам Харланда и Вульфа, но паровая машина лайнера в фильме не показана, а художница по костюмам Д. Скотт одевает кочегаров в обычную одежду: она не знает, что компания Кунарда одевала их в куртки и штаны из черной кожи. Символу нужна массовость, поэтому диалектическую картину мира лучше всего представит создатель первой общественной железной дороги на паровой тяге *Джордж Стефенсон* (1781—1848) [11, 207].

Промышленная революция нуждалась в новом транспорте. Идея скоростного движения с использованием парового привода возникла в умах многих инженеров. Чтобы установить паровую машину на транспортное средство, она должна быть небольшой. От

громадных паровых машин Уатта низкого давления необходимо было перейти к машинам высокого давления. Количество перешло в качество, паровые машины стали достаточно компактными и мощными, и были созданы первые паровозы. Чтобы локомотив не проскользывал на рельсах, он должен быть тяжелым, но большая тяжесть ломает чугунные рельсы. Стивенсон осуществил переход на рельсы из стали. Вес локомотива не может возрастать неограниченно, следовательно, для обеспечения высокой грузоподъемности состава профиль железной дороги не должен иметь крутых подъемов, спусков и поворотов. При создании дороги Ливерпуль — Манчестер (1830 г.) длиной 56 км Стивенсон построил *десятки* мостов и виадуков [11, 317]. Состав, движущийся по ровным рельсам, имеет большую скорость, «Ракета» Стивенсона выигрывает «Рейнхильские состязания», развив без нагрузки огромные по тем временам 56 км/час [11, 318]. Но возникает новая проблема, — на железной дороге невозможны обгоны и разъезды. Поэтому возникает расписание не столько для удобства клиентов, а как необходимое инженерное решение. Стефенсон разрабатывает систему сигнализации и блокировок для обеспечения движения составов по расписанию. Здесь как в философии Г. Гегеля: мысль инженера последовательно становится «своим другим», и ее самодвижение принимает и сбрасывает новые формы.

Железная дорога выходит за рамки транспортного средства и мощно вторгается в культуру. С. Мамонтов превратил железнодорожные вокзалы в постоянно действующие художественные выставки [13, 65]. М. Глинка пишет «Попутную песню», в симфонической пьесе А. Онеггера «Pacific 231» музыка аллегорически воспроизводит устремленность бега транспасифического паровоза. Самым «железнодорожным» русским писателем XIX в. был Н. Гарин-Михайловский. Герой его тетралогии студентом работал помощником машиниста, и паровоз вывез его в инженерную жизнь [3]. Классик американского вестерна Дж. Форд начинает свой фильм «Железный конь» титром-посвящением «памяти Джорджа Стефенсона, шотландца, инженера, и тех, кто строил с ним в 1825 году первую железную дорогу» [10, 87]. В 1836 г. Г. Мольтке первым в Европе публикует работу о роли железных дорог в военном деле [26]. В 1858 г. мастерская Louis Vuitton начинает выпускать плоские чемо-

даны, обитые серым непромокаемым полотном, которые удобно размещать в железнодорожных вагонах.

На рубеже XIX—XX вв. культурное сознание трансформировало огнедышащий паровоз в кровожадное чудовище, несущее гибель индивиду, как, например, в «Анне Карениной» (1877) у Л. Толстого или у Блока «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошеном», 1910). После Второй мировой войны культурное зрение выхватывает из длинного тела поезда не паровоз, а прежде всего вагоны, пассивность которых наводит ужас именно своей неумолимой исполнительностью. И даже само железнодорожное полотно пробуждает не романтическое настроение о дальних путешествиях, но страшную мысль о бесконечной веренице поездов, уводящих в смерть [12, 7].

Электромагнитная картина мира. Условным началом электромагнитной картины мира можно считать 1873 г., когда Дж. Максвелл сформулировал основные законы электродинамики, или 1876 г., когда на Всемирной выставке в Париже электрическое освещение одержало победу над газовыми фонарями. В отличие от предыдущих картин мира, где движутся тела или основное противоречие, в электродинамике движутся системы, и всякий предмет становится результатом взаимодействия, где целое не сводится к простой сумме составляющих его частей.

Эту эпоху представляют телефон А. Белла, граммофон Э. Берлингена, электрическая лампочка Т. Эдисона, телеграф С. Морзе, трансконтинентальный кабель В. Сименса, небоскреб Дж. Богарда, динамит А. Нобеля, радио А. Попова, велосипед П. Лалмана, трамвай Ф. Пироцкого, троллейбус В. Сименса, подводная лодка Дж. Голланда [25], кинематограф братьев О. и Л.-Ж. Люмьер.

Ссылаясь на мнение бельгийского инженера Бриальмона [32, 1], интернет называет самым замечательным инженером XIX в. героя обороны Севастополя в Крымской войне Э. Тотлебена [30]. Авторы статьи уважают труды и подвиги этого замечательного военного инженера, но мы считаем, что электромагнитную картину мира должны представлять электротехники. Из длинного ряда знаменитых и заслуженных представителей этой инженерной специальности мы выбираем немецкого инженера *Вернера фон Сименса*

(1816—1892) [4]. Его называют отцом стрелочного телеграфа, динамо-машины [8, 52], троллейбуса [11, 453], дедушкой современных пылесосов, кухонных комбайнов и мобильных телефонов.

Он создал кабель, который представляет собой систему проводника, диэлектрической изоляции и защитной оболочки [8, 386]. Это изобретение позволило ему связать телеграфным сообщением континенты. Для прокладки тысячи километров кабеля между Европой и Северной Америкой он сконструировал специальный корабль-кабелеукладчик [4, 84]. Другим важнейшим изобретением Сименса был генератор с самовозбуждением [8, 52]. Простейший генератор представляет собой рамку с проводом, вращающуюся в магнитном поле. Но постоянные магниты создают слабое поле, и мощность таких генераторов мала. Сименс предлагает использовать часть вырабатываемой генератором энергии для создания магнитного поля электромагнитом. Мощность такого генератора существенно выше.

Созданная им компания за 150 лет своего существования стала ведущим электротехническим предприятием Германии [8, 52]. Сегодня это транснациональный концерн, работающий в области электроники, энергетического оборудования, медицинской техники, промышленности, транспорта и связи. Концерн представлен более чем в 190 странах мира, что делает его, наряду с FIFA и «The Coca-Cola Company», одним из лидеров среди компаний по географии присутствия.

Чтобы претендовать на звание символа целой картины мира, инженеру надо выйти за рамки инженерной деятельности и попасть в структуру *всех* общественных отношений эпохи. Их субъектом или объектом инженер становится как художник, политик, религиозный деятель или бизнесмен. Но в каждой роли он выступает как представитель своей профессии.

В 1893 г. в Санкт-Петербурге опубликованы воспоминания В. Сименса [27]. В полном соответствии с философией эмпириокритицизма мемуары представляли мир как принципиальную координацию физических и психических элементов. Литература начинает осознавать эстетические возможности документальных жанров [6, 30]. Читатели зачитываются воспоминаниями М. Горького, Н. Гарина, Л. Толстого, В. Гиляровского, поэтому в соответствии с

литературными канонами эпохи В. Сименса можно назвать писателем. Он был одним из основателей Немецкой прогрессивной партии [4, 68], был депутатом парламента, разрабатывал закон об охране прав изобретателей, который, по его мнению, был крайне необходим для развития промышленности. Берлинский университет присвоил В.Сименсу звание почетного доктора философии [4, 67], и две академии приняли его в число своих членов.

Релятивистская картина мира. Условным началом релятивистской картины мира принято считать 1904 г., когда немецкий физик А. Эйнштейн опубликовал специальную теорию относительности. В этой картине мира происходит соединение того, что ранее считалось совершенно обособленным друг от друга. Пространство и время объединяются в единое пространство Минковского, энергия (способность совершать работу) оказывается эквивалентной массе (мере инертности). Практически одновременно английский кораблестроитель Дж.Фрезер спускает на воду огромный корабль «Дредноут», который соединяет в себе наибольшее число пушек максимального калибра и большой вес брони со скоростью легкого крейсера², венский врач З. Фрейд публикует три очерка по теории сексуальности, в спектакле «Горе от ума» Московского художественного театра К. Станиславский реализует основные положения своей системы, а И. Поддубный (Пиддубний) первый раз становится чемпионом мира по французской борьбе [22].

Помимо дредноута самыми знаменитыми инженерными решениями этой эпохи считаются массовый автомобиль Г. Форда, железобетон О. Пере, нефтяные баржи В. Шухова, минные заграждения адмирала Н. Эссена, двигатель внутреннего сгорания Р. Дизеля, самолет братьев Райт, винтовка Mauser 98 П. Маузера и паровая турбина Ч. Парса.

Авторы статьи понимают, что их выбор можно оспорить и, тем не менее, решают доверить право представлять эпоху американцу *Генри Форду* (1863—1947).

² Скорость «Дредноута» (водоизмещение 22000 т, 10 — 305 мм орудий, броня 180—280 мм) составляла 40 км/час, крейсера «Аврора» (водоизмещение 7100 т, 10 — 152 мм орудий, броня 63,5 мм) — 36 км/час.

В полном соответствии с требованиями эпохи он хочет создать новую «массу», в роли которой выступают средний американец и его здравый смысл. В роли энергии, превращающейся в массу, у Форда выступает изменение способа производства с помощью конвейера. Этот способ сборки создавал новую рабочую силу, постоянно увеличивал производительность труда и снижал себестоимость. Такое сложнейшее техническое устройство, как автомобиль, изготавливалось рабочими с низкой квалификацией, на обучение которых требовалось всего несколько недель. Так ему удалось создать массовый автомобиль, который мог приобрести американский рабочий.

Массовый автомобиль нуждается в большом количестве смежных производств, поэтому с помощью конвейерного производства Г. Форд надеется изменить всю страну и перестроить весь мир на американский манер. На базе своего автомобиля Г. Форд создавал тракторы, дома, церкви и броневые автомобили. Конвейерную сборку Г. Форд попытался внедрить в образование, средства массовой информации и кораблестроение, но построенная им серия сторожевиков оказалась неудачной.

Движение стремится к цели, и чтобы определить ее, надо сравнить массовый «Ford Model-T Del Prado» 1912 г. и дорогой «Packard Model Touring» 1906 г. По своим техническим характеристикам это совершенно разные автомобили, но внешне они похожи, особенно на некотором расстоянии. «Мы владеем автомобилями не потому, что мы богаты, — повторял Г. Форд, — наоборот, мы богаты, потому что пользуемся ими» [28, 249]. Примерно тот же самый принцип положен в основу революции в женской моде, совершенной К. Шанель [24, 307], которая соединила ширпотреб и аристократический шарм. С помощью маленького платья и нитки фальшивого жемчуга эта, как ее называла Э. Скьяпарелли, «наглая буржуазка» пытается подражать женщинам из высшего общества. Это явление испанский философ Ортега-И-Гассет назвал восстанием масс, которые решили стать «графьями-с». Чтобы польстить этой новоявленной псевдоаристократии, автомобиль Форда и маленькое платье К. Шанель используют символизирующий аристократизм черный цвет. Встречное движение княгинь и графинь организовал купец первой гильдии Г. Елисеев, который перестроил московский

дом княгини Белосельской — Белозерской в продовольственный магазин-дворец, по богатству убранства не уступавший дворцам аристократии, и, заменив кухарок, баронессы поехали за продуктами в фамильных каретах [24, 292].

Квантовая картина мира. Условным началом квантовой картины мира можно считать 1926 г., когда П. Дирак согласовал квантовую механику и специальную теорию относительности А. Эйнштейна. Некоторые авторы полагают, что опубликованную в 1979 г. работу Ф. Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании» следует считать началом новой постмодернистской картины мира [15, 13], но если это так, то квантовая картина мира приобретает завершённый временной интервал.

Квантовый мир требует от человека способности воспринимать вещь в единстве волны и частицы, мыслить то, что нельзя представить и признать единство субъекта и объекта познания. Такие требования реализуются в тех сферах, куда человек не может попасть как непосредственно телесное существо [15, 7]. Это космос, глубины океана, микромир и компьютерная техника. Этот квартет может стать основой классификации инженерных памятников эпохи.

Среди многочисленных космических кораблей, спутников и орбитальных станций занимают особое место открывший космическую эру корабль «Восток» С. Королева, доставившие человечество к Луне ракету «Сатурн 5» В. фон Брауна и корабль «Аполлон 11» Дж. Хуболта, а также проект «Вояджер» Э. Стоуна.

Глубины океана исследованы чуть ли не хуже, чем космос, но всем известны изобретатель акваланга Жак-Ив Кусто, а также батискаф О. Пикара, который единственный опустился на глубину 11 000 м [20, 121].

Выдающимся инженерным сооружением для изучения микромира единодушно считается Большой андронный коллайдер (БАК). В его строительстве принимали участие 10 000 инженеров из 100 государств, которые работали под руководством Л. Эванса. Коллайдер обнаружил неизвестный ранее вид пентакварков, первую в мире пару тетракварков и Бозон Хигса.

Современные компьютеры и мобильные телефоны были бы невозможны без интегральных схем (чипов), авторами которых ста-

ли инженеры из разных фирм К. Леговец, Р. Нойс и лауреат Нобелевской премии по физике 2000 г. Дж. Килби. Из всех достижений современного мира квантовым принципам больше всего соответствует компьютер. В космос человек может выйти в скафандре, а в повседневной жизни микромиром он может просто пренебречь, а в мир интегральных схем он не может попасть вообще никак. Если в мире машин и механизмов человек непосредственно взаимодействует с техникой, то в компьютерном мире он имеет дело с автором программы.

Квантовая картина мира не ограничивается естественными науками и космической техникой. Ее представляют стиль арт-деко и «черный квадрат» К. Малевича, романы Дж. Джойса и М. Павича, театр Вс. Мейерхольда и Б., смелые эксперименты французского модельера Ш. Тома и философия постмодерна Ж. Дерида, интерьеры П. Уоркилы и «жидкие фракталы» на основе водного раствора меда, представленные Хуан-Мари и Е. Арсак Гастрономическому конгрессу 2010 г.

В полном соответствии с квантовым принципом неразличимости частиц инженеры квантового мира работают в гигантских транснациональных компаниях, и коллективный результат их труда не дает каждому из них возможности претендовать на роль символа своей эпохи. Символом становится имя руководителя компании, но он или уже умер или не участвует в работе конструкторов. Авторы статьи хотят найти того, кто, став символом, продолжает оставаться инженером.

Из многих претендентов на роль инженерного символа квантовой картины мира авторы статьи выбирают создателя компании Apple американца *Стива Джобса* (1955-2011). Мы выбираем его потому, что это он в конце 1970-х гг. вместе со своим другом Стивом Возняком разработал один из первых персональных компьютеров, а затем такие устройства, как iMac, iPod, iPhone и iPad. Если без ракет И. Маска большинство людей как-то обходятся, то без изобретений С. Джобса современная цивилизация невозможна. Он сделал персональный компьютер и компьютеризированные гаджеты привлекательными для обычного потребителя.

В настоящее время компания не только производит смартфоны, персональные компьютеры, ноутбуки, беспроводные наушники,

медиа-системы и умные часы. В 2021 — 2022 гг. она получила 78,1 млрд долл. за сервисное обслуживание своей продукции, хранение данных в облачных хранилищах, рекламу сторонних компаний на рекламных платформах и продажу игр, музыки, фильмов и книг. Логотип и продукция Apple демонстрируются во многих фильмах, мультфильмах и сериалах.

Про Стива Джобса снято несколько фильмов, в начале 2011 г. Майк Дэйзи презентовал в калифорнийском театре «Berkeley Repertory Theatre» моноспектакль «Агония и экстаз Стива Джобса». Его образу подражают, в том числе и крупные мошенники [19]. Всякий символ должен вызывать эмоциональную реакцию, о наличии которой свидетельствуют снижающие пафос прозвища и смешные ситуации и словечки. Популярность автомобиля Г. Форда подтверждают его забавные имена «генрих», «фордик», и «трясучка». Джобс стал «героем» многочисленных мемов, его жизнь продолжается в забавных афоризмах («Отупеть можно и за компьютером Apple»; «Работать надо не по 12 часов, а головой»).

Заключение. Символ дает шанс. Чтобы найти инженеров, способных стать символом инженерной деятельности, авторы статьи разделили эпохи на сменяющие друг друга механическую, диалектическую, электромагнитную, релятивистскую и квантовую картины мира. Основанием для деления стала классификация, предложенная Ф. Энгельсом в работе «Диалектика природы». Он жил в XIX в., поэтому выделил три картины мира. Авторы статьи добавили к ним еще две. Для каждой из них был подобран инженер, способный стать ее символом. Это голландский гидротехник Ян Лигвотер, создатель общедоступных железных дорог Джордж Стефенсон, электротехник Вернер Стефенсон, конструктор массового автомобиля Генри Форд и творец разнообразных компьютеризированных устройств Стив Джобс. Все они были тесно связаны со своей эпохой и хотели, чтобы жизнь их современников была бы легче.

Современные инженеры работают в крупных компаниях, и каждый из них решает частные задачи. Но любой из них может стать символом, пусть даже локальным. Примером тому может стать макетчик ЦКБ «Вымпел» О. Кузьменко. Всю свою жизнь он делал модели и макеты для эскизного проектирования. В полном соответствии с квантовым принципом объекта и субъекта он делал

модели, которые не были произведениями искусства, но зритель воспринимал их как шедевры. Именно его работу советское правительство подарило президенту Дж. Кеннеди, а придуманные им технологические решения создали нижегородскую школу моделизма. Нижегородская федерация судомодельного спорта учредила «Кубок Кузьменко», которым награждаются победители областных стендовых соревнований судомodelистов. О нем пишут статьи в журналах [23], а коллекционеры и музеи скупают его работы. Логика символа безразлична к масштабу деятельности, но она требует, чтобы претендент на это звание в своей единичности представлял всю совокупность общественных отношений своего времени. Именно в этом авторы статьи хотят убедить молодых российских инженеров.

Литература

1. *Алахверди А.А.* Краткий очерк истории гидротехнических сооружений Нидерландов // Пространство и время. 2016. № 1—2 (23—24). С. 239—251.
2. *Бааш Э.Т.* История экономического развития Голландии в XVI—XVII веках. М.: Изд-во иностр. лит., 1949. 398 с.
3. *Березин В.* Железный путь русской литературы // Октябрь. 2001. № 8. С. 168—172.
4. *Вейхер З.* Вернер фон Сименс // Великие промышленники / Вейхер З. Вернер фон Сименс; Шредер Э. Крупп. Серия «Исторические силуэты». Ростов н/Д: «Феникс», 1998. 320 с.
5. *Гидденс Э.* Постмодерн // Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
6. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 413 с.
7. *Дэвиде К.* 450 лет лидерства: Технологический расцвет Голландии в XIV—XVIII вв. и что за ним последовало / Карел Дэвиде; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 638 с.
8. История электротехники / Под ред. И.А. Глебова. М.: Издательство МЭИ, 1999. 524 с.

9. Кантор М. История живописи: Хлеб наш насущный: URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/khleb-nash-nasushchnyy/> (дата обращения: 10.09.2023).

10. Карцева Б.Н. Вестерн. Эволюция жанра. М.: «Искусство», 1976. 255 с.

11. Кирби Р. История инженерного дела. Важнейшие технические достижения с древних времен до XX столетия / Р. Кирби, А. Дарлинг, Ф. Килгур, С. Уитингтон; Пер. с англ. Л.А. Игоревско-го. М.: ЗАО Центр полиграф, 2021. 575 с.

12. Копельман З. Голоса из обители мертвых // Опечатанный вагон. Рассказы и стихи о Катастрофе / Сост. и ред. З. Копельман; Евр. агентство для Израиля, Комис. По матер. искам к Германии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005 368с.

13. Копищев М.И. Савва Мамонтов. Серия «Жизнь в искусстве». М.: Искусство, 1972. 254 с.

14. Кузнецова Э.Ф. Академик А.Н. Крылов. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1988 г. 104 с.

15. Кутырев В.А. Философия постмодернизма: Научно-методическое пособие. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2005. 84 с.

16. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.

17. Морской энциклопедический справочник: В 2 т. Т. I / Под ред. Н.Н. Исанина. Л.: Судостроение, 1987 512 с.

18. Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей / Авт.-сост. В.Н. Зубков. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 861 с.

19. На крови. История фанатки Стива Джобса, которая обманула миллионеров и провернула крупнейшую аферу современности: URL: <https://lenta.ru/articles/2022/12/19/theranos/> (дата обращения: 10.09.2023).

20. Пикар Ж. Глубина 11 тысяч метров / Пер. с франц. М.И. Беленького. Солнце под водой / Пер. с англ. Л.Л. Жданова. М., Мысль, 1974. 399 с.

21. Плоти́на. Проект «Легватер»: URL: <https://www.crowdgames.ru/collection/barrage-leeghwater-project> (дата обращения: 10.09.2023).

22. *Прончатов В.Н.* Взаимодействие общественных отношений и межличностных связей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2006. № 1. С. 591—598.
23. *Прончатов В.Н.* Между шедевром и «шлыгой» // Нижегородский журнал. 1997. № 2. С. 55—56.
24. *Прончатов В.Н.* Наука и общество: источники вдохновения: монография. Н. Новгород: ННГУ, 2013. 348 с.
25. *Прончатов В.Н., Горбачев А.М.* Подводные аппараты электромагнитной картины мира // Философия хозяйства. 2019. № 4. С. 57—71.
26. *Раиш К.* Рассуждение о русской дороге // Роман газета XXI век. 1999. № 8. С. 78.
27. *Вернеръ фонъ-Сименсъ.* Мои воспоминания. С.-Петербургъ, 1893. 286 с.
28. *Синклер Л.* Автомобильный король. Повесть о фордовской Америке. М.: Издательство Правда, 1984.
29. *Славнитский Н.Р.* Французские и немецкие инженеры в крепостях северо-запада России в первые годы 18 века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2019. № 7—1 (160). С. 25.
30. Тотлебен Эдуард Иванович. Материал из Википедии: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тотлебен,_Эдуард_Иванович (дата обращения: 10.09.2023).
31. *Федорова Н.Н.* Петродворец. Л.: Лениздат, 1959. 187 с.
32. *Brialmont H.A.* Le general comte Todleben: sa vie & ses travaux. Brüssel: Merzbach et Falk, Editeurs, 1884.

References

1. *Alahverdi A.A.* Kratkij ocherk istorii gidrotekhnicheskikh sooruzhenij Niderlandov // Prostranstvo i vremya. 2016. № 1—2 (23—24). S. 239—251.
2. *Baash E.T.* Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Gollandii v XVI — XVII vekah. M.: Izd-vo inostr. lit., 1949. 398 s.
3. *Berezin V.* ZHeleznyj put' russkoj literatury // Oktyabr'. 2001. № 8. S. 168—172.

4. *Vejher 3. Verner fon Simens* // Velikie promyshlenniki / Vejher 3. Verner fon Simens; SHreder E. Krupp. Seriya «Istoricheskie siluety». Rostov n/D: «Feniks», 1998. 320 s.
5. *Giddens E. Postmodern* // Filosofiya istorii: Antologiya: Ucheb. posobie dlya studentov gumanit. vuzov / Sost., red. i vstup. st. YU.A. Kimeleva. M.: Aspekt Press, 1995. 351 c.
6. *Ginzburg L.YA. O psihologicheskoy proze*. M.: INTRADA, 1999. 413 s.
7. *Devide K. 450 let liderstva: Tekhnologicheskij rascvet Gollandii v XIV — XVIII vv. i chto za nim posledovalo* / Karel Devide; Per. c angl. M.: Al'pina Publisher, 2019. 638 s.
8. *Istoriya elektrotehniki* / Pod red. I.A. Glebova. M.: Izdatel'stvo MEI, 1999. 524 s.
9. *Kantor M. Istoriya zhivopisi: Hleb nash nasushchnyj*: URL: <https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/khleb-nash-nasushchnyj/> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
10. *Karceva B.N. Vestern. Evolyuciya zhanra*. M.: «Iskusstvo», 1976. 255 s.
11. *Kirbi R. Istoriya inzhenernogo dela. Vazhnejshie tekhnicheskie dostizheniya s drevnih vremen do HKH stoletiya* / R. Kirbi, A. Darling, F. Kilgur, S. Uittington; Per. s angl. L.A. Igorevskogo. M.: ZAO Centr poligraf, 2021. 575 s.
12. *Kopel'man Z. Golosa iz obiteli mertvyh* // Opechatannyj vagon. Rasskazy i stihi o Katastrofe / Sost. i red. Z. Kopel'man; Evr. agentstvo dlya Izrailya, Komis. Po mater. iskam k Germanii. M.: Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2005 368s.
13. *Kopshicer M.I. Savva Mamontov. Seriya «ZHizn' v iskusstve»*. M.: Iskustvo, 1972. 254 s.
14. *Kuznecova E.F. Akademik A.N. Krylov. CHEboksary: CHuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo*, 1988 g. 104 s.
15. *Kutyrev V.A. Filosofiya postmodernizma: Nauchno-metodicheskoe posobie*. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2005. 84 s.
16. *Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo*. M.: Iskustvo, 1976. 367 s.
17. *Morskoj enciklopedicheskij spravocnik: V 2 t. T. I* / Pod red. N.N. Isanina. L.: Sudostroenie, 1987 512 s.

18. Mudrost' tysyacheletij ot A do YA. Velikie mysli i aforizmy velikih lyudej / Avt.-sost. V.N. Zubkov. M.: AST: Astrel': Hranitel', 2007. 861 s.
19. Na krovi. Istoriya fanatki Stiva Dzhobsa, kotoraya obmanula millionerov i provernula krupnejshuyu aferu sovremennosti: URL: <https://lenta.ru/articles/2022/12/19/theranos/> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
20. *Pikar ZH.* Glubina 11 tysyach metrov / Per. s franc. M.I. Belen'kogo. Solnce pod vodoj / Per. s angl. L.L. Zhdanova. M., Mysl', 1974. 399 s.
21. Plotina. Proekt «Legvater»: URL: <https://www.crowdgames.ru/collection/barrage-leeghwater-project> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
22. Pronchatov V.N. Vzaimodejstvie obshchestvennyh otnoshenij i mezhluchnostnyh svyazej // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki. 2006. № 1. S. 591—598.
23. Pronchatov V.N. Mezhdru shedevrom i «shlygoj» // Nizhegorodskij zhurnal. 1997. № 2. S. 55—56.
24. Pronchatov V.N. Nauka i obshchestvo: istochniki vdohnoveniya: monografiya. N. Novgorod: NNGU, 2013. 348 s.
25. Pronchatov V.N., Gorbachev A.M. Podvodnye apparaty elektromagnitnoj kartiny mira // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 4. S. 57—71.
26. Rash K. Rassuzhdenie o russkoj doroge // Roman gazeta XXI vek. 1999. № 8. S. 78.
27. Verner" fon"-Simens". Moi vospominaniya. S.-Peterburg", 1893. 286 s.
28. Sinkler L. Avtomobil'nyj korol'. Povest' o fordovskoj Amerike. M.: Izdatel'stvo Pravda, 1984.
29. Slavnitskij N.R. Francuzskie i nemeckie inzhenery v krepostyah severo-zapada Rossii v pervye gody 18 veka // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2019. № 7—1 (160). S. 25.
30. Totleben Eduard Ivanovich. Material iz Vikipedii: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Totleben,_Eduard_Ivanovich (data obrashcheniya: 10.09.2023).
31. Fedorova N.N. Petrodvorec. L.: Lenizdat, 1959. 187 s.

Р.Е. СОКОЛОВ

**Философия хозяйства евангелическо-социального крыла
германского протестантизма на примере Внутренней миссии
и религиозного социализма***

Аннотация. В статье речь идет о социальных идеях, альтернативных консервативному и либеральному крыльям германского протестантизма, которые составляли основные течения Евангелическо-социального конгресса. Данные идеи распространялись в Германии в конце XIX — начале XX в., среди прочих их развивали Иоганн Вихерн на примере «Внутренней миссии» и Теодор фон Вэхтер, чьи воззрения получили название «религиозный социализм». Для более полного освещения темы потребуется небольшой экскурс в германскую социал-демократию, выступавшую некоторым антиподом евангелическо-социальному движению.

Ключевые слова: Внутренняя миссия, религиозный социализм, социал-демократия, социальный вопрос.

Abstract. The article deals with social ideas that are alternative to the conservative and liberal wings of German Protestantism, which constituted the main currents of the Evangelical Social Congress. These ideas spread in Germany in the late 19-th and early 20-th centuries, among others they were developed by Johann Wichern on the example of the «Innere Mission» and Theodor von Waechter, whose views were called «religious socialism». For a more complete coverage of the topic, a short digression into the German social democracy, which acted as a kind of antipode to the evangelical social movement, will be required.

Keywords: Innere Mission, religious socialism, social democracy, social question.

УДК 21
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соколов Р.Е. Философия хозяйства евангелическо-социального крыла германского протестантизма на примере Внутренней миссии и религиозного социализма // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 56—72. DOI: 10.5281/zenodo.10675388.

Наравне с Евангелическо-социальным конгрессом социальный вопрос в немецком протестантизме поднимался евангелическо-социальным движением, наиболее оправданным церковью и представленным в частности «Внутренней миссией» Иоганна Хинриха Вихерна, а также весьма политизированным религиозным социализмом. Идеи религиозного социализма мы рассмотрим на примере Теодора Густава фон Вэхтера — первого немецкого теолога, который присоединился к Социально-демократической партии Германии и двумя годами позже стал кандидатом от этой партии в Рейхстаг³.

«Внутренняя миссия»

Одним из ответов германского протестантизма на социальный взрыв второй фазы революции 1848—1849 гг. стало основание «Внутренней миссии». Традиция миссии официально начинается с педагога Иоганна Хинриха Вихерна, выступавшего за христианский социализм, который должен был вновь завоевать доверие рабочих церкви. Несмотря на то, что лютеранские земельные церкви неохотно разделяли мысли «Внутренней миссии», последовавшие годы показали ее позитивное развитие. Создание новой городской миссии шло рука об руку с развитием различных благотворительных инициатив. «Внутренняя миссия» стала техническим термином, включающим Берлинскую городскую миссию Адольфа Штокера, и Диаконическую службу, основанную пастором Теодором Флиднером в 1833 г. на базе дома для бывших женщин-заклученных. Были и другие организации подобного типа, часто называемые диаконическими домами. Они не могли помочь всем нуждающимся, но некоторым помогли выбраться из нищеты [2; 4, 75—92; 5, 128—137; 7, 166—202; 13, 138—149; 14, 39; 18, 220].

Изначально диаконический дом был местом жительства женской евангелической общины. Обитательниц дома называли диаконисами. Они жили вместе, формируя общину, и брали на себя три обета: простой образ жизни, послушание и целибат. На этой основе

³ Данной статьей автор продолжает серию публикаций, посвященных феномену Евангелическо-социального конгресса (ЕСК) как публичной платформы для обсуждения социального или рабочего вопроса [1, 87—100].

появились организации, помогающие детям и бедным, а также церковная благотворительность. Диаконические дома служили образовательными учреждениями для диаконис, которые получали благословение на их служение через ординацию на литургии. Они носили униформу, состоящую из черного или теино-синего платья, фартука и белой вуали или капюшона. Это позволяло одиноким женщинам, в том числе из высших слоев общества, жить независимой жизнью и пользоваться заслуженным уважением. Диакониссы воспринимались как живущие в обществе верующие женщины, посвятившие свою жизнь служению ближнему (сестринская община — *Schwesterengemeinschaft*) или благотворительной деятельности (диаконическое учреждение — *Diakonissen-Anstalt* / *Diakonissen-Haus*) [2, 1028—1032; 7, 166—202; 13, 138—149; 18, 220].

Начало диаконического служения в Германии датируется 1849 г., когда Вихерн на первом «Немецком евангелическом церковном съезде» основал «Центральный комитет Внутренней миссии» в качестве учрежденной церковью организации автономных агентств и комитетов, ставшей предшественником развившейся позже германской диаконии. Хотя 1849 г. и считается годом официального появления на свет «Внутренней миссии», ее концепция реализовывалась на практике уже с 1800 г. в виде локальных церковных программ помощи нуждающимся. Хороший пример является собой дом для детей улиц, созданный в 1813 г. Иоганном Даниелем Фальком в Веймаре или такой же дом, открытый в 1816 г. Адальбертом фон дер Рекке-Фольмерштайн в Бохум-Хамме. Два других примера: «Дом невеж» («*das Rauhe Haus*»), выстроенный в 1833 г. Вихерном в деревне Хорн рядом с Гамбургом и образовательный фонд для бедных школьных учителей, основанный в 1820 г. в замке Бойген неподалеку от Базеля. Еще пример: «Рейнско-Вестфальское учреждение для эпилептиков» под названием «Божий дом» («*Bethel*»). Им руководил Фридрих фон Боденшвингель, начиная с 1872 г. до своей смерти в 1910 г. Благодаря его усилиям, число его обитателей выросло с 25 до 4000 [2, 1028—1032; 5, 128—137; 7, 166—202; 13, 138—149; 16, 130; 17, 221—233; 18, 220].

Вихерн выделял три направления диаконической работы: свободная диакония, диакония в церковной общине и гражданская диакония. Добровольная диакония подразумевала само собой разу-

меющуюся обязанность каждого человека возлюбить своего ближнего. Это отражалось в естественной, добровольной готовности помочь членам своей семьи, соседям и коллегам по работе. Рената Цитт назвала это направление мотором развития диаконической работы. Однако люди, желающие помочь ближнему, сами могут нуждаться в поддержке других людей, в частности, чтобы направить их благотворительные намерения в наиболее эффективное русло. Подобная поддержка потенциальных благотворителей могла быть реализована институтом диаконии церковной общины, которая, согласно Цитт, цитирующей вальденского теолога Паоло Рикка, должна была стать сердцем церкви. Диакония церковной общины была одной из форм социального проектного менеджмента в каждом конкретном случае, мостом, соединяющим благотворителей добровольной диаконии, желавших социально ангажироваться, с гражданской диаконией или с социальным государством в терминологии Вихерна. Это социальное государство или гражданская диакония, располагало социальной инфраструктурой в виде больниц, сестринских домов, психическими лечебницами, а также учреждениями и ассоциациями разной направленности. Результатом такого наведения мостов была кооперация на теологическом, политическом и организационном уровнях. Теологический уровень подразумевал литургию и дальнейшее обучение, политический — публичные дискуссии и форумы, а организационный — менеджмент, учет и аудит в социальной сфере [16, 130—184; 18, 219—222].

Консервативное мировоззрение Вихерна изначально было нацелено на расширение благотворительности «Внутренней миссии» до социально-политической сферы. Согласно Грауфогелю, замыкание церкви на благотворительность, нацеленную на устранение социальных дефектов в духе патриархального водительства, было основной причиной невозможности для нее привлечь рабочих на свою сторону. Рабочий был объектом опеки, но не субъектом, активно участвующим в производственном процессе. Таким образом, Вихерн смешивал причину и следствие бедности рабочего класса, возлагая ответственность за социальный кризис на участвовавший выход людей из церкви и упадок христианской морали. Вряд ли он достаточно анализировал политическую и экономическую сторону социального вопроса, тем не менее, признавал различие

между бедностью, имевшей место по вине рабочего, и пауперизмом, в котором рабочих было винить нельзя. Однако, находясь под влиянием консервативной идеологии, педагог предлагал бороться на уровне конкретного индивида с обстоятельствами, увеличивавшими количество нуждающихся людей, а не искоренять причину этих обстоятельств. Иными словами, он хотел поднять проекты индивидуальной помощи нуждающимся до уровня политической программы. Кроме того, «Внутренняя миссия» выступала за сохранение монархического государства и буржуазного общества, что серьезно ограничивало ее привлекательность для рабочих [4, 74—75; 11, 3].

Здесь следует иметь в виду, что во времена официального установления диаконии, т. е. социально-политической реставрации 1850-х гг., решение социальных проблем рассматривалось скорее как исключительная задача государства, а церковь отвернулась от полномасштабной социальной работы, ограничившись самаритянской поддержкой наиболее уязвимых групп. Следствием такой якобы аполитичной позиции было то, что пастыри евангелических общин закрывали глаза и ничего не делали перед резко изменившимися условиями жизни пролетариата. Они учитывали социальные последствия алкоголизма, проституции и преступности, вызванные безработицей, переутомлением или недоплатой, но истолковывали эти симптомы как признак нравственной деградации, которую можно было остановить и обратить вспять через возвращение бедолаг в лоно церкви. В 1896 г. Гере подвел отрицательный итог истории евангелического общественного движения и с разочарованием отметил, что «Внутренняя миссия» никогда не сможет реализовать благотворительные проекты как пунктуальное осуществление любви к ближнему перед существующей массовой бедностью. Именно на этом основании Маркс называл религию «опиумом народа» [9, 71], потому что это давало нуждавшимся людям безнадежное утешение. Штокер признавал этот социально-политический дефицит «Внутренней миссии» и пытался исправить его через свою Христианско-социальную рабочую партию, но миссия и руководство прусской церкви заняли позицию против его политической деятельности и настаивали на ограничении церковной деятельности исключительно благотворительными задачами. Коллега Штокера Рудольф Тодт — пастор из Бранденбурга — видел в позиции «Внутренней

миссии» дискредитацию борьбы социал-демократии против существовавшего общественного строя [4, 75—79; 9, 378].

Социал-демократия и религиозный социализм Вэхтер

Поскольку религиозный социализм искал сближения с социал-демократией, нам кажется важным представить обзор основных социал-демократических идей, перед тем как перейти к анализу религиозного социализма на конкретном примере.

Краткий обзор германских социал-демократических идей.

Отношения церкви и теологов немецких протестантов с социал-демократией не были дружескими. Причинами тому были, с одной стороны, движение социал-демократии по анти-христианскому курсу, как считала церковь. С другой стороны, Бебель воспринимал христианство как врага свободы и культуры. Он полагал, что священники и пасторы, наслаждаясь славой и обеспеченной земной жизнью, благодаря использованию плодов труда других людей, проповедовали рабочим удовлетворение их нужд на небесах. Бебель утверждал, что все блага, созданные во время гегемонии христианства, не принадлежали ему, а все злое и нехорошее, что оно принесло, не было желанно. Поэтому христианство и социализм воспринимаются как вода и огонь. Эти послы позволяют понять, почему представители консервативного крыла германского протестантизма, в частности, их лидер, лютеранский пастор Адольф Штокер, старались вывести евангелическо-социальное движение на строго анти-социал-демократический курс [3, 294—298].

Социал-демократия позиционировала себя как возрождение гуманизма в Новое время и как земная доктрина секулярно-политического спасения. Термины и изображения христианской традиции трансформировались в новый контекст: приближавшаяся социалистическая революция описывалась как последний суд над эксплуататорами, социализм воспринимался как новое евангелие, а провозглашенная эмансипация пролетариата от угнетения — как спасение. Сатирический журнал «Истинный Иаков» заимствовал христианскую иконографию, показывая страдающий пролетариат как распятого Христа и капитализм как воплощение Сатаны. Согласно Шелии, такие заимствования и изменения христианских символов, равно как и псевдорелигиозная самоэкзальтация социал-

демократии не способствовали развитию диалога со стороны церкви. Социал-демократия создавала у клира впечатление партии, враждебной христианству. Смущенные теологи в свою очередь переводили ее анализ экономической ситуации и социально-политические требования в контекст атеистического мировоззрения, что делало мирный диалог невозможным [12, 82].

Атеистические позиции Бебеля и Вильгельма Либкнехта — сооснователя социал-демократии наряду с Бебелем — побудили их к выходу из церкви. Однако они были далеки от идеи претворить их персональное решение во внутрипартийное требование. Тем не менее, это было реализовано Иоганном Мостом, инициировавшим первую широкомасштабную кампанию по массовому выходу из земельной церкви в 1878 г. как реакцию на основание Штокером Христианской социальной партии в Берлине. В то время можно было наблюдать активное состязание в прессе социал-демократии и церкви. Несмотря на злейшие нападки на доминирование клира и их авторитета, пропаганда, нацеленная на выход из церкви, имела скромный прогресс и быстро сошла на нет. Хотя большинство рабочих — социал-демократов оставили церковь или относились к ней нейтрально, лишь меньшинство было готово публично порвать с церковью. Социалист Альберт Фридрих Бенно Дульк даже предлагал обсуждать религиозный вопрос среди прочих партийных тем и заменить личную веру в Бога квази-религиозным культом разума. Несмотря на его огромную популярность, Дульк тоже не смог вывести партию на атеистический курс. Незадолго до своей смерти он отошел от агитации за социал-демократию, поскольку разочаровался в результатах своей деятельности. Тем не менее, идеологическое наследие Дулька повлияло на Вэхтера и нашло отражение в его работах [12, 82—84].

Принятие законов социалистов, включая антисоциалистический закон, привело в 1890 г. к отходу социал-демократии от концепции социального государства Фердинанда Лассалля и переименованию в «Социал-демократическую партию Германии» («Sozialdemokratische Partei Deutschlands» — SPD). Предшественниками СПД были «Всеобщий германский рабочий союз» («Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein»), основанный Лассалем в 1863, и «Социал-демократическая рабочая партия» («Sozialdemokratische Arbei-

terpartei»)), основанную Бебелем и Либкнехтом в 1869 г. В 1891 г. под эгидой марксистского социализма в Эрфурте появилась программа, которая подчеркивала историческую необходимость революционного перестроения капиталистического общества. Принятие «Эрфуртской программы» трансформировало SPD в партию с полностью марксистским мировоззрением за исключением идеи диктатуры пролетариата. Религия была объявлена личным делом каждого. Партия требовала покончить с финансированием церкви из общественных фондов. Церковные общины должны были получить тот же статус, что и частные ассоциации, самостоятельно ведущие свои дела. То есть церковь должна была подчиниться тем же требованиям закона, каким подчинялись другие ассоциации и группы. Принимая во внимание требование о секулярной школьной системе, можно отметить, что «Эрфуртская программа» стала атакой на публично-правовой статус церкви по всем фронтам, и таковой она воспринималась клиром. Так что нельзя сказать, что эта программа была нацелена на улучшение отношений социал-демократии и церкви. Более того, в 1890-е гг. социал-демократически средства массовой информации применяли широкий арсенал средств против религии и церкви, используя предвзятые факты в репортажах об антиморальном поведении и преступлениях некоторых клириков. Церковь была дискредитирована как продолжение руки разрушающего государства. Только слова, распространяемые социал-демократической прессой, не совпадали с мнением и поведением рабочих, как показала безуспешная компания за выход из церкви. В отличие от интеллектуалов, стоящих во главе партии и сидящих в редакционных офисах, подавляющая часть членов партии из рабочей среды порвала связь с институтом церкви, но не с религией [4, 84—85; 6, 310].

Теодор фон Вэхтер. Те социал-демократы, которые не смогли найти в социализме замену разрушенным связям с их традиционными церквями, страдали от нереализованной религиозной потребности, которая артикулировалась с приходом Теодора фон Вэхтера. Он провозгласил «истинное», «практическое», не институционализированное христианство, дав многим социал-демократам новую возможность самоидентификации с христианской религией без отхода от враждебной позиции партии по отношению к церковному институту. Его компания инициировала площадку для разразив-

шихся дебатов по возможной интеграции христианства с социал-демократией в 1890-е и последующие годы. Однако не стоит думать, что дебаты о возможной консолидации христианства и социал-демократии возникли только с публичными выступлениями фон Вэхтера, поскольку полемическая дискуссия по этому вопросу началась со времени основания «Всеобщего германского рабочего союза» (1863) и сопровождала SPD, начиная со времени ее основания (1890 с сегодняшним названием) до конца Первой мировой войны. Приход фон Вэхтера в качестве первого потенциального официального представителя церкви в партию поднял эти дебаты на качественно новый уровень. То, что цековью никогда не воспринималось как что-то серьезное и возможное, стало суровой реальностью и ночным кошмаром с приходом фон Вэхтера. Теолог, обученный пасторскому ремеслу, агитировал за социал-демократическую партию, в то время как социал-демократия воспринималась не иначе как дьявол, как писал фон Харнак. На фоне этой сатанической интерпретации становится понятно, насколько невообразимой казалась протестантскому клиру пропаганда социал-демократии кандидатом на пасторское служение в Виттенберге (родной город Мартина Лютера — одного из отцов-основателей классического протестантизма), и почему его имя было вычеркнуто из списка кандидатов на пасторскую должность [4, 18—86].

В начале дебатов Теодор Трауб — председатель ассоциаций евангелических рабочих Вюртемберга — опубликовал статью под названием «Может ли социал-демократ быть христианином?» в «Церковных объявлениях Вюрттемберга» («Kirchlicher Anzeiger fuer Wuerttemberg») в канун 1893 г. Его ответ был отрицательным. Трауб добавлял, что если социал-демократия была бы исключительно экономическим движением, ответ не был бы столь однозначным. Основной причиной невозможности унификации христианства и социал-демократии он видел в философском атеизме SPD. Этот атеизм редуцировал религию до отражения соответствующих производственных отношений, и поэтому не мог идентифицироваться с христианской верой. Тем не менее, Трауб признавал, что христианин мог стать социал-демократом. Но тогда он должен был бы оставить свои христианские воззрения за порогом при посещении партийных встреч и впоследствии снова облечься в них по окончании

встречи. Быть одновременно и тем и другим означало бы быть плохим христианином и плохим социал-демократом [4, 87].

Для консервативных теологов вроде Мартина фон Натузиуса, критиковавшего либеральные идеи Науманна, либеральные теологические воззрения фон Вэхтера были nonsensом. В глазах Натузиуса фон Вэхтер проповедовал стопроцентную секуляризацию христианских идей, но ему не хватало взгляда в вечность, что привело к попыткам построения Божьего царства на земле посредством улучшения социальных отношений. Кроме того, Вэхтер способствовал проникновению социал-демократической идеологии в умы более молодого поколения теологов. Натузиус сетовал на то, что обращение Вэхтера к социал-демократии не могло произойти без потери христианской веры, поскольку представить ее сохранение у социал-демократа было вряд ли возможно [4, 115; 10, 212].

Вэхтер принял концепцию «Иисуса как человека из народа» («Jesus als Volksmann») Науманна и настойчиво рекомендовал читателям его «Воскресных листков» изучать брошюры Науманна. Перед принятием этой концепции Вэхтер использовал другое понятие, а именно «Иисус как рабочий», или «как сын рабочего», которое уступило место в его речах «человеку из народа». Находясь в конфронтации с антиклерикальной кампанией социал-демократов, Вэхтер не стал называть Христа пролетарием, чтобы облегчить восприятие его христианской идеи в кругу своих товарищей. За этим ограничением стояло его намерение разделить религию и политику. Вэхтер не хотел активного вовлечения фигуры и личности Христа в партийные разногласия и возможные злоупотребления в легитимизации политических интересов, выступая за сохранение такой формулы исповедания, которая могла противостоять критическому раздумью [4, 119—120].

Как Кант фон Вэхтер хотел отделить друг от друга веру и разум, чтобы каждый человек мог видеть истинный и неверный путь, где господствовало узкомыслие. Именно поэтому он отверг доктрину рождения Христа от девственницы. Вэхтер верил, что Иисус был рожден естественным путем и как сын простого рабочего из народа вырос в Назарете, сталкиваясь в течение тридцати лет со всеми сложностями и трудностями жизни бедного рабочего из нижних слоев общества. Напряженно работая на протяжении многих лет в

родной деревне, Иисус нашел способ принять Бога как любовь отца. После этого он оставил место своего рождения и пошел в Палестину как учитель народа, чтобы поделиться своим духовным видением с последователями из сельской местности. Как никто другой до или после него Иисус знал, что на служение Богу надо положить всю свою жизнь. Поэтому фон Вэхтер называл его наиболее brutalным революционером своего времени. Для фон Вэхтера Иисус был не Богом, путешествующим по земле, а человеком среди людей. Особенно ценным для фон Вэхтера было то, что последователи и друзья Иисуса происходили не из привилегированных слоев общества. Он выбирал их не из образованных, богатых, влиятельных или смиренных, а из изгоев общества в лице сборщиков налогов и грешников. Иисус искал их не для того, чтобы проповедовать им или завоевать их авторитет. Он ел с ними, что отражало начало духовного общения и дружбы с ними. Науманн очень точно представил взгляды фон Вэхтера своим термином «представитель народа», т. е. человеком, которого можно встретить сидящим под протекающей крышей и на обочине сельских дорог, а не у колоннад и алтарей. Для нашего анализа это значит, что как для фон Вэхтера, так и для Науманна христианство близко нуждающимся. Самопожертвование в служении сострадающей любви привело Христа к конфликту с тогдашними властями. Но даже на кресте он сохранил свою неисчерпаемую веру в Божью любовь и наставлял окружающих в строительстве царства братства на земле [4, 113—121].

Фон Вэхтер собрал одинаково мыслящих коллег и товарищей в свой «Братский союз» («Bruderbund») под названием «Социал-христианское объединение» («Sozialchristliche Vereinigung»), где каждый христианин имел возможность присоединиться к «Христианской ассоциации» и активно участвовать в совместной духовной жизни. Ассоциация была неудовлетворена постоянным противопоставлением клира и мирян в германском протестантизме и ставила своей целью искоренить это внутри себя. Фон Вэхтер требовал проведения регулярных ассамблей, в которых после вводного описания христианской перспективы следовало выступление представителей других мировоззрений. Кроме того, планировалось, что эта ассоциация должна была быть межконфессиональной [4, 132—140].

Фон Вэхтер считал неправильным, что Штокер, Науманн и «Движение евангелических рабочих» отделились от социал-демократических, или «атеистических», профсоюзов, поскольку это препятствовало достижению их общих экономических и политических целей. Принимая концепцию критического разума, фон Вэхтер учил, что развитие политических противоречий способствовало появлению двух больших лагерей: партии порядка и партии революции. Первая, состоящая из ультрамонтанистов, национал-либералов, консерваторов, свободномыслящих и антисемитов, защищала существующий порядок, в котором большинство людей подчинялось маленькой кучке богатых господ. В эту категорию можно отнести Штоекера, Науманна, фон Харнака, «Внутреннюю миссию» со всеми, их поддерживающими. Вторая, т. е. социал-демократия, боролась за изменение доминирующих отношений, чтобы меньшинство подчинялось воле большинства. Согласно фон Вэхтеру, проблемой германского протестантизма было то, что церковь была не в состоянии, да и не имела желания вскрыть зашифрованный язык христианской «партии порядка», которая на самом деле желала сохранить дух подчинения и даже рабства для большинства людей. Он настаивал на том, что разные мировоззрения или религиозные различия не должны быть препятствием в борьбе за общие политические интересы. В постоянном отделении мирской жизни от религиозной проявляется взгляд на общие политические вопросы, даже если они по-разному мотивированы. Именно такой путь к цели отличал христианство от социал-демократии или социализма. В глазах фон Вэхтера социал-демократия боролась с эгоизмом индивида внешне, создавая экономический порядок, который бы вносил вклад в расширение общего блага, устраняя эксплуатацию большинства меньшинством. В свою очередь христианство оказывало влияние на умы людей, пытаясь преодолеть людской эгоизм внутренне посредством морального усовершенствования. Создание социалистического государства стало бы для фон Вэхтера тем фундаментом, на котором христианский образ жизни расцвел бы полным цветом [4, 159—160].

Фон Вэхтер апеллировал с призывом ко всем пролетариям независимо от их идеологических позиций, желая совместно создать социалистическое общество. Единственное, что казалось ему

подходящим для этого, была классовая борьба, означавшая устранение классов и классовой оппозиции. Фон Вэхтер представлял освобождение рабочего от зарплатного рабства нанимателя в качестве основной цели социал-демократического движения и однозначно отвергал тем самым ревизионистские тенденции в партии. От быстрого расширения социалистического государства фон Вэхтер ожидал внедрения совершенно нового порядка отношений в социуме, который создал бы условия для гуманной совместной жизни всех людей. Однако он противостоял попыткам эсхатологической идентификации социалистического общества с царством Божиим. Социализм мог в лучшем случае создать внешние предпосылки для человеческого счастья, но не мог гарантировать счастливую и праведную жизнь. В социалистическом обществе все равно осталось бы большое поле для практической реализации христианской веры, в частности, понимание разных мировоззрений, устранение моральных грехов и полное посвящение себя благополучию других [4, 160—161].

Обоснование разрыва христианина — социал-демократа с церковным институтом коренилось в нарушении призыва Иисуса помогать бедным. Несмотря на то, что церковь не использовала возможность создать партию, чтобы поддерживать бедных и угнетаемых, она казалась социал-демократам единственной публичной силой, которая без колебаний встает на сторону бедных. В глазах фон Вэхтера социал-демократы представляли то же христианство, находящееся в религиозной гармонии с Иисусом, ранней общиной и многими святыми, преследуемыми церковным институтом из-за чистоты своей веры. Однако это христианство находилось вне церкви. Вместе с тем многим членам SPD не нравились идеи фон Вэхтера. Одним из аргументов было то, что партии было бы проще иметь дело с христианством как с классовым врагом на основе безусловной защиты материалистического мировоззрения, чем допустить проникновение либеральных воззрений библейской традиции. Другим аргументом внутрипартийных оппонентов фон Вэхтера был стратегический подход: они сомневались в пользе для партии людей, привлеченных с помощью религиозной пропаганды. В лице своих товарищей-христиан они видели совсем не подходящих саратников для приближавшейся революции. Фон Вэхтеру этот под-

ход был известен, равно как и его шаткое положение в партии. В итоге ему пришлось оставить партию, но даже после выхода его конфликт с SPD продолжался [4, 185—190].

Имя фон Вэхтера стоит в одном ряду с ведущими представителями движения за реформы 1890-х гг., в частности, с именами теолога и философа Кристофа Шремппа, военного офицера и социального этициста Моритца фон Эгиди, а также Фридриха Науманна. Он был их другом, оставался с ними в переписке и считал их своими духовными наставниками. Они же в свою очередь возбуждали конфликты вокруг его социальной христианской программы. Среди друзей фон Вэхтера были и швейцарский пастор-социал-демократ Пауль Пфлюгер, бывший мануфактурист и реформатор отношений земельной собственности Михаэль Флюршайм, отставной пастор из Вюртемберга и член «Немецкого монистского союза» («Deutscher Monistenbund»), выступающего за единство природы и духа Фридрих Штойдель, писатель и активист SPD Людвиг Палмер. Эти связи повлияли на теологические, религиозные, экономические и социально-политические взгляды фон Вэхтера [4, 211].

Идеи, близкие к воззрениям фон Вэхтера и фон Эгиди, выражал еще один швейцарский пастор — Леонхард Рагац. Он выступал за интеграцию представителей разных групп внутри религиозного социализма и, таким образом, за примирение людей. Рагац отвергал как национал-социализм, так и национализм. Вместе со своим коллегой Германом Куттером он основал религиозно-социальное движение в Швейцарии, претворяя свои идеи в практику посредством солидаризации с бастующими рабочими. В 1913 г. Рагац временно вступил в «Социал-демократическую партию Швейцарии» («Sozialdemokratische Partei der Schweiz» — SP), но начало Первой мировой войны стало для него знаком того, что в деятельности церквей и международного рабочего движения что-то пошло не так. В отличие от Рагаца Куттер воспринимал социал-демократию как божественный инструмент для создания лучшей жизни. Он пытался объединить христианство и социализм, содействуя основанию швейцарского движения, но так и не вступил в SP, считая невозможным отождествление социализма и Евангелия [4, 219; 8, 194; 15, 156—157].

* * *

Таким образом, будучи ведущими течениями германского протестантизма, консервативные и либеральные круги социального клерикализма перед тем, как начать отдаляться друг от друга, объединили свои усилия для обсуждения социальных проектов реформирования общества в рамках Евангелическо-социального конгресса. Этот центральный форум дополняла благотворительная активность «Внутренней миссии», реализовывавшая на практике протестантские социальные воззрения о социальной ответственности каждого человека и помощи конкретным нуждающимся людям. Еще одним дополнением стала попытка некоторых клириков объединить христианскую веру с социал-демократией, что получило название религиозного социализма. Никто из них не поддерживал революционный ход общественного развития, но все они считали необходимым улучшить жизненные условия людей, находящихся в нужде, в первую очередь рабочих. Понятие классовой борьбы в смысле устранения классовых различий и их противоречий принималось только религиозным социализмом, в частности фон Вэхтером. Кроме социального вопроса Штокер и Науманн активно обсуждали возможность отождествления протестантизма и культурного национализма. Представители ЕСК, чьи идеи подверглись нашему скромному анализу, поддерживали увеличение армии в форватере международной политики для усиления статуса германской империи.

Литература

1. Соколов Р.Е. Философия хозяйства либерального крыла германского протестантизма и появление культурного национализма // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 87—100.
2. Bauer R. Art. Wohlfahrtsverbaende // Woerterbuch Soziale Arbeit. Aufgaben, Praxisfelder, Begriffe und Methoden der Sozialarbeit und Sozialpaedagogik / Hrsg. von Dieter Kreft, Ingrid Mielenz. 6. Aufl. Weinheim: Juventa Verlag, 2008.
3. Bebel A. Christentum und Sozialismus. Eine religioese Polemik zwischen Herrn Kaplan Hohoff in Hufte und A. Bebel (1873—1874) // Bebel A. Ausgewaelte Reden und Schriften / Hrsg. von Gustav Seeber:

In 10 Bde. Bd. 1: Reden und Schriften, Briefe 1863 bis 1878, Anmerkungen, Bibliographie und Register. Muenchen: K. G. Saur, 1995.

4. *Grauvogel G.W.* Theodor von Waechter: Christ und Sozialdemokrat, ein soziales Gewissen in kirchlichen und gesellschaftlichen Konflikten. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994.

5. *Herrmann V.* Johann Hinrich Wichern. Leben, Werk und Wirkung // Zur Diakonie im 19. Jahrhundert. Ueberblicke — Durchblicke — Einblicke / Hrsg. von Volker Herrmann. DWI-Info Sonderausgabe 6. Heidelberg: Diakoniewissenschaftliches Institut, 2006.

6. Jahrhundertwenden. Endzeit- und Zukunftsvorstellungen vom 15. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von Manfred Jakubowski-Tiessen et al. Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999.

7. *Kaiser J.-Ch.* Freie Wohlfahrtsverbaende im Kaiserreich und in der Weimarer Republik — ein Ueberblick, in: Studienbuch Diakonie. In 2 Bde., Bd. 1: Biblische, historische und theologische Zugaenge zur Diakonie / Hrsg. von Volker Herrmann, Martin Horstmann. Neukirchen: Vluyn, 2006.

8. *Kutter H.* Sie muessen. Ein offenes Wort an die christliche Gesellschaft. Berlin: Hermann Walther Verlagsbuchhandlung, 1903.

9. *Marx K., Engels F.* Werke. Karl Marx, Friedrich Engels; Institut für Marxismus-Leninismus beim Zk der SED. Bd. 1. Berlin: Dietz, 1981.

10. *Nottmeier C.* Adolf von Harnack und die deutsche Politik 1890—1930. Eine biographische Studie zum Verhaeltnis von Protestantismus, Wissenschaft und Politik. Tuebingen: Mohr Siebeck, 2004.

11. *Ritter G.A.* Soziale Frage und Sozialpolitik in Deutschland seit Beginn des 19. Jahrhunderts. Opladen: Leske + Budrich, 1998.

12. *Scheliha A. von.* Protestantische Ethik des Politischen. Tuebingen: Mohr Siebeck, 2013.

13. *Schmidt J.* Die Frau hat ein Recht auf die Werke der Barmherzigkeit // Die Macht der Naechstenliebe. Einhundertfuenfzig Jahre Innere Mission und Diakonie 1848 — 1998 / Hrsg. von Ursula Roeper, Carola Juellig. Berlin: Jovis Verlag, 1998.

14. Sozialer Protestantismus im Kaiserreich: Problemkonstellationen — Loesungsperspektiven — Handlungsprofile / Hrsg. von Norbert Friedrich, Traugott Jaehnichen. — Muenster: Lit Verlag, 2005.

15. *Titius A.* Theologische Wissenschaft und Kirchenpolitik, soziales und oekumenisches Engagement zwischen 1890 und 1936. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie im Fachbereich 01 Erziehungswissenschaft / Humanwissenschaften, Institut fuer Evangelische Theologie / Religionspaedagogik der Universitaet Kassel. Vorgelegt von Heinz-Georg Henning Kuenzell. Datum der Disputation (muendliche Pruefung): 27.11.2008.

16. *Wichern J.H.* Saemtliche Werke III/1 / Hrsg. von Peter Meinhold. Berlin/Hamburg, 1968.

17. *Wischnath J.M.* Vom Evangelischen Hilfswerk zum Diakonischen Werk // Studienbuch Diakonik. In 2 Bde., Bd. : Biblische, historische und theologische Zugaenge zur Diakonie / Hrsg. von Volker Herrmann, Martin Horstmann. Neukirchen: Vluyn, 2006.

18. *Zitt R.* Auf der Suche nach der diakonischen Gemeinde // Studienbuch Diakonik. In 2 Bde., Bd. 2: Diakonisches Handeln, diakonisches Profil, diakonische Kirche / Hrsg. von Volker Herrmann, Martin Horstmann. Neukirchen: Vluyn, 2006.

References

1. *Sokolov R.E.* Philosophy of Economy in the Liberal Wing of the German Protestantism and Emerging of the Cultural Nationalism // Philosophy of Economy. 2022. No. 3 (141). P. 87—100.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.В. КУЗНЕЦОВ

**Россия в мировой экономике: необходимость
стратегических перемен***

Аннотация. Мировая экономика вошла в фазу необратимых трансформаций, обусловленных неразрешимыми противоречиями неолиберальной модели глобализации. Цель статьи — обобщить ключевые негативные последствия интеграции России в мировую экономику с точки зрения ущемления финансового суверенитета и разработать меры по восстановлению контроля над национальной финансовой и экономической системами. В работе обсуждаются последствия финансовой глобализации, превратившие суверенные государства из субъектов развития в объекты манипулирования со стороны глобального финансового капитала. Обобщены основные санкционные меры, введенные против России после начала специальной военной операции. Разработаны предложения возможных контрдействий России, направленные на восстановление финансового суверенитета и возврат контроля над национальными финансовыми потоками. Сделан вывод о необходимости создания Россией автономной расчетно-платежной инфраструктуры для защиты от внешних шоков и обеспечения поступательного и всестороннего развития национального хозяйства в условиях формирования нового мирохозяйственного баланса сил.

Ключевые слова: финансовый суверенитет, глобальный капитал, санкции, закрывающие технологии, расчетно-платежная система, национальное хозяйство.

Abstract. The world economy has entered a phase of irreversible transformations caused by the insoluble contradictions of the neoliberal model of globalization. The purpose of the article is to summarize the key negative consequences of Russia's integration into the global econ-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Россия в мировой экономике: необходимость стратегических перемен // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 75—85. DOI: 10.5281/zenodo.10675390.

omy in terms of infringement of financial sovereignty and to develop measures to restore control over the national financial and economic systems. The paper discusses the consequences of financial globalization, which have transformed sovereign states from subjects of development into objects of manipulation by global financial capital. The main sanctions measures introduced against Russia after the start of the special military operation are summarized. Proposals for possible counteractions by Russia aimed at restoring financial sovereignty and returning control over national financial flows have been developed. A conclusion is made about the need for Russia to create an autonomous settlement and payment infrastructure to protect against external shocks and ensure the progressive and comprehensive development of the national economy in the context of the formation of a new world economic balance of power.

Keywords: financial sovereignty, global capital, sanctions, closing technologies, settlement and payment system, national economy.

УДК 339.98
ББК 65.5, 65в

Введение

В условиях современных трансформаций мировой экономики неолиберальная модель глобализации обуславливает эскалацию геополитической напряженности, ведение валютных и торговых войн между старыми и новыми финансово-экономическими центрами, создает риски сворачивания международной торговой и инвестиционной активности вследствие задействования таких политических рычагов давления на конкурентов, как, например, экономические санкции [8] и использование резервных валют в качестве финансово-экономического оружия. Разрешение накопившихся противоречий требует формирования новых принципов хозяйственного мироустройства, в том числе через внедрение новых технологий денежного обращения [1].

По мере интеграции в глобальную экономику Россия испытывает все более существенное ущемление своих суверенных финансовых прав. Так, размер национальной денежной массы определяется, в том числе, предписаниями международных финансовых

организаций, включая действующий монетарный режим — таргетирование инфляции. Государственный бюджет формируется с ориентацией на гиперволатильные мировые цены на нефть, а обслуживание внешнего долга — на крайне политизированные международные кредитные рейтинги. Стоимость национальной валюты находится под влиянием множества внешних факторов, связанных с непредсказуемой конъюнктурой мирового финансового рынка. Значительная масса национальных финансовых ресурсов обращается в офшорных юрисдикциях, неподконтрольных национальным фискальным органам. Большая часть оплаты российского экспорта поступает в иностранной валюте, причем часть избыточной экспортной выручки хранится в международных резервах, доступ к которым России в настоящее время перекрыт странами коллективного Запада. Эти и другие факты свидетельствуют о существенном ограничении финансового суверенитета России [7].

Антироссийские санкции

Сегодня западное сообщество со всей откровенностью демонстрирует неприятие России в качестве равноправного участника мировой экономики и международных отношений. Введенные с февраля 2022 г. против России финансовые санкции включают: замораживание валютных резервов и активов Центрального банка, Министерства финансов и Фонда национальной безопасности РФ; запрет западным кредитным и финансовым организациям проводить какие-либо операции с российскими физическими и юридическими лицами, находящимися в санкционном списке; запрет на осуществление любых инвестиций в РФ и совершение операций с долговыми инструментами российских юридических лиц (США).

В дополнение к перечисленному Европейский союз запретил европейским гражданам предоставлять услуги страхования и перестрахования российских компаний, осуществляющих деятельность в металлургическом секторе РФ; предоставлять займы, кредиты, инвестиции российским юрлицам, осуществляющим деятельность в энергетическом секторе; оказывать услуги по открытию, ведению депозитных счетов российских граждан и компаний (свыше 100 000 евро), услуги по листингу на европейских торговых площадках, депозитарные услуги по российским ценным бумагам; совершать

сделки с новыми долговыми обязательствами / переводными ценными бумагами со сроком погашения менее 30 дней, осуществлять инвестиции и совместное участие в проектах РФПИ; предоставление любой поддержки (в том числе финансовой) российским предприятиям с прямым или косвенным государственным владением и контролем; продавать российским физическим и юридическим лицам банкноты и ценные бумаги, номинированные в валюте государств — членов ЕС; продавать, передавать, поставлять и экспортировать банкноты, номинированные в валюте государства — члена ЕС для использования таких банкнот в РФ; предоставлять российским физическим и юридическим лицам услуги по депонированию, обслуживанию и обеспечению криптоактивов на сумму более 10 000 евро; регистрировать, предоставлять юридический и фактический адрес, оказывать услуги по управлению активами российским гражданам и компаниям; выступать в качестве доверенного управляющего в отношении российских граждан и компаний и многое другое.

Во избежание падения котировок финансовых активов в конце февраля 2022 г. фондовый рынок России был временно закрыт. Однако на Лондонской фондовой бирже торговля акциями четырех крупнейших российских нефтегазовых компаний продолжалась до тех пор, пока их стоимость не снизилась на 97% [11].

Лондон является крупнейшим в мире международным рынком золота, Россия в свою очередь (наряду с Китаем и Австралией) входит в тройку крупнейших производителей золота в мире. В 2021 г. Великобритания приобрела у России 266,1 т. золота на сумму 15,4 млрд долл., что составило 88% от совокупного российского экспорта желтого металла. Введение Великобританией 21 июля 2022 г. запрета на импорт российского золота лишил Россию второго по ценности источника экспортных доходов после энергоносителей [5]. Помимо этого, с 1 января 2024 г. страны «Большой семерки» ввели запрет на импорт нетехнических алмазов, добытых, обработанных или произведенных в России, с целью лишения России потока доходов, который оценивается в 4 млрд евро в год [10]. Уход Большой тройки рейтинговых агентств из России, европейские штаб-квартиры которых расположены в Лондоне, окончательно за-

блокировал доступ российских эмитентов к мировому финансовому рынку.

Контрдействия России

В настоящее время в рамках специальной военной операции на Украине Россия ведет кровопролитную борьбу за свой политический суверенитет. Однако обретение подлинного финансового суверенитета требует не менее жестких действий. В условиях нарастающих западных санкций и ограничения доступа к международной финансовой ликвидности России необходимо в кратчайшие сроки создать автономную платежно-расчетную и финансовую инфраструктуру. В данной связи в качестве краткосрочных мер предлагается предпринять следующие действия:

- сформировать полностью автономную расчетно-платежную систему для обслуживания внешнеэкономической деятельности;
- изменить правовое обеспечение валютно-финансовых операций РФ с внесением во все внешнеэкономические контракты положения о приоритетности проведения расчетов с контрагентами в российских рублях;
- усилить валютный контроль, включая 100%-ю продажу валютной выручки;
- ввести специальный налог на владение финансовыми активами, включая срочные депозиты, акции, облигации и другие инструменты фондового рынка;
- ввести специальный налог на криптоактивы;
- увеличить нормы резервирования и достаточности банковского капитала, ввести ограничения на размер процентных ставок для сужения возможностей коммерческих банков создавать кредитные деньги;
- ввести повышенные экспортные пошлины на вывоз сырьевых товаров в недружественные страны;
- ввести повышенные пошлины на импорт из недружественных стран товаров роскоши (в первую очередь автомобилей, табачных, спиртных изделий, деликатесов, драгоценностей);

- ввести прогрессивную систему налогообложения с целью дополнительного налогообложения доходов наиболее богатых индивидов;
- провести национализацию системно значимых промышленных предприятий и финансовых институтов для полного перевода их хозяйственной и финансовой деятельности и отчетности в российскую юрисдикцию.

В среднесрочном плане необходимо планирование организации новой финансовой системы после окончания военных действий. В первую очередь целесообразно продумать возможности использования следующих институтов, инструментов и механизмов:

- создание за счет внутренних рублевых ресурсов (не зависящих от внешнего финансирования, и, следовательно, не подверженных рискам нестабильности глобальной финансовой конъюнктуры) специальных фондов для финансирования программ импортозамещения российской экономики в условиях режима западных санкций, а также специальных фондов для послевоенного восстановления Украины;
- осуществление выпуска специальных долгосрочных государственных облигаций (сроком от 10 до 40 лет) для наполнения ликвидностью вышеозначенных специальных фондов;
- освобождение от налогообложения финансовых активов (банковских срочных депозитов, акций, облигаций и других портфельных активов) в случае их добровольной конвертации в специальные облигации государственного займа для финансирования программ импортозамещения российской экономики в условиях режима западных санкций и для послевоенного восстановления Украины;
- проведение категориальной оценки совокупного финансового, материального и прочего ущерба, нанесенного России в результате санкций, введенных в период с 2014 г. по настоящее время. Использование этих обобщенных данных в качестве документарной базы для опротестования западных финансовых санкций и введения контртребований в рамках действующих институциональных механизмов международного сотрудничества в валютно-финансовой сфере (Группа 20, МВФ, Группа Всемирного банка, Банк международных расчетов, ВТО);

- ускорение процесса введения коллективной расчетной денежной единицы для проведения внешнеэкономических операций со странами — членами ЕАЭС и другими дружественными государствами;

- создание Евразийского финансового кластера на основе двухконтурной системы денежного обращения.

По сути речь идет о переходе к мобилизационной экономике как закономерном стремлении России разрешить комплекс проблем, накопившихся в национальном хозяйстве за последние десятилетия в ходе проведения неолиберального эксперимента [4].

Отключение ряда российских банков от межбанковской системы передачи финансовых сообщений (СВИФТ) и беспрецедентный по размеру арест российских резервных активов коренным образом изменяют геополитику трансграничных платежей и имеют далеко идущие последствия для доллара США как валюты международных расчетов. Наложение эмбарго на резервные активы России возвращает мир к первоначальной логике создания МВФ как института, призванного способствовать проведению расчетов между странами в их собственных валютах.

Дерегулирование международного движения финансовых потоков, либерализация финансового сектора наряду с бурным развитием финансовых инноваций стали причиной фактической утраты Центробанками контроля над увеличением денежной массы в экономике, что привело к вовлечению всех стран мира в финансирование глобальной инфляционно-долговой пирамиды, и, как следствие, неограниченному росту фиктивного капитала, мультипликация которого превысила все разумные пределы.

Как свидетельствует опыт ведения советского хозяйства, процесс мультипликации фиктивных ценностей является вполне обратимым через внедрение «закрывающих технологий», т. е. таких механизмов и методов ведения хозяйства, которые в силу своих уникальных характеристик способны приводить производство в соответствие с реальными потребностями социума, а цены товаров — в соответствие со стоимостью труда, и предполагают переход от фиктивных целей глобализации, направленных на максимизацию корпоративных прибылей, к реальным целям, направленным на всестороннее развитие и удовлетворение потребностей человека.

В период существования советского строя закрывающие технологии, в частности, включали: общегосударственную автоматизированную систему управления народным хозяйством (ОГАС) [3], двухконтурную денежную систему [9] и механизм многосторонних расчетов на базе переводного рубля [6].

Так, основная идея двухконтурной денежной системы, функционировавшей с начала 1930-х до середины 1980-х гг., заключалась в изолированности денежной массы, обслуживающей различные сферы экономики для облегчения процесса индустриализации страны [2, 148]. Советская модель двухконтурной денежной системы была положена в основу обращения переводного рубля — уникального коллективного валютно-финансового механизма, действовавшего в странах Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в 1964—1990 гг.

В социалистической международной валютной системе по сути была решена проблема отделения национальной природы мировых денег от их интернационального использования в системе международных экономических отношений. Тем самым был устранен кризисогенный характер международного денежного обращения, характерный для функционирования капиталистической валютной системы. Принципы внешнеэкономического взаимодействия между участниками этого механизма позволили им выйти на качественно новый уровень производственных отношений, научно-технического сотрудничества и углубления процессов интеграции. Изолирование международного денежного обращения от национального способствовало выравниванию различий в социально-экономическом развитии стран — членов СЭВ, предотвращало образование внешнеторговых дисбалансов и получение односторонних привилегий какой-либо одной страной. Опыт переводного рубля мог бы лечь в основу формирования современной системы взаимных расчетов стран Евразийского экономического союза, ключевым элементом которой могло бы стать массовое внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) для контроля над движением и распределением ресурсов в экономике с целью упреждения недобросовестных практик, а также соблюдения основополагающих принципов промышленной кооперации — равноправия и учета

национальных интересов, недискриминации, транспарентности и взаимовыгодности.

Заключение

Мировая экономика отягощена невыносимым бременем финансовой глобализации — процесса создания искусственной зависимости национальных хозяйств от нерегулируемой стихии и ненасытных запросов мирового финансового рынка. Включаясь в процессы финансовой глобализации, страны подчиняются наднациональным нормам и стандартам глобальных финансовых институтов, лишаясь суверенного контроля над своим национальным финансовым пространством.

Таким образом, в условиях финансовой глобализации суверенные государства превращаются из субъектов хозяйственных процессов в объекты контроля и манипулирования со стороны глобального финансового капитала, имеющего наднациональную природу и не подчиняющегося воздействию со стороны межправительственных организаций.

Объективная реальность требует изменения мировой финансовой архитектуры с учетом интересов стран незападного мира через создание такой финансовой экосистемы, которая бы обеспечивала эквивалентность международного обмена и устойчивость экономического развития на равноправной и недискриминационной основе, необходимой для обеспечения непрерывности воспроизводственных процессов и защиты от внешних шоков.

В условиях беспрецедентных антироссийских санкций для поддержания независимого жизнеобеспечения и формирования условий долгосрочного системного развития России необходимо восстановление финансового суверенитета путем активного участия в создании автономной расчетно-платежной инфраструктуры. Для этого неизбежно осуществление мобилизационных мер по восстановлению суверенного контроля над системой национальных финансов.

Введение чрезвычайных мер в финансовом секторе, безусловно, представляется тяжелым и болезненным процессом. Вместе с тем, следует учитывать, что война против России ведется на всех фронтах — военном, информационном, идеологическом, эко-

номическом. Финансовый сектор — это тоже фронт, и тактические потери на нем неизбежны. Однако, если сейчас грамотно выстроить финансовую систему, то в стратегическом плане Россия получит больше, чем потеряет.

Литература

1. Гаврилова В.Е. Контуры денежной системы России в 2020—2030-е гг. // *Философия хозяйства*. 2023. № 3. С. 71—86. DOI: 10.5281/zenodo.7929666.
2. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021.
3. Глушков В.М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975.
4. Гузев М.М. Мобилизационная экономика в России как долгосрочная реальность // *Философия хозяйства*. 2022. № 6. С. 83—93.
5. ЕС и Великобритания ввели эмбарго на российское золото // *Ведомости*. 21 июля 2022; URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/07/21/932483-embargo-rossiiskoe-zoloto> (дата обращения: 21.01.2024).
6. Кузнецов А.В. Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений // *Вопросы политической экономии*. 2023. № 2. С. 102—114. DOI: 10.5281/zenodo.7987853.
7. Россия в мировой финансовой архитектуре: монография / Под ред. А.В. Кузнецова, Л.В. Крыловой. М.: ИНФРА-М, 2023.
8. Слепаков С.С. Глобальная конкуренция и антироссийские санкции // *Философия хозяйства*. 2015. № 6. С. 159—168.
9. Чабанов В.Е. О возрождении двухконтурного денежного обращения // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 121—138. DOI: 10.5281/zenodo.8065481.
10. Sanctions adopted following Russia's military aggression against Ukraine // European Commission: URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/sanctions-adopted-following-russias-military-aggression-against-ukraine_en#timeline-measures-adopted-in-2022-2023 (дата обращения: 21.01.2024).

11. Western sanctions have rocked Russia's financial system // The Economist. March 5, 2022: URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2022/03/05/western-sanctions-have-rocked-russias-financial-system> (дата обращения: 21.01.2024).

References

1. Gavrilova V.E. Kontury denezhnoy sistemy Rossii v 2020—2030-e gg. // *Filosofiya khozyaystva*. 2023. № 3. S. 71—86. DOI: 10.5281/zenodo.7929666.
2. Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O. Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu. M., 2021.
3. Glushkov V.M. Makroekonomicheskie modeli i printsiipy postroeniya OGAS. M.: Statistika, 1975.
4. Guzev M.M. Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii kak dolgosrochnaya real'nost' // *Filosofiya khozyaystva*. 2022. № 6. S. 83—93.
5. ES i Velikobritaniya vveli embargo na rossiyskoe zoloto // *Vedomosti*. 21 iyulya 2022: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/07/21/932483-embargo-rossiiskoe-zoloto> (data obrashcheniya: 21.01.2024).
6. Kuznetsov A.V. Perevodnoy rubl' kak unikal'niy projekt mezhdunarodnykh valyutnykh otnosheniy // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2023. № 2. С. 102—114. DOI: 10.5281/zenodo.7987853.
7. Rossiya v mirovoy finansovoy arkhitekture: monografiya / Pod red. A.V. Kuznetsova, L.V. Krylovoy. M.: INFRA-M, 2023.
8. Slepakov S.S. Global'naya konkurentsia i antirossiyskie sanktsii // *Filosofiya khozyaystva*. 2015. № 6. S. 159—168.
9. CHabanov V.E. O vozrozhdenii dvukhkonturnogo denezhnogo obrashcheniya // *Filosofiya khozyaystva*. 2023. № 4. S. 121—138. DOI: 10.5281/zenodo.8065481.

В.Ю. СКАТКОВА

**Идеология государства как двигатель экономического
развития страны на примере СССР***

Аннотация. В статье рассмотрено влияние идеологических факторов на развитие экономики страны на примере СССР, так как советский период в отечественной истории является наиболее близким к текущей действительности и наиболее показательным в связи с построением политической системы того времени вокруг единой идеологии. Посредством изучения хронологических событий автор исследует динамику развития и распространения идеологии в условиях существования советского строя и необходимость воспроизводства данной тенденции для развития экономики Российской Федерации в условиях текущих западных санкций.

Ключевые слова: идеология, СССР, экономическое развитие.

Abstract. The article examines the influence of ideological factors on the development of the country's economy using the example of the USSR, since this period in Russian history is the closest to current reality and the most indicative in connection with the construction of the political system of that time around a single ideology. By studying chronological events, the author explores the dynamics of the development and spread of ideology under the conditions of the Soviet system and the need to reproduce this trend for the development of the economy of the Russian Federation in the context of current Western sanctions.

Keywords: ideology, USSR, economic development.

УДК 330.331
ББК 65.053, 65в

XX в. занимает существенное место не только в отечественной истории, но и мировой, так как является ярким примером того,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Скаткова В.Ю. Идеология государства как двигатель экономического развития страны на примере СССР // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 86—97. DOI: 10.5281/zenodo.10675392.

как идеологическая составляющая может радикальным образом изменить существующий общественный уклад, повседневную практику и во многом даже сознание людей. Именно этот период является значимым для исследования, поскольку в течение 100 лет мировая история переживала существенные реформы и изменения, но, несмотря на их последствия, современные государства смогли восстановить свои экономики и нарастить объемы производства в окружающих их реалиях. В рамках отечественной истории это особенно актуально, так как сегодня Россия переживает тяжелый экономический период в связи с беспрецедентными санкциями, введенными со стороны западных государств (как следствие Специальной военной операции), и анализируя свое прошлое, мы можем понять, как использовать лучшее, что в нем было, в настоящем.

В данном исследовании мы рассмотрим, насколько идеологическая составляющая являлась предопределяющей (и являлась ли) в экономических успехах Советского Союза, и как государство посредством пропагандистской деятельности могло достигать необходимых плановых показателей.

Темпы роста и размеры советской экономики являются предметом изучения современных ученых, однако они сталкиваются с трудностью, так как сложно оценить реальные объемы советской экономики в связи с отсутствием полноты, доступности и достоверности информации о производстве и росте советского народного хозяйства. Для исследования статистики плановых экономик используется баланс народного хозяйства (БНХ), поскольку из-за отсутствия рыночных показателей и достоверной информации о расходах на оборону использование системы национальных счетов (СНС), которое зачастую применяется в мировой статистике, может не работать.

Экономический рост в государстве имел положительную динамику [7], резкий спад которой произошел только в период распада СССР и предшествующей ему «перестройки». Во многом данный положительный тренд связан с большой идеологической работой государства.

После Гражданской войны необходимо было восстанавливать отечественное производство: от инфраструктуры до наращивания темпов производства. И если в современном нам мире данные про-

цессы во многом происходят за счет рыночных механизмов при государственной поддержке, то в реалиях плановой экономики данная процедура невозможна. Вследствие этого результативность экономики зависела от производительности населения Советского Союза.

Стремление к светлому будущему, достижению новых вершин, которые в дальнейшем могли бы привести к «мировой революции», были глобальной идеей для советских людей. Покорение космоса и освоение воздушного пространства, строительство электростанций и масштабных промышленных предприятий, освоение целинных земель — все это служило живым подтверждением возможностей советского народа, пусть местами официальная статистика и отличалась от фактических показателей.

Эталонным образом человека в СССР были герои, которые ставили интересы общества, государства над личными, готовы были пожертвовать собой ради великой цели. Легендарные летчики В. Чкалов, П. Осипенко, М. Раскова, В. Гризодубова, М. Водопьянов, исследователи Арктики О. Шмидт, И. Папанин, космонавты Ю. Гагарин, Г. Титов были кумирами своего поколения.

Также для стимулирования производства в государстве пропагандировался не просто ответственный подход к работе, а огромные переработки как вклад в развитие социализма, который может совершать каждый человек на ежедневной основе. Так, например, возникло «стахановское движение» среди последователей Алексея Стаханова, который в процессе своей ежедневной работы неоднократно в разы превышал плановые показатели. Кроме материального, передовики социалистического соревнования получали и моральное поощрение: государство присваивало им звание Героя Социалистического Труда, награждало орденами и медалями, переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, едиными общесоюзными знаками «Победитель социалистического соревнования» и «Ударник пятилетки» [3].

Во многом именно такой подход помог государству уже к 1926 г. вернуть народное хозяйство к довоенному уровню, к 1928 г. увеличить валовый прирост продукции на 15% и повысить производительность труда на 9% [11].

Корреляцию между производительностью труда и идеологическим влиянием мы можем увидеть через показатель, который более точно описывает существующую на тот момент конъюнктуру экономики, так как в период советской власти преобладающее развитие получили отрасли «тяжелой» промышленности для обслуживания военных целей.

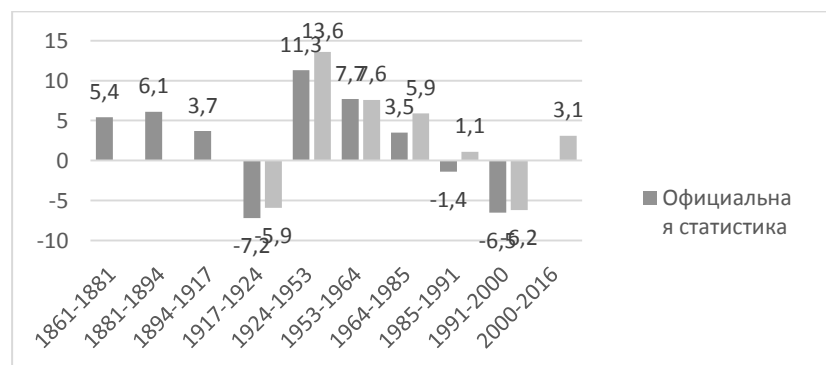

Рис. 1. Среднегодовые темпы роста промышленного производства РИ/СССР/РФ по периодам правления [9]

Из рис. 1 мы можем увидеть, насколько рост промышленного производства в период руководства страной И. В. Сталиным превосходит остальные периоды. Данный период в отечественной истории характеризуется значительным «культом личности Сталина», который и определил значительный подъем экономики.

Уже первая «пятилетка» показала большие амбиции нового лидера государства в рамках экономического развития страны, хотя устанавливаемые им показатели не всегда были достижимы. Председатель ВСНХ В.В. Куйбышев в октябре 1928 года писал жене: «Вот что волновало меня вчера и сегодня: баланса я свести не могу и так как решительно не могу пойти на сокращение капитальных работ (сокращение темпа) придется брать на себя задачу почти непосильную в области снижения себестоимости» [1]. Несмотря на то, что выполнение плана началось без четко установленных целевых показателей, первый год показал значительные результаты, поскольку установленные планы выполнялись, а иногда даже и пере-

выполнялись. После данных успехов в 1929 г. И.В. Сталин утвердил оптимальный пятилетний план, в рамках которого ожидался промышленный рост в 22%, что является значительным показателем в данной отрасли (по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2021 г. промышленный рост в РФ составил 5,3% по сравнению с 2020 г.). Первый пятилетний план был закончен досрочно за 4 года и 3 месяца, и по официальным данным, к 1933 г. было построено 1500 новых предприятий, например, Уралмаш, Днепрогэс, Горьковский автомобильный завод и т. д. [4]. Однако также были плановые показатели, которые так и не были достигнуты в этот период, они были выполнены только в последующие годы. К таким показателям относится фактическое производство электроэнергии, которое составило 13,5 млрд кВт-ч против 22 запланированных; угля — 64,6 млн т против 90; чугуна — 6,2 млн т против 17 млн т и т. д.

Партия не опубликовывала данные показатели, делая акцент на достижениях, что не позволяло сеять в людях зерно сомнения о возможной несостоятельности данных планов. Вследствие подконтрольности СМИ государству людям неоткуда было узнать действительную ситуацию, и они могли полагаться только на ту информацию, которую им предоставляют органы власти, поэтому стимул к производству только поддерживался такими новостями о достижениях в экономической сфере.

Как позднее написал Дж. Оруэлл в своей антиутопии «1984», «...и если все принимают ложь, навязанную партией, если во всех документах одна и та же песня, тогда эта ложь поселяется в истории и становится правдой». «Кто управляет прошлым, — гласит партийный лозунг, — тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». И такой же механизм работы с информацией происходил в рассматриваемый нами исторический период. Люди видели оптимистичные официальные рапорты о небывалых урожаях, увеличении выплавки чугуна и стали на душу населения, связки баранок и горы алюминиевых кастрюль на фотографиях в газетах, пусть в действительности их окружал тотальный дефицит, но в силу того, что большую часть информации было невозможно проверить из-за ограниченности ресурсов и невозможно-

сти к мобильности, то оставалось только верить в потенциальное «изобилие» в других регионах государства.

Также поддерживал ограниченность информации «железный занавес» — данный термин был введен У. Черчиллем в 1946 г., но описывал положение вещей задолго до его появления. Советский гражданин не мог сравнить жизнь на родине с границей, так как не было возможности посетить другую страну как турист или прочитать новости об их жизни. В 1930 г. 257 человек, из которых 244 были рабочими-ударниками, отправились в круиз вокруг Европы на теплоходе «Абхазия». Это было разовое мероприятие, которое превратили в красивую пиар-акцию. Людям пытались показать «ужасы» капитализма. Западные страны как раз переживали последствия Великой депрессии. Молодецкий вид счастливых туристов-передовиков из Страны Советов явно диссонировал с унылым настроением безработных судостроителей на побережьях Европы, отмечают авторы. Все это также подстегивало людей трудиться для того, чтобы достичь светлого будущего в перспективе.

В послевоенные годы политика И.В. Сталина приобрела более радикальный характер, граничащий даже с жестокостью. Политический деятель вводил высокие целевые показатели, требовал от предприятий необходимой производительности, а от людей — повиновения и подконтрольности государству, что стимулировалось широкой распространенностью репрессий. Так, например, после войны крестьяне платили налоги не только деньгами, но и натурой (шкурами, молоком и т. д.), что приводило к голоду на Украине и в Молдавии, так как все выращенное приходилось продавать на рынках [2].

Важным фактором, который сдерживал потенциальные недовольства, был страх, потому что оказаться в ссылке и в трудовом лагере было еще хуже, ярким примером чего являются ГУЛАГи.

Однако именно эти меры способствовали тому, что в 1950-х гг. СССР занимал 2-е место в мире и 1-е место в Европе по размерам экономики. При этом, после смерти И.В. Сталина, проститься с ним пришло настолько много людей, что в толпе началась давка и покаленных/умерших людей увозили на «скорых». Во многом данный диссонанс между репрессиями и отношением населения к «вождю» связан именно с идеологическим фактором.

Именно этот политический деятель укрепил в людях веру в коммунизм, именно с ним советский народ одержал победу над нацистской Германией, именно с ним страна смогла восстановиться после ужасов войны, и именно поэтому данные репрессивные меры не приводили к восстанию: люди боялись, но уважали лидера, и не могли допустить иного расклада событий.

Зависимость и результативность данной формы идеологического контроля от лидера государства ярко показывают первые годы после смерти И.В. Сталина. Одним из первых начал объявлять амнистии жертвам репрессий и «смягчать» сталинский режим его ближайший соратник Л.П. Берия. Также подвергся критике «культ личности» при Н.С. Хрущеве, который и ввел данное выражение в обиход в своем докладе в 1956 г. И, как мы видим из рис. 1, темпы экономического роста в дальнейшем значительно уступают экономическим показателям при руководстве И.В. Сталина.

Несмотря на обратную ситуацию в действиях государственной власти после смерти «вождя», те механизмы воспитания, информирования и продвижения советской идеологии, заложенные в данный период, активно использовались в последующие годы. Основные ценности, основные государственные идеи закладывались в детей со школьной скамьи, воспевались в фильмах и песнях. Кроме того, дети входили в пионерскую организацию, где они получали дополнительное образование и учились быть самостоятельными, уважать коллектив и бороться за идеалы коммунизма. Пионерские лагеря стали обязательной частью жизни детей в СССР.

В 1990-е гг. Россия совершила рывок к капитализму, т. е. отказу от старой системы в пользу полярно новой. Капитализм — это не только про другой экономический уклад, это про другой образ мышления, который закладывается в людях годами, но государство, отказавшись от прошлого пути развития, не объяснило людям, как жить по-новому. В таких условиях люди строили сами свою жизнь, сами устанавливали для себя «что такое хорошо, а что такое плохо», в результате чего возник период истории, когда во многом устройство общества определял не закон и определенные ценности, а физическая сила и стремление к получению материальных благ.

Особенно важно рассмотреть количество преступлений среди несовершеннолетних граждан (рис. 2).

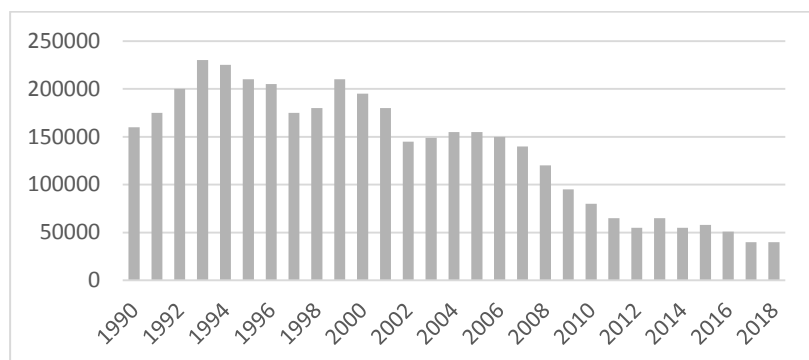

Рис. 2. Абсолютные показатели преступности населения в возрасте 14—17 лет в 1990—2018 гг., человек [8]

В сравнении с современными показателями количество преступников несовершеннолетнего возраста в 1990-х гг. превышает их почти втрое. Именно в этом возрасте формируются личность человека, его жизненные ориентиры, но в силу больших экономических проблем данный аспект жизни не был у молодежи в приоритете. Основные проблемы, которые волновали молодых людей, были социально-политическими, в их число входили: расширение безработицы; рост цен; криминализация общества; война в Чечне. На втором месте — спад промышленности, на третьем — экологические проблемы, на четвертом — политические. И только на пятом месте были проблемы, которые касались кризиса морали, культуры и нравственности [5].

Уже в тот период у людей не смогла сформироваться идеологическая позиция, которая транслировала бы отечественные ценности и служила бы единой базой для объединения людей вместе как в мирные, так и в тяжелые времена. На смену советской идеологии пришла, как ни парадоксально, западная, против которой долгое время велась «Холодная война», вплоть до развала Советского союза. Стоит отметить, что многие методы в распространении западной пропаганды и воспитания своих граждан совпадали с советской школой, только если раньше на территории советской страны распространялась идеология, которая коррелировалась со стратегическими целями развития государства, то после 1991 г. она стала чуж-

дой отечественным целям и не позволяла создать свою собственную систему ценностей. Так, сегодня в мире, например, возглавляют первую десятку ста фильмов, которые нужно посмотреть каждому, по версии сайта Total Film, составляют исключительно картины производства США [10], а через кинематограф происходит формирование «идеальной» картины мира в сознании людей; наиболее прослушиваемыми мировыми исполнителями являются также американские певцы, что формирует приоритет западной культуры, а не отечественной во многих странах, в том числе и в России (данный рейтинг ежегодно обновляется музыкальной платформой Spotify, и в 2023 г. топ-10 составили исполнители, песни которых написаны на английском языке [12]); в большинстве как государственных, так и частных школ США церемония поднятия флага страны и произнесение клятвы верности флагу проходят на ежедневной основе (в СССР данная практика была распространена в пионерских лагерях) и т. д.

Во многом данное стечение событий можно понять, поскольку после развала СССР основной задачей государства было восстановление отечественной экономики, однако на современном этапе исторического развития именно идеологический фактор стал ключевой причиной «раскола» общества и проигрыша информационной войны после начала СВО. Сепарирование Запада от Российской Федерации сделало нашу страну отстраненной от глобального рынка и продуктов его культуры в том числе. А заменить их оказалось первоначально нечем. Идеологический кризис стал очевиден в период начала СВО, так как только после объявления частичной мобилизации 21 сентября 2022 года «из России уехали почти 1 млн человек, сказал «Forbes» собеседник, знакомый с кремлевскими оценками. Другой собеседник в Администрации президента уточнил, что речь идет о 600 000 — 700 000 россиян» [6]. И несмотря на то, что с начала специальной военной операции прошло почти два года, отток населения из страны, хотя и не такой большой, как в первые месяцы, продолжается.

Современные условия ставят существенные вызовы перед нашей страной, исторический поворот снова возвращает нас в точку, когда необходимо заново выстраивать отечественное производство и перестраивать его на независимый и автономный лад, дабы

обеспечить экономическую и политическую безопасность государству. Из опыта СССР можно сделать вывод, что одним из ключевых факторов, который стимулирует людей трудиться (и трудиться много), является идеология, так как глобальная идея, цель заставляют верить людей в свои силы и позволяют им понять, для чего они трудятся, как они хотят, чтобы жили их дети и внуки в будущем, и какую страну они хотят буквально построить своими силами в дальнейшем. Для этого важно учитывать опыт Советского Союза и механизм распространения идеологического воспитания среди населения. Также важно учитывать недочеты той системы и, выстраивая необходимые государству процессы, стараться избегать их, что будет характеризовать нашу страну не только как сильную державу, которая смогла выстоять большое экономическое и политическое давление внешних агрессоров, но и как мудрую, которая с уважением относится к прошлому и эффективно использует опыт, пройденный нашими предками, в настоящем, чтобы делать страну только лучше и укреплять ее позиции на международной арене¹.

Литература

1. «Инсульт случился очень вовремя». Как смерть Сталина изменила жизнь СССР и советских людей: URL: https://lenta.ru/articles/2019/03/05/posle_stalina/ (дата обращения: 30.11.2023).
2. Лельчук В., Ильин А., Кошелева Л. Индустриализация СССР: стратегия и практика // Урок дает история. М., 1989. С. 201.
3. Мифология и идеология СССР: URL: <https://www.sakharov-center.ru/node/11660> (дата обращения: 30.11.2023)
4. Муравьева Л.А. Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток // Финансы и кредит. 2003. № 9 (123).
5. Попов М.Ю. Ценностные ориентации молодежи и ее отношение к преступности // Общество и право. 2005. № 3.
6. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан: URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21->

¹ Автор выражает благодарность своему научному руководителю д.э.н., профессору А.В. Кузнецову за помощь в написании статьи.

sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan (дата обращения: 30.11.2023).

7. Трудности перерасчета: как оценить масштабы советской экономики и темпы ее роста: URL: <https://www.hse.ru/news/438414950.html> (дата обращения: 25.11.2023).

8. *Хасанова Р.Р.* Динамика преступности несовершеннолетних в России // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26. № 11.

9. Экономика СССР 1929—1955 годы. Причины феноменального роста: URL: <https://exp.idk.ru/analytics/review/ehkonomika-sssr-1929-1955-gody-prichiny-fenomenalnogo-rosta/557844/> (дата обращения: 25.11.2023).

10. 100 лучших фильмов всех времен по версии сайта Total Film: URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/top_100_by_total_film/?sort=rating (дата обращения: 30.11.2023).

11. Back in USSR: советские приемы стимулирования производства в современных реалиях: URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/200969-kak-povyshali-proizvoditelnost-truda-v-sssr-i-rabotaet-li-eto-seychas> (дата обращения: 30.11.2023).

12. The top global artists of 2023: URL: <https://newsroom.spotify.com/2023-11-29/top-songs-artists-podcasts-albums-trends-2023/> (дата обращения: 30.11.2023).

References

1. «Insul't sluchilsya ochen' vovremya». Kak smert' Stalina izmenila zhizn' SSSR i sovetskih lyudej: URL: https://lenta.ru/articles/2019/03/05/posle_stalina/ (дата обращения: 30.11.2023).

2. *Lel'chuk V., Il'in A., Kosheleva L.* Industrializaciya SSSR: strategiya i praktika // *Urok daet istoriya*. M., 1989. S. 201.

3. Mifologiya i ideologiya SSSR: URL: <https://www.sakharov-center.ru/node/11660> (дата обращения: 30.11.2023)

4. *Murav'eva L.A.* Promyshlennoe razvitie i finansy v gody dovoennyh pyatiletok // *Finansy i kredit*. 2003. № 9 (123).

5. *Popov M.YU.* Cennostnye orientacii molodezhi i ee otnoshenie k prestupnosti // *Obshchestvo i pravo*. 2005. № 3.

6. Rossiyu posle 21 sentyabrya pokinuli okolo 700 000 grazhdan: URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (data obrashcheniya: 30.11.2023).
7. Trudnosti pererascheta: kak ocenit' masshtaby sovetskoj ekonomiki i tempy ee rosta: URL: <https://www.hse.ru/news/438414950.html> (data obrashcheniya: 25.11.2023).
8. *Hasanova R.R.* Dinamika prestupnosti nesovershennoletnih v Rossii // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 2019. T. 26. № 11.
9. *Ekonomika SSSR 1929—1955 gody. Prichiny fenomenal'nogo rosta*: URL: <https://exp.idk.ru/analytics/review/ehkonomika-sssr-1929-1955-gody-prichiny-fenomenalnogo-rosta/557844/> (data obrashcheniya: 25.11.2023).
10. 100 luchshih fil'mov vseh времен po versii sajta Total Film: URL: https://www.kinopoisk.ru/lists/movies/top_100_by_total_film/?sort=rating (data obrashcheniya: 30.11.2023).
11. Back in USSR: sovetskie priemy stimulirovaniya proizvodstva v sovremennyh realiyah: URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/200969-kak-povyshali-proizvoditelnost-truda-v-sssr-i-rabotaet-li-eto-seychas> (data obrashcheniya: 30.11.2023).

М.А. ЧИРКОВ, А.В. ШАПОВАЛОВА, М.С. ЧИСТЯКОВ

Зарубежный опыт практики применения параллельного импорта: Исламская Республика Иран*

Аннотация. Рассматривается специфика параллельного импорта в Исламской Республике Иран с точки зрения возможной целесообразности практики применения в российских реалиях экономической и политической ситуации в России и в мире. Приводятся позитивные и негативные аспекты параллельного импорта. В каче-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чирков А.М., Шаповалова А.В., Чистяков М.С. Зарубежный опыт практики применения параллельного импорта: Исламская Республика Иран // *Философия хозяйства*. 2024. № 1. С. 97—121. DOI: 10.5281/zenodo.10675396.

стве примера рассматривается задействование данного механизма в обеспечении лекарственными препаратами в Исламской Республике.

Ключевые слова: параллельный импорт, импортозамещение, Иран, санкции, импорт и экспорт.

Abstract. The specifics of parallel imports in the Islamic Republic of Iran are considered from the point of view of the possible expediency of the practice of application in the Russian realities of the economic and political situation in Russia and in the world. The positive and negative aspects of parallel import are given. As an example, the use of this mechanism in the provision of medicines in the Islamic Republic is given.

Keywords: parallel import, import substitution, Iran, sanctions, import and export.

УДК 339.6
ББК 65.291.3

Введение. Иран является одной из ведущих экономических и политических сил на Ближнем Востоке. Одним из важных аспектов экономики государства является внешняя торговля, включая импорт товаров и услуг. В последние годы Иран активно развивает свои возможности в области параллельного импорта для удовлетворения потребностей населения и разнообразия ассортимента предлагаемых товаров.

Параллельный импорт (ПИ) — процесс, при котором товары закупаются не у официальных поставщиков или производителей, а у иных компаний или частных лиц, импортирующих товары из других стран. Это позволяет потребителям получать доступ к более широкому выбору товаров по более низким ценам, так как параллельный импорт часто осуществляется без уплаты таможенных пошлин [5, 107].

Иран перешел к активной фазе развития ПИ в ответ на меры санкционного давления, ограничивающие возможности Ирана во внешней торговле и приводящие к дефициту определенной группы товаров на внутреннем рынке. ПИ представлял собой механизм компенсации дефицита и удовлетворения потребностей населения.

Иранские предприятия и бизнес-сообщество активно сотрудничают с компаниями из других государств в целях импортирования различных товаров, включая продукты питания, электронику, автомобили и многое другое. ПИ позволил расширить потребительские возможности конкуренцию на рынке, что привело к снижению цен и улучшению качества товаров.

Однако ПИ имеет и свои недостатки. Например, качество товаров может быть ниже, чем у товаров, импортированных официальными поставщиками. Также существует риск подделки или контрафактной продукции. Правительство Ирана принимает меры для борьбы с указанными диспропорциями, включая ужесточение контроля и регулирование ПИ.

В целом опыт задействования ПИ в Иране позволил разнообразить ассортимент товаров на рынке, снизить цены и удовлетворить потребности населения. Однако ПИ находится в перманентной динамике в целях продолжения работы над улучшением качества и безопасности импортируемых товаров и защиты интересов потребителей.

Целью исследования является рассмотрение нивелирующих мер минимизации влияния санкций на экономику страны (опыта Исламской Республики Иран), а также подробное изучение одной из мер — параллельного импорта и сравнение данного опыта с санкционным давлением против Российской Федерации в целях определения его использования в национальном экономическом пространстве.

Материал и методы исследования. Теоретической основой исследования являются научные источники, раскрывающие методологические подходы отечественных и зарубежных ученых к проблематике параллельного импорта. В качестве практики применения рассматривается Исламская Республика Иран. В исследовании использовались методы общенаучного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез); графические и статистические методы визуализации.

Результаты исследования и их обсуждение. Экономическая конъюнктура в России в хронологии с 2022 г. сравнима с подобными тенденциями в Иране при реализации против государства санкций, поводом для которых явилась ядерная программа. Однако санкции в отношении Ирана вводились поэтапно, Россия же подверглась санкционным рестрикциям одномоментно [14, 160]. До

недавнего времени страна Персидского залива была с самым высоким потенциалом рестрикций в мире, ингибирующих экономику. Однако перенимать ее опыт необходимо таргетно.

В отношении России введено свыше 10 тыс. санкций. Для примера: в отношении Ирана более — 3,6 тыс., Венесуэлы — 651 [14, 160].

Иран находится под санкциями США с 1979 г., а под санкциями Совета Безопасности ООН — с 2006 г. За это время Иран не только научился обходить санкции и обеспечивать себя наиболее необходимыми товарами, но и смог продолжить развитие, в том числе в области технологий и оборонного производства.

На протяжении длительного времени Иран подвергался финансовым санкциям со стороны международного сообщества. Основным источником пополнения бюджета по-прежнему являлся экспорт углеводородов. По прошествии определенного хронологического этапа Ирану удалось адаптироваться к повторному введению санкций со стороны англосаксонской коалиции, поскольку Д. Трамп (в должности президента США) «вышел» из ядерного соглашения 2015 г. (Всеобъемлющего плана действий), тем самым формально создались предпосылки для секционных ограничений в отношении Ирана.

Иран продемонстрировал мировому сообществу симбиотические отношения (или взаимовыгодные коммерческие партнерства) между государствами-изгоями и негосударственными субъектами (включая обозначенные террористические группы), относимые к типу сотрудничества, при которых возможны «преференции» от перехода к «теневой» финансовой системе. В частности, финансовые потоки для «Хезболлы» и предоставление ей ресурсов во многом взаимонаправлены, в том числе и в части поддержки государственно-посреднических схем реализации «черного золота». Подобные «манипуляции» и «браки по расчету» часто интерпретируются как подходы обхода санкций, отстаивания и продвижения национальных интересов в условиях эскалации межгосударственных конфликтов.

В контексте обеспечения национальных торговых и финансовых интересов Исламская Республика также кооптирует государства, предоставляющие услуги формата «финансовый центр», где

надзор и обеспечение соблюдения положений о финансовых преступлениях недостаточны.

Полной адаптации финансовой и экономической системы к санкционному противостоянию окончательно не сформировалось, учитывая вероятную длительную изоляцию России от международных финансовых инструментов, как и в случае с Ираном необходимо дальнейшее последовательное установление параллельных финансовых и экономических отношений [10, 60].

Основные партнеры Ирана по импорту в порядке убывания значимости: Объединенные Арабские Эмираты, Китай, Алжир, Индия, Южная Корея и Турция. В совокупности, Объединенные Арабские Эмираты и Китай составляют более 50% всего импорта. Ни одна европейская страна или Соединенные Штаты не являются близкими торговыми партнерами Ирана ни по импорту, ни по экспорту [8, 273].

Иран был изолирован от Запада санкциями из-за опасений в контексте возможного потенциала государства в производстве оружия массового поражения. В 2011 г. были согласованы дальнейшие санкции против Ирана со стороны США и Европы, что негативно сказалось на его экономике. Это также повлияло на объем общего импорта в страну. Вероятно, это связано со снижением ВВП Ирана, что коррелирует с ограниченными возможностями страны по импорту товаров. В качестве примера контраста экономического развития государств региона можно привести Саудовскую Аравию, установившую прочные международные связи и свободно торгующую с Европой и США — ВВП Ирана значительно уступает ВВП саудитов.

Рассмотрим санкции против Ирана, разделенные на 4 периода (табл. 1) [12, 6].

В России можно отметить следующее воздействие, обусловленное санкционным давлением (рис. 1).

Из таблицы 1 и рис. 2 видно, что Россия и Иран в условиях санкций оказались практически в схожих условиях по определенным направлениям.

Таблица 1

Основные периоды санкций против Ирана

1 период (1978— 1980 гг.)	2 период (1983— 1995 гг.)	3 период (1996— 2004 гг.)	4 период (2011— настоящее вре- мя)
• Запрет на ввоз в Иран любых продуктов питания и медикаментов со стороны американских банков • Запрет для американцев на осуществление финансовых операций с иранцами • Запрет на импорт из Ирана в Америку	• Строгий контроль за экспортом военной техники в Иран • Запрет на ввоз американских товаров и продуктов в Иран • Запрет импорта, экспорта и взаимных инвестиций между Ираном и США	• Включение иранских банков, компаний и ряда учреждений, связанных с Корпусом стражей исламской революции, в список санкций	• Введение ограничений в отношении экспорта иранской нефти, мер против Центрального банка Исламской Республики Иран в отношении импорта товаров первой необходимости • Присоединение к нефтяному эмбарго Евросоюза, также заморозившего активы Иранского ЦБ

Источник: [12, 6].

Именно в начале четвертой фазы санкций в отношении Ирана страна предприняла ряд действий к построению так называемой «экономики сопротивления», предполагающей нивелирование или минимизацию воздействия санкций, что может включать повышение устойчивости внутреннего рынка путем замены импортируемых ресурсов местными, расширения бартерной торговли — эвентуально санкционное давление может создать условия для новых возможностей. В определенной проекции экономика «секционного развития» идентична экономике в состоянии войны или чрезвычайного положения [9].

Результатом задействования Ираном модели экономики сопротивления стали следующие изменения (рис. 2).

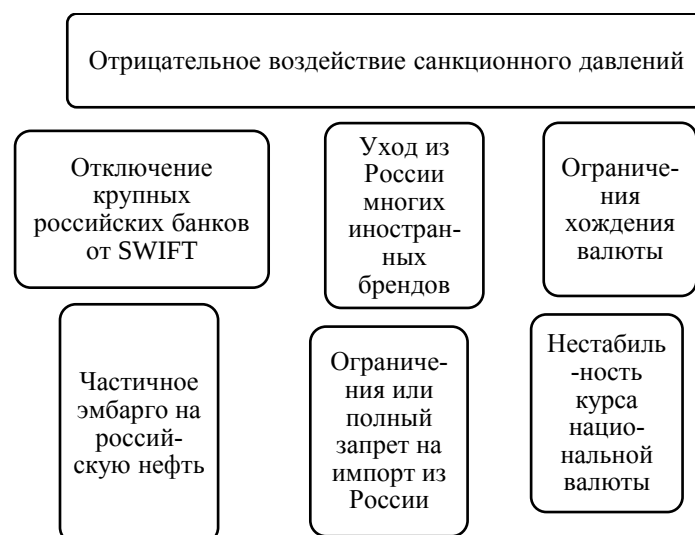

Рис. 1. Проблемы, возникшие в результате санкций против России

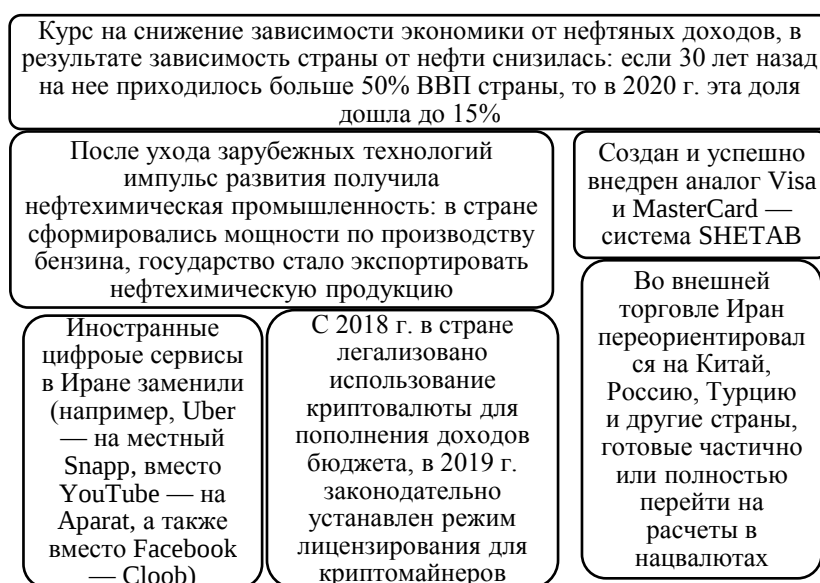

Рис. 2. Изменения в экономике сопротивления Ирана

За два года ВВП Ирана сократился на 6% в 2018 г. и на 6,8% в 2019 г.; с 2020 по 2021 г. Иран демонстрировал умеренный экономический рост. Положительная тенденция, скорее всего, сохранится, особенно если США вернутся к Конвенции [14, 160].

Относительно России отметим следующую специфику: страна имеет более широкий внутренний рынок, меньшую зависимость от экспорта поступления нефтедолларов, больший потенциал «зеркальных» санкций [17, 20]. Российская экономика имеет резистентность падения до уровня ВВП на душу населения, что и иранская [11, 160].

Анализ иранского опыта позволяет выделить ряд мер, принятых на национальном уровне, чтобы избежать или минимизировать влияние санкций на экономику страны (рис. 3).

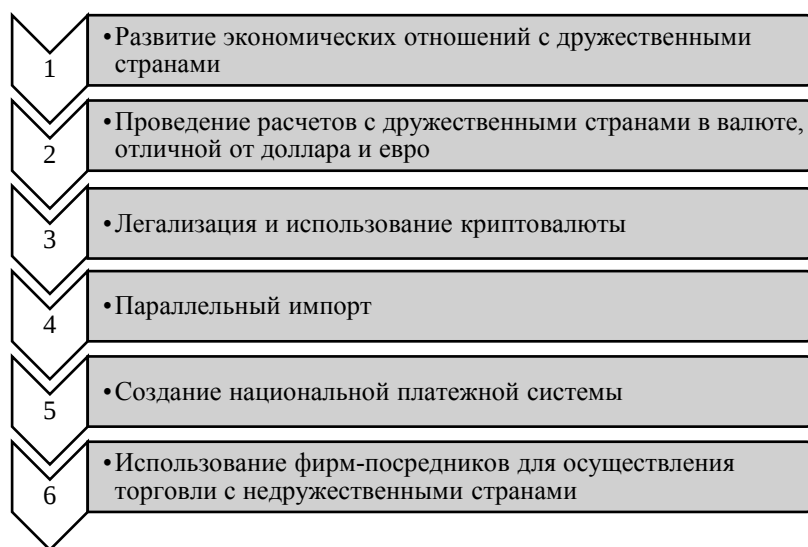

Рис. 3. Меры по минимизации влияния санкций на экономику страны (опыт Ирана)

Анализ опыта Ирана и мер по стабилизации его экономики в условиях санкционного давления позволяет предположить, что аналогичный опыт может быть использован и в России. Так, в России

уже успешно создана, внедрена и функционирует национальная платежная система «Мир»; в 2022 г., после введения ряда санкционных пакетов, Россия активно развивает экономику сотрудничества с Азией и странами БРИКС. Кроме того, интенсивно формируются предпосылки перехода к международной резервной валюте на основе денежных систем государств — участников БРИКС [8, 272]; с июня 2022 г. в России формально санкционирован параллельный импорт широкого спектра номенклатуры товаров. Тематика легализации криптовалют имеет тенденции роста активного обсуждения, но пока в рамках зарубежных договоренностей. В Государственную Думу внесен законопроект, предлагающий легализовать майнинг. Согласно этому документу, криптовалюты могут использоваться в качестве платежного средства за пределами страны [9].

В качестве категории санкционного противостояния коллективному Западу рассмотрим подробно одну из мер, задействованных в Иране — параллельный импорт.

В дополнение к ранее приведенной дефиниции приведем следующее определение параллельного импорта: процесс заключения договоров о закупке товаров или услуг у иностранных поставщиков, который осуществляется через третьи страны без непосредственного обращения к производителю товаров [2, 114]. В Иране ПИ может использоваться для насыщения товарами, которые официально не импортируются в страну или доступны только через авторизованных дистрибьюторов.

Однако следует отметить, что в Иране существуют строгие правила и ограничения на импорт определенных товаров, таких как продукты питания, медицинское оборудование, фармацевтические препараты и прочие товары, оборот которых подразумевает лицензирование и регистрацию. Правительство стремится контролировать импорт для защиты национальной экономики и поддержки внутренних производителей.

В Исламской Республике существует несколько каналов ПИ, которые используются предпринимателями для ввоза товаров. Некоторые из этих каналов включают:

- авторизованные дистрибьюторы: официальные компании, имеющие разрешение от правительства Ирана на импорт и распро-

странение определенной продукции, они работают напрямую с производителями и имеют официальные договоры на поставку товаров;

- некоммерческие организации: некоторые организации, такие как благотворительные фонды и государственные учреждения, могут иметь право на ПИ некоторых товаров, особенно медицинских и фармацевтических продуктов;

- частных посредников: частные компании и предприниматели, осуществляющие ПИ в страну посредством контактов с зарубежными производителями — тем самым заполняющие нишу на рынке при отсутствии официальных дистрибьюторов.

Как отмечалось ранее, ПИ в Иране регулируется на законодательном уровне и подразумевает соответствующие разрешения и лицензии. Оборот неразрешенных товаров или нарушение закона может повлечь за собой определенные юридические последствия.

В стране ПИ осуществляется через следующие маркетплейсы:

- маркетплейс Alibaba.ir: крупнейший маркетплейс в Иране, где местные и зарубежные компании могут осуществлять ПИ товаров;

- маркетплейс IranDokht: маркетплейс предлагает широкий ассортимент товаров от различных поставщиков, включая товары для ПИ;

- маркетплейс IranImport: маркетплейс специализируется на продаже товаров, которые доступны для ПИ в Иран;

- маркетплейс BazarNaft: является одним из популярных маркетплейсов в стране, где можно найти товары для ПИ;

- маркетплейс IranYab: предлагает широкий выбор товаров для ПИ, включая электронику, модули и комплектующие и многое другое.

Однако необходимо учитывать политическую и экономическую ситуацию в Иране, непосредственно влияющую на доступность или функционирование указанных маркетплейсов.

Опыт ПИ в Иране довольно многообразный и может быть связан с некоторыми затруднениями. В государстве действуют определенные законы и правила, регулирующие внешнюю торговлю, явно «идущие в разрез» с ПИ.

Одной из основных трудностей является наличие ограничений и регулирующих механизмов, касающихся импорта определенных товаров. Иран является страной, где регламентация импорта и экспорта представляет важную стратегическую функцию контроля внешней торговли, протекции внутреннего рынка и национальных производителей [1, 120]. Кроме того, существует риск ввоза контрабандного товара или приобретения подделок, поскольку официальные производители и поставщики не контролируют каналы поставок.

В Иране, несмотря на все ограничения и международные санкции доступны продукты, бытовая химия, одежда, косметика и электроника иностранного производства. Ярким примером эффективности ПИ является распространение среди населения смартфонов — как корейских, так и американских. Показательно, что свыше 12 млн иранцев пользуются айфонами, которые официально в Иран не поставляются. Однако они успешно ввозятся из других стран, например, из Турции и ОАЭ — по неофициальным каналам [7, 136]. В стране представлена и используется продукция практически всех топовых мировых брендов. В большинстве случаев она доставляется в страну силами неофициальных представителей.

Схемы ПИ в Иран схожи с теми, которые сейчас используют российские компании, покупая оборудование, которое было привезено в другую страну для локального конечного потребителя, но затем перепродано и направлено в Иран. Ключевым аспектом после установки оборудования уже в стране является техническое и сервисное обслуживание аппаратного и программного обеспечения.

Из-за слабой национальной валюты импортные товары стали менее доступными, а иранские товары стали более конкурентоспособными. В 2022 г. существенно выросло местное производство бытовой техники. По прогнозам, на фоне дешевой энергетики и рабочей силы в стране, а также наличия широкой номенклатуры сырья объемы производства будут расти и дальше [16, 70].

Иранский автопром — третья промышленная отрасль в стране по доле в ВВП после нефти и газа. Автомобили в Иране начали строить еще до исламской революции 1979 г. Особую активность проявляли французские автопроизводители, строившие в стране заводы и открывавшие совместные с иранцами предприятия.

После введения санкций западные автомобильные компании спешно покинули страну, но оставили всю производственную инфраструктуру и технологии, которые иранцы до сих пор используют на благо развития национальной автомобильной отрасли. Иранские автопроизводители активно совершенствуют производство, разрабатывают новые модели, насыщают продукцией внутренний рынок и развивают экспортный потенциал. Иранцы поставляют свои автомобили в Белоруссию, Азербайджан, Грузию, в страны Африки и Азии, в том числе в Казахстан и Туркмению. Весьма интересным для них представляется и российский рынок с учетом ухода из России большинства иностранных автоконцернов. В настоящее время иранцы внимательно изучают возможности экспорта своей продукции в Российскую Федерацию [4].

ПИ может быть эффективным для поставок элементной базы в относительно небольших объемах. Однако глобальный дефицит отдельных высокотехнологичных микроэлектронных компонентов серьезно ограничивает данный вариант: спрос и возможности компаний резервировать непроектные компоненты сейчас превышают производственные мощности поставщиков технологий [6, 110].

Иранцы активно используют интернет. Единственным препятствием для использования сервиса является государственный запрет, однако все решает VPN. Единственным критерием является критерий запрета на момент блокировки, поэтому в стране популярны Facebook (социальная сеть, запрещенная в РФ; принадлежит компании «Meta», признана экстремистской в РФ и запрещена), Twitter и Tinder.

Зарубежные санкции подкрепляются невозможностью оплаты товаров и услуг. Однако, когда оплата иранскими картами невозможна для конкретной услуги, идея или бренд обычно заимствуются. Например, Uber был «импортирован» иранской компанией по прокату автомобилей Snapp! — в Иране это скорее исключение, поскольку бренд имеет позиционирование, фирменный стиль, интонацию и сложившийся имидж на рынке [11, 154].

Бренды из категории «жаль смотреть на то, что нельзя купить» часто даже заменяются слоганами. В Иране есть местный Aliexpress — DigiKala, AppStore — Sibapp и Ebay — Esam. Все эти

бренды, с одной стороны, имеют узнаваемый логотип, а с другой — одинаковое ценностное предложение «доноров».

Относительная доступность онлайн-ресурсов и перечисленные выше факторы приводят к тому, что доля идей и заимствований в вычислительной технике выше, чем в других областях.

В целом импортозамещение можно разделить на две группы: заимствование идей и заимствование брендов. Если говорить об импорте технологий и идей, то важными примерами являются местные You Tube, Tinder и Uber [18, 119].

Еще один важный вывод, касающийся импортозамещения технологий в Иране, — деструктивность аутентичных бизнес-моделей и брендов. Учитывая высокое технологическое развитие и количество открытой для западных ценностей молодежи в стране, местные бренды терпят неудачу.

Россияне с патриотическим восприятием более лояльно относятся к импортозамещению. В первую очередь это связано с не столь сильным экономическим кризисом и не столь продолжительным воздействием санкций [19, 55].

Одной из важнейших социальных обязанностей государства в сфере общественного здравоохранения является обеспечение надежных источников поставок лекарственных средств. Есть некоторые правила для отечественной фармацевтической промышленности. Кроме того, существуют определенные критерии импорта лекарств, обеспечивающие заявленные характеристики лекарственного препарата. В процессе регистрации лекарств Министерство здравоохранения и медицинского образования Ирана (FDO в Иране) оценивает «безопасность», «качество» и «эффективность» лекарственных препаратов. Некоторые страны устанавливают «экономическую эффективность» в качестве четвертого критерия в процессе регистрации лекарственных средств. Это означает, что в первую очередь власти должны быть уверены в безопасности, качестве и эффективности медикаментов [20, 1111].

В Иране существуют две основные формы импорта лекарств. Первый — через агентов, которые зарегистрировали лекарства и несут за них ответственность. Агенты должны отслеживать лекарства от стадии покупки до отгрузки, доставки и распределения оптовиками и продажи аптеками. Кроме того, они несут ответ-

ственность за безопасность, качество и эффективность лекарственных средств, а также за фармаконадзор. Второй — импортеры («аварийные службы»). Основное направление их деятельности — поставка тех лекарств, о дефиците которых объявило FDO. Они могут импортировать лекарства от зарегистрированных оптовых продавцов в подтвержденных странах на основании конкретных правил. В этой форме импорта FDO опирается на утвержденные регламенты стран для обеспечения безопасности, качества и эффективности необходимых лекарств.

Однако низкая платежеспособность населения и финансовые ограничения предполагают акцентирование внимания на способы, способствующие поставкам лекарств по самым низким ценам. Ценообразование является одним из инструментов, используемым FDO для снижения и контроля стоимости лекарственных средств. Механизм ценообразования на отечественные лекарственные средства основан на методе «затраты плюс», а на импортные лекарственные средства — на внешнем эталонном ценообразовании. Турция, Греция и Испания являются основными странами в качестве справочных цен на лекарства в Иране. Как правило, зарегистрированные оригинальные лекарства импортируются исключительно конкретными агентами. Из-за правил патентной защиты брендовых лекарств в течение их патентного периода, они имеют своего рода «рыночную защиту», зависящую от структуры рынка, эластичности спроса, регулирования ценообразования и конкурентной политики. Данные факторы создают своего рода монополию на оригинальные препараты в Иране, и, следовательно, агенты склонны устанавливать цену лекарства настолько выше, насколько это возможно.

В большинстве случаев производители фирменных лекарств придерживаются определенной маркетинговой политики, устанавливая цены в одних странах ниже, чем в других, и учитывая определенные права на эксклюзивность. Это означает, что страны с ограниченными ресурсами могут покупать и импортировать патентованные лекарства из этих «привилегированных» стран по более низким ценам, вместо того, чтобы платить за них более высокие цены на внутреннем рынке. Согласно патентному законодательству многих государств, как только владелец патента поставит свои то-

вары в какую-либо страну, он не имеет права контролировать перепродажу данных товаров (так называемый «режим международного исчерпания прав») [15, 56]. Импортёры могут закупить запатентованное лекарство в одной стране по более низкой цене в целях перепродажи в другой по более высокой цене, но все же ниже той, которую производитель взимает за свое патентованное лекарство в кооперации с агентами.

Параллельный импорт в лекарственном обеспечении использовался в нескольких странах Европейского союза (ЕС). В 1990 г. ПИ занимал около 2% рынка рецептурных лекарств в европейских странах в целом, от 1% в Германии до 5—10% в Нидерландах и восьми процентов в Великобритании.

Большинство стран ЕС имеют определенную специфику ПИ лекарственных средств. Например, импортируемый продукт должен получить разрешение на продажу в государстве-члене происхождения, продукт по существу аналогичен продукту, который уже получил разрешение на продажу в государстве — члене назначения, импортер должен иметь лицензию, разрешение производителя для компании. Отвечает за повторную маркировку, переупаковку и повторный вызов, выданный регулирующим органом, контроль и тестирование партий, а также авторизацию оптовиков. Очевидно, что ПИ имел место в ЕС между европейскими странами с примерно одинаковыми правилами и поддерживающими соглашениями в данной сфере.

Противники ПИ придерживаются мнения об обмане потребителей и торговле контрафактными и пиратскими товарами. Тем не менее к преимуществам ПИ в сфере обращения лекарственных средств относят:

- прямое снижение цен на оригинальные лекарства;
- ПИ может быть дополнением к стратегии контроля цен, что дает поставщикам медицинских услуг дополнительные аргументы при переговорах с оригинальными производителями в целях снижения ценовых диапазонов.

Затраты на ПИ составляют:

- 1) в той мере, в какой оригинальные производители устанавливают цены в соответствии с факторами, влияющими на рыночную власть, интеграция рынков через ПИ может повысить цены в

странах-экспортерах за счет сокращения доступных лекарств в цепочке поставок; в этом случае фирмы могут отказаться от поставок в данные сегменты рынка;

2) затраты на логистику, транспортировку и переупаковку при ПИ могут уменьшить или нивелировать значительную часть любых потенциальных ценовых преимуществ;

3) фирмы, использующие ПИ, не несут затрат на НИОКР и маркетинг — обычно они используют маркетинговые расходы оригинальных производителей и их лицензиатов, что может снизить их готовность поставлять определенные продукты на рынок;

4) ПИ снижает рентабельность оригинальных производителей, что негативно сказывается на их программах исследований и разработок, которые чувствительны к подобного рода сокращению прибыли; данная тенденция может привести к замедлению разработки глобально значимых лекарств.

ПИ использует FDO в качестве механизма по снижению цен на медикаменты. Это означает, что FDO разрешает импортерам при ПИ некоторые фирменные лекарства. Данная политика имеет определенные преимущества и недостатки в Иране. К сожалению, большое количество лекарств, импортируемых компаниями-импортерами (не агентами), поступает из нерегулируемых стран. Это означает, что импортеры покупают лекарства у оптовиков в других странах, которые не регулируются с точки зрения FDO, что вызывает беспокойство о безопасности, качестве и эффективности лекарств. ПИ в таком виде не сможет гарантировать выполнение определенных требований. Возможны поддельные лекарства, которые параллельно ввозятся в страну через страны нерегулируемого рынка бенефициара.

Поддельные лекарства² маркируются преднамеренно с искажением информации в отношении идентификации и/или происхождения. Подделка может быть как у брендовых, так и у непатентованных лекарственных средств (дженериков). В 2003 г. Всемирная организация здравоохранения привела оценки, согласно которым

² Поддельные лекарства могут включать продукты с правильными ингредиентами, но с поддельной упаковкой, без активных ингредиентов, с недостаточным количеством активных ингредиентов или с неправильным соотношением ингредиентов.

годовой доход от некачественных и/или поддельных лекарств превысил 32 млрд долл. США.

Кроме того, из-за недостаточного надзора за маршрутом транспортировки лекарств при ПИ (например, тех, для транспортировки которых требуется «холодовая цепь»), лекарства могут быть повреждены и потерять свои свойства до истечения срока годности. Поскольку владельцы торговых марок не несут ответственности за параллельно импортированные в государство лекарства, ответственность за побочного рода действия остается открытой. В соответствии с механизмом обеспечения лекарствами при ПИ, устойчивость поставок параллельно распространяемых лекарств неоднозначна. Наконец, существующих мощностей контрольно-аналитических лабораторий в Иране недостаточно для выявления всех видов некачественных и поддельных лекарств.

Нелогично сопоставлять цену и доступность выше безопасности, качества и эффективности. Предполагается, что FDO верифицирует самые доступные лекарства среди существующих, которые обладают приемлемой безопасностью, качеством и эффективностью. Предполагается, что ПИ в Иране должен выполнять функция вспомогательного инструмента для поставок импортных лекарств, а не основного инструмента.

Есть два предложения по достижению приемлемой цены по сравнению со странами с эталонной ценой.

1. Переговоры с агентами и владельцами торговых марок в целях снижения цены на лекарства на логическом уровне по сравнению со странами с эталонной ценой. Очевидно, что незначительный ПИ по выверенному маршруту будет способствовать реальному уровню цен в других странах.

2. Существует множество дженериков³, которые имеют схожий эффект и показания к применению с приемлемыми требованиями. Официальный импорт этих лекарств может подтолкнуть владельцев торговых марок к снижению цен для сохранения и поддержки своей доли на фармацевтическом рынке.

³Дженерик — это аналог оригинального фармацевтического препарата, он отличается от оригинала, но его нельзя назвать «подделкой оригинального препарата», ведь по эффективности он может даже не уступать оригиналу [13, 188].

Торговые отношения Ирана и России в 2022 г. Для России начало 2022 г. в области внешнеэкономической деятельности продолжило тенденцию предыдущего года. Однако в марте санкции изменили ситуацию. До этого около 55% российского импорта и экспорта приходилось на страны, вступившие в санкционное противостояние. Россия была вынуждена переориентировать свою внешнюю торговлю, сократив долю недружественных стран до 45% к концу 2022 г. Это произошло за счет активизации сотрудничества с азиатскими странами, которое росло опережающими темпами [3, 74].

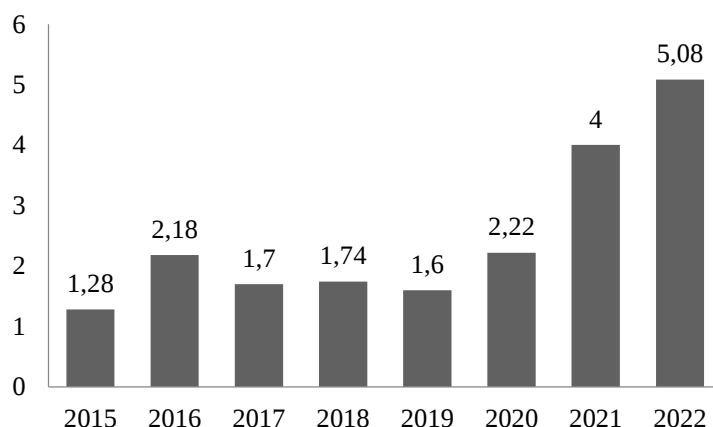

Рис. 4. Динамика товарооборота между Россией и Ираном за 2015-2022 гг., млрд долл. [3, 74]

Торговые отношения между Россией и Ираном в 2022 г. строились сразу по нескольким направлениям. Это и продолжение прерванного санкциями сотрудничества в энергетической сфере, и сотрудничество в области торговли сельскохозяйственной продукцией. Поставки продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья, древесины и изделий из нее составили 90% экспорта из России в Иран, увеличившись за 10 месяцев 2022 г. на 27%.

За тот же период импорт из Ирана в Россию увеличился на 10%, причем 60% этого прироста приходится на сельскохозяйственную продукцию. Россия поставляет в Иран зерно, продукцию

животноводства, масла и жиры (в основном растительные), а также различные виды древесины. На сельскохозяйственную продукцию, такую как фрукты и овощи, приходится значительная часть экспорта Ирана в Россию.

На самом деле сотрудничество между Россией и Ираном может быть гораздо шире. Например, по сообщениям СМИ, в Россию могут быть поставлены турбины иранского производства, являющиеся продуктом оборудования, построенного для Ирана немецкой компанией Siemens. Говорят также о встречных поставках в Иран электротехнического оборудования российского производства и о продолжении строительства второго энергоблока и закладке третьего энергоблока АЭС «Бушер», которая была запланирована на 2019 г.

К концу 2022 г. объем торговли между Россией и Ираном превысит 5 млрд долл., из которых около 4 млрд долл. составит российский экспорт и чуть более 1 млрд долл. — импорт из Ирана. Однако реальное количество взаимных поставок может быть гораздо выше.

Кроме того, продолжается работа по созданию транспортного коридора «Север — Юг». Российская сторона предложила создать единый совет, представляющий все страны — участницы проекта [3, 74].

Сходства и различия борьбы над санкциями в Иране и России. Антисанкционное противостояние обозначило фундаментальные проблемы национальных экономик для всех государств, в том числе вводящих рестрикции. Формируется так называемая экономическая политика сопротивления [5, 110].

Во-вторых, результатом антисанкционного противостояния является появление национальной сплоченности и единства в осуществлении политики сопротивления при осознании большей части общества — производителей и пользователей экономических благ необходимости повышения устойчивости национальной экономики.

В-третьих, экономика привела к возникновению предпосылок внешнеторговой переориентации государств.

Стоит отметить, что в Иране ПИ не верифицируется периодической хронологии принятия решений, а по сути является кон-

цепцией экономического строительства. В России эта концепция стала реакцией на экономические санкции.

Отличие идей Ирана и России, безусловно, заключается в исламских основах государственной политики и отсутствии таковых в России, где интересы светского общества превыше всего.

Таким образом, опыт иранского ПИ может быть использован в России. Россия и Иран имеют давнюю историю торгового сотрудничества. Опыт использования параллельных каналов импорта из Ирана может быть полезен для развития торговли между двумя государствами.

Выводы. ПИ в международной торговле обладает дуальными свойствами. Для России он не новое явление, но предсказать его влияние на экономику невозможно из-за скоротечности событий. Проанализированный опыт Ирана демонстрирует не только управление насыщением внутреннего рынка, но и то, как параллельный импорт влияет на торговлю в целом и какие трудности могут возникнуть.

Опыт ПИ Ирана может быть полезным для России, но необходимо учитывать ряд факторов перед его применением.

Во-первых, Иран имеет свои особенности, включая политическую и экономическую составляющие, которые отличаются от российских реалий. Необходимо анализировать и адаптировать опыт Ирана к собственным условиям.

Во-вторых, ПИ может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, он может способствовать разнообразию товаров, конкуренции и снижению цен. С другой стороны, он может негативно сказаться на отечественных производителях и экономике в целом.

Таким образом, перед принятием решения о внедрении ПИ следует провести тщательный анализ и оценку его потенциальных возможностей и негативных аспектов для национальной экономики. Также необходимо учесть мнение заинтересованных сторон, включая отечественных производителей и потребителей.

В целом, использование опыта ПИ Ирана подразумевает тщательное изучение и понимание специфики местного законодательства, правил и регулирующих механизмов.

Литература

1. Алуян С.В., Хориун К.В. Преимущества и риски программы параллельного импорта // Экономика и предпринимательство. 2023. № 2 (151). С. 119—122. DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.021.
2. Карданов В.А. Рассмотрение перспектив параллельного импорта // Вестник университета. 2019. № 7. С. 113—117.
3. Клунко Н.С., Егорова Л.В. Промышленная трансформация России на фоне специальной военной операции: санкции и параллельный импорт // Интерактивная наука. 2023. № 3 (79). С. 72—77.
4. Косарев Д. Какой он, современный Иран. 2023, 23 января: URL: <https://www.pnp.ru/politics/kakoy-on-sovremennyy-iran.html> (дата обращения: 08.08.2023).
5. Макарова О.Н., Кузнецова Е.С., Мартыненко О.В. Управление параллельным импортом и его влияние на цены. Международный опыт // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 4. С. 107—117. DOI: 10.17586/2310-1172-2022-15-4-107-117.
6. Смирнов Е.Н., Сероштан Е.С. Параллельный импорт как новый инструмент сглаживания последствий экономических санкций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11—1. С. 107—112. DOI: 10.17513/vaael.3040.
7. Сурина Е.Е., Стрельцов Р.С. Параллельный импорт в Исламской Республике Иран // Наука Красноярья. 2023. Т. 12. № 1—2. С. 135—139.
8. Сухроб Р., Махмудова К.И. Сравнительный анализ политики Ирана и России в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. Сер. Социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 271—282.
9. Теткин М. Аксаков сообщил о внесении легализующего майнинг законопроекта в Госдуму. 2022, 28 октября: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/635b79839a794760063bc0e8> (дата обращения: 08.08.2023).
10. Тюнин М.В., Набиев С.Р., Еремеева Н.В. Параллельный импорт как инструмент управления международными санкциями // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2023. № 3. С. 58—65.

11. Уличкина Л.Ш. Эффективность действия режима параллельного импорта в условиях экономических санкций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 3. С. 152—158. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-152-158.

12. Хоминич И.П., Алихани С. Россия и Иран в условиях экономических санкций: антисанкционная политика и экономика сопротивления // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116). С. 5—12. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-5-12.

13. Чирков М.А., Шаповалова А.В., Чистяков М.С. К вопросу импортозамещения в контексте качества лекарственных препаратов и сохранения здоровья // Стратегический менеджмент как инструментальная основа опережающего развития инфраструктуры в экономической политике России. Материалы XX Научно-практической конференции по проблемам стратегического управления / Под общ. ред. А.Е. Илларионова, А.И. Новикова. Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. С. 185—192.

14. Чирков М.А., Шаповалова А.В., Чистяков М.С. О влиянии западных санкций на экономику России в условиях специальной военной операции // Свободная мысль. 2022. № 4 (1694). С. 147—162.

15. Чирков М.А., Шмелева Л.А., Чистяков М.С. Параллельный импорт как инструмент восстановления хозяйственных взаимосвязей в мире // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 1. С. 56—69. DOI: 10.24412/2071-6435-2023-1-56-69.

16. Шаповалова А.В., Чистяков М.С. Импортозамещение информационных технологий: Цифровая трансформация российского сегмента программного обеспечения в условиях санкций // Промышленность и сельское хозяйство. 2022. № 11 (52). С. 69—80.

17. Шаповалова А.В., Чистяков М.С. Перспективы развития мировой экономики в условиях специальной военной операции и санкционного давления // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2022. Т. 21. № 3. С. 19—30. DOI: 10.24182/2073-6258-2022-21-3-19-30.

18. *Bryantseva A.R., Grishko D.* Ye Issues of theory and practice of parallel imports and intellectual property // *Epomen. Global.* 2023. No. 33. P. 117—121.

19. *Ivegesh O.A.* Legalization of Parallel Import in the Russian Federation // *Works on Intellectual Property.* 2023. Vol. 45, No. 2. P. 53—62. DOI: 10.17323/tis.2023.17372.

20. *Peyravian F.* Parallel import: is it worth it? // *Iranian Journal of Pharmaceutical Research.* 2014. Vol. 13. No. 4. P. 1111—1114. DOI: 10.22037/ijpr.2014.1602 .

References

1. *Aluyan S.V., Horshun K.V.* Preimushchestva i riski programmy parallel'nogo importa // *Ekonomika i predprinimatel'stvo.* 2023. № 2 (151). S. 119—122. DOI: 10.34925/EIP.2023.151.2.021.

2. *Kardanov V.A.* Rassmotrenie perspektiv parallel'nogo importa // *Vestnik universiteta.* 2019. № 7. S. 113—117.

3. *Klunko N.S., Egorova L.V.* Promyshlennaya transformaciya Rossii na fone special'noj voennoj operacii: sankcii i parallel'nyj import // *Interaktivnaya nauka.* 2023. № 3 (79). S. 72—77.

4. *Kosarev D.* Kakoj on, sovremennyj Iran. 2023, 23 yanva-rya: URL: <https://www.pnp.ru/politics/kakoy-on-sovremennyy-iran.html> (data obrashcheniya: 08.08.2023).

5. *Makarova O.N., Kuznecova E.S., Martynenko O.V.* Upravlenie parallel'nym importom i ego vliyanie na ceny. Mezhdunarodnyj opyt // *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskij menedzhment.* 2022. № 4. S. 107—117. DOI: 10.17586/2310-1172-2022-15-4-107-117.

6. *Smirnov E.N., Seroshtan E.S.* Parallel'nyj import kak novyj instrument sglazhivaniya posledstvij ekonomicheskikh sankcij // *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava.* 2023. № 11—1. S. 107—112. DOI: 10.17513/vaael.3040.

7. *Surina E.E., Strel'cov R.S.* Parallel'nyj import v Is-lamskoj Respublike Iran // *Nauka Krasnoyar'ya.* 2023. T. 12. № 1—2. S. 135—139.

8. *Suhrob R., Mahmudova K.I.* Sravnitel'nyj analiz poli-tiki Irana i Rossii v Central'noj Azii // *Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo uni-*

versiteta. Ser. Social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. № 3. S. 271—282.

9. *Tetkin M.* Aksakov soobshchil o vnesenii legalizuyushchego majning zakonoproekta v Gosdumu. 2022, 28 oktyabrya: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/635b79839a794760063bc0e8> (data ob-rashcheniya: 08.08.2023).

10. *Tyunin M.V., Nabiev S.R., Ereemeeva N.V.* Parallel'nyj import kak instrument upravleniya mezhdunarodnymi sankciyami // Intel-lektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2023. № 3. S. 58—65.

11. *Ulichkina L.SH.* Effektivnost' dejstviya rezhima paral-lel'nogo importa v usloviyah ekonomicheskikh sankcij // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2023. T. 13. № 3. S. 152—158. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-152-158.

12. *Hominich I.P., Alihani S.* Rossiya i Iran v usloviyah eko-nomicheskikh sankcij: antisankcionnaya politika i ekonomika so-protivleniya // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2021. T. 18. № 2 (116). S. 5—12. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-5-12.

13. *CHirkov M.A., SHapovalova A.V., CHistyakov M.S.* K voprosu importozameshcheniya v kontekste kachestva lekarstvennykh preparatov i sohraneniya zdorov'ya // Strategicheskij menedzhment kak instrumen-tal'naya osnova operezhayushchego razvitiya infrastruktury v ekonomicheskoy politike Rossii. Materialy XX Nauchno-prakticheskoy konferencii po problemam strategicheskogo upravleniya / Pod obshch. red. A.E. Illarionova, A.I. Novikova. Vladimir: Vladimirsij filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeni-ya vysshego obrazovaniya «Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajst-va i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii», 2023. S. 185—192.

14. *CHirkov M.A., SHapovalova A.V., CHistyakov M.S.* O vliyanii zapadnykh sankcij na ekonomiku Rossii v usloviyah special'noj voennoj operacii // Svobodnaya mysl'. 2022. № 4 (1694). S. 147—162.

15. *CHirkov M.A., SHmeleva L.A., CHistyakov M.S.* Parallel'-nyj import kak instrument vosstanovleniya hozyajstvennykh vzaimosvyazej v mire // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2023. № 1. S. 56—69. DOI: 10.24412/2071-6435-2023-1-56-69.

16. *SHapovalova A.V., CHistyakov M.S.* Importozameshchenie informacionnyh tekhnologij: Cifrovaya transformaciya rossijskogo segmenta programmnoho obespecheniya v usloviyah sankcij // *Promyshlennost' i sel'skoe hozyaistvo*. 2022. № 11 (52). S. 69—80.

17. *SHapovalova A.V., CHistyakov M.S.* Perspektivy razvitiya mirovoj ekonomiki v usloviyah special'noj voennoj operacii i sankcionnogo davleniya // *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva*. 2022. T. 21. № 3. S. 19—30. DOI: 10.24182/2073-6258-2022-21-3-19-30.

Л.И. ФАРХУТДИНОВ

Аристотелизм Карла Маркса.

К вопросу об онтологической преемственности*

Аннотация. Статья исходит из тройкой преемственности идей между Аристотелем и Марксом: онтологической, экономической и политической. Далее поставлен вопрос реконструкции онтологической базы, на которой покоится экономическая теория Карла Маркса. В связи с этим представлен обзор монографии шотландского философа Скотта Мейкла «Эссенциализм в мышлении Карла Маркса». Затем на собственных примерах автора из «Grundrisse» и «Капитала» показана онтологическая преемственность между Аристотелем и Марксом.

Автор приходит к выводу, что эссенциализм, динамизм и органицизм Маркса следует понимать не в качестве не до конца устраненных пережитков гегелевского идеализма, а как неотъемлемое свойство материализма биологического типа, унаследованного от Аристотеля, как через Гегеля, так и напрямую. Предлагается переводить и вводить в научный оборот монографии и статьи, посвященные преемственности идей между Марксом и Аристотелем и античной философией в целом, что поможет выправить традицион-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Фархутдинов Л.И. Аристотелизм Карла Маркса. К вопросу об онтологической преемственности // *Философия хозяйства*. 2024. № 1. С. 121—137. DOI: 10.5281/zenodo.10675404.

ное (вызванное политическим авторитетом Ленина) увлечение Гегелем со стороны российских марксистов.

Ключевые слова: эссенциализм, атомизм, органицизм, телеология, «эргон», «усия», необходимое и случайное, «Капитал», Скотт Мейкл.

Abstract. The article is based on a threefold continuity of ideas between Aristotle and Marx: ontological, economic and political. Next, the question of reconstructing the ontological basis on which the economic theory of Karl Marx rests is raised. In this regard, a review of the monograph by the Scottish philosopher Scott Meikle «Essentialism in the Thought of Karl Marx» is presented. Then, using the author's own examples from the «Grundrisse» and «Capital», the ontological continuity between Aristotle and Marx is shown. The author comes to the conclusion that essentialism, dynamism and organicism of Marx should be understood not as incompletely eliminated remnants of Hegelian idealism, but as an integral property of materialism of the biological type, inherited both through Hegel and directly from Aristotle. It is proposed to translate and introduce into scientific circulation monographs and articles devoted to the continuity of ideas between Marx and Aristotle and ancient philosophy in general, which will help correct the traditional (caused by the political authority of Lenin) devotion to for Hegel on the part of Russian Marxists.

Keywords: essentialism, atomism, organicism, teleology, «ergon», «ousia», necessary and accidental, «Capital», Scott Meikle.

УДК 1:3 + 124.3
ББК 87.1

Истории философии известны несколько попыток реконструкции онтологической базы, на которую опирался Карл Маркс при создании своей экономической теории. Сам Маркс, как известно, открыто называл себя учеником Гегеля, но с принципиальными оговорками: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действи-

тельного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде <...> Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [4, 19].

Несмотря на эти оговорки, позже часть марксистов увидела в гегельянстве Маркса недостаток, объявила его метафизикой и призвала вернуться «назад к Канту». Было провозглашено, что теория Маркса от этого не потеряет, а только выиграет, станет более научной: «Новые материалисты становятся принципиально так же решительно на точку зрения Канта, как это сделало большинство величайших современных естествоиспытателей» [6, т. 2, 346].

Другие марксисты, например, Георгий Плеханов, не отрицая Гегеля, отмечали преемственность между Марксом и Спинозой: «Я с полнейшим убеждением утверждаю, что Маркс и Энгельс в *материалистический* период своего развития никогда не покидали точки зрения Спинозы. И это мое убеждение основывается, между прочим, на личном свидетельстве Энгельса» [6, т. 2, 360]; «Итак, “гуманизм” Фейербаха сам оказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. И именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом. Но освободить спинозизм от его теологической привески значило обнаружить его истинное, *материалистическое* содержание. Стало быть, *спинозизм Маркса — Энгельса и был новейшим материализмом*» [6, т. 3, 135].

В СССР гегелевская подложка Маркса была канонизирована известной характеристикой В.И. Ленина: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 в. спустя!!» [2, 162]. Учитывая абсолютный авто-

ритет Ленина в советской философии, после смерти Плеханова тема Спинозизма Маркса в СССР не получила развития. Позже во Франции вопрос онтологической преемственности между Марксом и Спинозой был снова поставлен Луи Альтюссером в работах «За Маркса» и «Читая “Капитал”». Как отмечает Перри Андерсон, «систематическое введение идей Спинозы в исторический материализм Альтюссером и его учениками с интеллектуальной точки зрения было наиболее амбициозной попыткой установить философское происхождение Маркса и, исходя из этого, дать толчки развитию новых теоретических направлений в современном марксизме» [1, 77].

Цель данной статьи — начать обзор зарубежных работ, которые указывают на связь онтологии Маркса и онтологий Аристотеля. С этой точки зрения поставить Гегеля с ног на голову в значительной степени означает превратить его в Аристотеля, а не в Спинозу.

Примечательно, что в упомянутой работе Андерсона, упомянувшего многочисленные попытки исторической реконструкции философских источников теории Маркса, Аристотель не упомянут ни разу, т. е., таких эксплицитных попыток на момент написания книги Андерсона не предпринималось.

Вместе с тем, Андерсон перечисляет философов, которых Маркс знал плохо: «Философская культура самого Маркса ни в коем случае не была исчерпывающей. Будучи в основном построенной на Гегеле и Фейербахе, она не отличалась сколько-нибудь близким знакомством с философией Канта, Юма, Декарта или Лейбница, Платона и Фомы Аквинского, не говоря уже о философии менее значительных фигур» [1, 73]. Обратим внимание, что Аристотель в этом списке не упомянут, и, надо полагать, не потому, что автор перечня отнес его к «менее значительным фигурам». Очевидно, что Аристотеля Маркс знал хорошо еще со времен «Тетрадей по эпикурейской философии», т. е. подготовки к своей докторской диссертации [3, т. 40].

Преемственность идей между Аристотелем и Марксом представляется троякой.

1. *Онтологическая*: для обоих философов мир состоит из конкретных сущностей, развивающихся во времени; универсалии

существуют объективно *in rebus*; развитие означает реализацию потенциала; изменения поэтому бывают необходимые и случайные; существующие в мире конкретные сущности при этом не являются органами или атрибутами некой сверхсущности высшего порядка (*contra Hegel*); сущность вещи раскрывается эмпирически, через наблюдение за ее движением, а не умозрительно (*contra Hegel*); движение сущности имеет точку расцвета, полной реализации, за которой следует стадия упадка, распада [14].

2. *Экономическая*: Аристотель ясно поставил (но не решил) проблему разграничения потребительной и меновой стоимости (ценности) (на что указывает Маркс в главе «Товар»); детально рассмотрел проблему качества и количества в связи с проблемой эквивалентного обмена; привел различие между бартером, «хрематистикой» — обменом продуктами при посредстве денег, «капелькой» — обменом товарами для накопления денег и «оболостатикой» — ростовщичеством; отрицательно характеризовал стремление к прибыли как нарушающее природу вещей: так как сущность каждой вещи состоит в ее цели, то использование вещей ради получения денег есть внешняя для них цель, которая может нарушать изначальную, «естественную» цель [13].

3. *Политическая*: идеалом для Аристотеля является экономика «ойкоса», экономика потребительных стоимостей, которая приводит к автаркии; люди, освобожденные от труда, занимаются политикой и философией, а не накоплением денег; освобождение от труда достигается за счет рабов: не имея свободного времени, они предоставляют таковое своим хозяевам; Маркс также видит коммунизм как экономику «ойкоса», стабильное плановое царство потребительных стоимостей, в котором стремление к прибыли не нарушает природу вещей и природу человека; место аристотелевских рабов заняли машины, они создают потенциальность досуга, узурпированного капиталистом; освобожденное от капиталистов человечество в качестве «ассоциации свободных производителей» реализует свою родовую сущность — занимается «всеобщим трудом», т. е. науками и искусствами, подобно гражданам древнегреческого полиса [8].

В данной статье мы сосредоточимся на онтологической преемственности между Аристотелем и Марксом, как она изложена в

монографии профессора Университета Глазго Скотта Мейкла «Эссенциализм в мышлении Карла Маркса» [14]. Во введении автор определяет двоякую цель книги: 1) показать, что концепция науки у Маркса, его базовые категории и формы объяснения являются эссенциалистскими; 2) прояснить, какого именно типа эссенциализма придерживается Маркс. Эссенциализм, утверждает Мейкл, является не слабостью, а главной силой, «силовой станцией» (powerhouse) теорий Маркса.

«Характерные для Маркса концепции закона, формы и необходимости возникают из категорий эссенциалистской метафизики, и они как мел от сыра отличаются от используемых ныне многими марксистами знакомых концепций, происходящих из эмпирицистской и атомистической метафизики. Следовательно, без их восстановления, и без восстановления эссенциализма в целом, нет никакой возможности заново написать Марксову политическую экономию», — пишет автор [14, viii].

По словам Мейкла, презрение к эссенциализму было таким долгим и всеобъемлющим, что страх быть обвиненным в нем пустил глубокие корни, поэтому «атомистские предрассудки» присущи как немарксистам, так и лучшим марксистским работам.

С эссенциализмом неразрывно связана диалектика. Часть марксистов согласилась считать ее недоразумением и попыталась показать, что без диалектики мысль Маркса ничего не теряет. Другая часть марксистов признает диалектику существенной для понимания Маркса, но не умеет объяснить ее. К числу последних Мейкл относит «Диалектический материализм» Анри Лефевра, чью попытку называет высокопарной и непоследовательной. «Нонсенс такого типа лишь питает подозрения, что диалектика это последнее прибежище негодяя», — отмечает Мейкл [14, 2].

Наиболее выдающимся из марксистов-диалектиков Мейкл называет Романа Роздольского, автора «The Making of Marx's "Capital"». Но и ему не удалось дойти до сути, поскольку в поисках обоснования диалектики Роздольский обращается к Гегелю и Лукачу. Роздольский, по мнению Мейкла, пользуется диалектикой, но не может удовлетворительно объяснить то, чем пользуется, потому что не доходит до корней, лежащих в философии Аристотеля. «Диалектика, эссенциализм и органицизм не начались с Гегелем или Марк-

сом. Они имеют безупречную родословную, восходящую к Аристотелю, первому их систематическому толкователю, выдающимися учениками которого были Гегель и Маркс» [14, 4]. Необходимо восстановить линию преемственности от Аристотеля к Марксу, очистить интерпретацию Маркса от атомистических наслоений, и так будет восстановлено адекватное понимание Маркса, считает Мейкл.

Альтюссер — такой же акциденталист, как и Карл Поппер, в подтверждение этого Мейкл приводит цитаты из работы Альтюссера «За Маркса» 1969 г., в которых Альтюссер отрицает эссенциалистские категории.

Автор утверждает, что противоположность между эссенциализмом и атомизмом (или акцидентализмом) абсолютна, и в этом утверждении ссылается на «превосходную» работу Милтона Фиска «Диалектика и онтология». С точки зрения эссенциализма есть два типа изменений: случайные и необходимые. Органическая вещь (entity), будь то кошка или общество, претерпевает изменения обоих типов. Если котенка переехала машина, это случайное изменение; если котенок повзрослел и стал кошкой, это необходимое изменение. Потенциал необходимого изменения заложен в природе вещи данного вида.

Маркс, напоминает Мейкл, рассматривает общества как цельные объекты или организмы, и категории, которые он использует для их описания, это аристотелевские категории сущности и формы, формы и материи, необходимых и случайных изменений, потенциала и реализации потенциала, адекватной формы, законченной формы и т. д. Наиболее явно это представлено в объяснении формы стоимости в «Капитале», в движении от элементарной формы стоимости к конечной форме — форме капитала. Эти метаморфозы необходимы, не потому, что неизбежны (так как случай может нарушить развитие), но потому, что являются реализацией потенциалов, присущих самой форме стоимости.

Атомист, напротив, видит только один вид изменений: «события». Категория «события», пишет Мейкл, является характерной категорией атомистической метафизики, и ее особое достоинство в том, что она позволяет смешивать (или спутывать) (fuse or confuse) акцидентальное и неакцидентальное изменения. Атомизму это необходимо, иначе придется признать реальные сущности, тогда

как атоанизм требует признания всех изменений акцидентальными. Соответственно, и категория закона у атомистов становится простой регулярностью событий, а не утверждением реальных онтологических линий развития сущностей.

Именно такие линии развития, заложенные в природе вещей, ищет Маркс: законы, регулирующие «возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим» [4, 19]. Понятие закона у Маркса телеологично, и тем лучше, пишет Мейкл, так как форма телеологии, которую вместе с Аристотелем использует Маркс, «не является ни оккультизмом, в котором будущее каузально действует на настоящее, ни реализаций дизайна скрытого полагателя цели (*purposer*). Вместо этого телеология есть теоретический коррелят признания того факта, что цельные сущности определенной природы имеют потенциалы и линии развития, и что в своем развитии эти сущности просто реализуют потенциалы, заложенные в их природе» [14, 11].

По Мейклу, Аристотеля, Гегеля и Маркса десятилетиями «бичевали» за то, что они извлекали выгоду (*trade on*) из биологических аналогий: категории, применимые в биологии, якобы незаконно переносили в область общества и истории. Современная социальная наука есть институализованная атака на эссенциализм, и об эффективности этой атаки можно судить по степени, полагает Мейкл, в которой атомистический метод заменил эссенциализм внутри самого марксизма. При этом, исходя из политических реалий XX в., мыслители-немарксисты «били» Аристотеля за Маркса в качестве суррогатной цели.

Гегель, напоминает Мейкл, пришел к своей теории истории через эксплицитное развитие аристотелевской теории сущности и изменения; Маркс инкорпировал идеи Гегеля, но вернулся к материальным сущностям Аристотеля вместо гегелевских идеальных сущностей. Гегель ставит отношение универсалии к единичной вещи на голову, потому что не делает реальные, существующие вещи (*natures*) исходной точкой, как это делал Аристотель. У Маркса, как и у Аристотеля, существующие вещи становятся отправной точкой исследования. У обоих общее не может быть определено до исследования частного; наоборот, частное должно быть исследовано, чтобы определить, что в нем от общего.

Маркс отрицает Гегеля как «инверсию истины, а не как ложь» [14, 42]. Маркс принимает органицизм Гегеля против механистического материализма XVIII в., он сохраняет сильную категориальную структуру, развитую Гегелем, но отрицает идеалистическую оболочку как ничего не объясняющую и банальную: «Маркс стремится транспонировать Гегеля в форму аристотелевского материализма без потери того, чего Гегель достиг. В центре этой попытки транспонирования находится переворот отношения между мышлением и бытием» [14, 43].

Мейкл подчеркивает, что Маркс писал для аудитории, которая воспринимала эссенциализм как норму (*taken for granted*), поэтому не углублялся в его объяснение. Но с Марксовых времен интеллектуальная атмосфера радикально сместилась в сторону атомизма, поэтому современники оказываются отрезанными от наиболее «фундаментальных правил интеллектуальных операций», применяемых Марксом. Разница между эссенциализмом и атомизмом заключается в онтологии, в том, что именно эти течения мысли готовы признать за существующие в мире объекты. Для Маркса, как и для Аристотеля, в мире существуют сущности, «усии», которые не являются простыми агрегатами. Сущности имеют потенциал становления, имеют жизненный процесс, типичный способ поведения, «эргон». С точки зрения эссенциализма, необходимые изменения — это внутреннее движение, исходящее из сущности вещи и реализующее ее потенциалы или выражающее ее природу (формы объяснения, отмечает Мейкл, очень типичные для Маркса). Такие изменения контрастируют с акцидентальными изменениями, которые порождаются извне.

Здесь уместно привести некоторые цитаты из Маркса, которыми, на наш взгляд, бедна книга Мейкла: «...законы капитала реализуются полностью лишь в рамках неограниченной конкуренции и промышленного производства (его *имманентные законы обретают полную реальность*)» [5, 53]; «деньги как мера стоимости суть *необходимая форма проявления* имманентной товарам меры стоимости — рабочего времени» [4, 101], «дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как *необходимому способу выражения* стоимости, или *необходимой форме ее проявления*» [4, 45] (курсив мой. — Л.Ф.).

Для атомистов сущностей нет, а потому нет различения необходимых и случайных событий, продолжает Мейкл. В рамках атомистической онтологии это различие нельзя обосновать. Отсюда особая роль статистики в атомистической методологии науки, и в результате становится трудно отличить закон природы от обобщения, чья истинность случайна, например, такого типа: «Все болты в машине Смита ржавые» [14, 176].

Мейкл отмечает, что за таким недоверием к сущностям лежит восходящая к Юму враждебность к теории вообще (отметим, схожие мысли постоянно встречаются в работах Герберта Маркузе, который защищал рациональный эссенциализм (с опорой на Гегеля, а не Аристотеля) против иррационального позитивизма).

При этом необходимые изменения у Маркса, как и у Аристотеля, несовместимы с детерминизмом. Аристотелева и Марксова концепции закона не универсальны, а специфичны для данной реальной сущности и присущих ей необходимых тенденций. И самое важное, отмечает Мейкл, необходимость сосуществует со случайностью, поскольку в «усии» материя сосуществует с формой: необходимость есть функция формы, случайное — функция материи. Также у Маркса: законы раскрывают «эргон» вещи, тенденции ее развития, потенциал, они позволяют понять, как вещь будет развиваться, если ее развитие не прерывать.

Аристотель взял в качестве парадигмы бытия не агрегаты вещества или абстрактные вещи, или первоматерию, но реальные сущности (entities), «усии», будь то человек, звезда или дерево. Для атомистской онтологии, напротив, все это не сущности со своей природой, а абстракции, обозначенные термином «вещь», некие «х», которые имеют определенные качества. Однако с точки зрения эссенциализма и вопреки Локку, пишет Мейкл, не люди определяют границы сущностей, а сама природа; классификация — это не вопрос конвенции, не вопрос выбора. Чтобы понять, что такое вещь, следует следить за ее природой — в этом едины Аристотель и Маркс.

Касаясь вопроса телеологии, Мейкл призывает отличать телеологию Аристотеля от ее средневековой христианской интерпретации — предрассудка, сохраняющегося по сей день. Мейкл называет мифом представление о телеологии Аристотеля как целевой

космологии с неким управляющим интеллектом во главе. Телеология такого типа не вытекает из самой онтологии эссенциализма, онтологии «усий».

Финальная причина, в отличие от действующей причины, сама не является агентом. Мейкл пишет, что финальная причина вообще не является причиной ни в каком общепринятом смысле этого слова. Финальная причина вещи — это цель или состояние, в которое она стремится развиться по своей природе, если это развитие не прерывается. Финальная причина куколки — стать бабочкой. Финальная причина простой формы стоимости — стать капиталом. Если есть «простая, или случайная форма стоимости», то, если она разовьется, станет капиталом. При этом вещь может иметь дальнейшие формы, следующие за реализацией ее финальной причины, но это уже будут формы ее распада.

Эмбрион разовьется в организм благодаря действующей причине, а не вопреки ей, но разовьется он во вполне определенном «финальном» направлении, к определенному состоянию, которое потенциально существует до того, как проявится. «Телеологическое объяснение не заменяет объяснение действующими причинами, но может предположить, где последние следует искать» [14, 171]. Далее Мейкл рассматривает понятие тенденции, которое также является телеологическим понятием. Все, что существует в мире, есть результат конфликтующих тенденций реальных сущностей (natures).

Комментарий. «Капитал» Маркса имеет несомненное рациональное зерно, эмпирическое, «позитивное» содержание, сверхактуальное сегодня. Как отмечал японский экономист Шиндзабуро Хошимура, «теоретический анализ воспроизводства совокупного общественного капитала, осуществленный Марксом, является... более всеобъемлющим и глубоким, чем какая-либо другая научная попытка, сделанная до или после его “Капитала”» [7, 22]. Эти слова были написаны в 1970-е гг., но вряд ли кто-то станет утверждать, что с тех пор ситуация в экономической науке изменилась. Современные экономические кризисы, рецессии, войны, иррациональные беспрецедентные локдауны и все более углубляющийся разрыв между капитализмом и демократией находят свое объяснение в падении нормы прибыли, механизм которого описан в «Капитале»

[9—12; 15; 16]. Наша современность меньше всего похожа на обещанный «конец истории», что требует пересмотра принятых общественной наукой исходных посылок. Однако этому пересмотру мешают как идеологические, так и философские предрассудки. Эти предрассудки настолько сильны, что экономическая наука обращению к теории Маркса предпочитает агностицизм, объявляя, например, экономические кризисы непредсказуемыми и необъяснимыми. В этом свете описанная постпозитивизмом историческая и социальная обусловленность всякой научной парадигмы представляется неоспоримой.

Как показано ранее, одним из препятствий к восприятию экономических идей Маркса является унаследованный им от Аристотеля органицизм, или динамический эссенциализм (в отличие от эссенциализма средневекового, статического, и эссенциализма Нового времени, в котором понятие сущности стало логическим, а не онтологическим). «Капитал» пропитан органическими образами и понятиями: «личинка», «куколка», «кристалл», «окаменелость», «обмен веществ», «фермент», «метаморфоза», «превращение форм», «трупы машин» и т. п. «Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс» [4, 8] — пишет Маркс, и текст «Капитала» это подтверждает: «...теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [4, 8]; «куплей рабочей силы капиталист присоединил самый труд как живой фермент к мертвым... элементам образования продукта» [4, 192], «такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших видов животных, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» [4, 187], «обращение непрерывно источает из себя денежный пот» [4, 119], «накопление сокровищ в их резервуарах свидетельствует о застое товарного обращения, или о приостановке течения товарных метаморфоз» [4, 152] и т. п.

Особенно часто употребляется понятие «форма». Социальная наука для Маркса есть прежде всего изучение развития форм. При этом в главе «Товар» Маркс пишет: «Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще осязательнее, если мы

обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля» [4, 65]. Как видно из цитаты, для Маркса Аристотель есть исследователь форм: форм мышления (логика), социальных форм (политика и этика) и форм природы (физика в античном смысле слова). Аристотель исследовал формы потому, что только формы показывают, что есть в вещи необходимого, тогда как материя есть царство случайного, а науки о случайном быть не может. Совершенно также у самого Маркса. Уже на второй странице предисловия к первому изданию «Капитала» он различает форму как предмет научного исследования и нарушающее эту форму влияние [4, 4]. Иначе говоря, различает сущность и явление, необходимое и случайное. В рукописях 1858 г., первоначальном варианте «Капитала», он пишет: «...когда *формы* с большим трудом вышелушивались из вещественного содержания и с большим напряжением фиксировались как *подлинный объект* исследования» [5, 370]; «...чем больше его потребительная стоимость, его вещественное бытие, соответствует определению его формы, тем в более высоком смысле он есть основной капитал» [5, 256]; «для нас здесь речь идет о том, чтобы установить в чистом виде *определения формы*, следовательно, о том, чтобы не вносить ничего *постороннего*» [5, 247]; «общее, являясь, с одной стороны, всего лишь мыслимой *differentia specifica*, вместе с тем представляет собой некоторую особенную *реальную форму*, наряду с формами особенного и единичного» [5, 442], «...по своему понятию (в *адекватной* форме)» [5, 197], «это имманентное противоречие получает в противоположностях товарной метаморфозы *развитые формы* своего движения» [4, 120], «мы будем рассматривать весь процесс лишь со стороны формы, следовательно, лишь *смену форм, или метаморфозу, товаров*, опосредствующую общественный обмен веществ» [4, 111], «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их развитию» [4, 82] и т. д. (курсив везде мой. — Л.Ф.).

«Метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным» [4, 23], признавал сам Маркс. Благодаря

своему имманентному эссенциализму, «Капитал» стоит особняком среди всех экономических трактатов. Но следует отметить, что неприятие эссенциализма в науке имеет не только и не столько философские, сколько политические корни. Выражаясь образно, современная буржуазная цивилизация провела две войны с Аристотелем: в первый раз Аристотеля «били» в борьбе с *ancien regime* и господством католической церкви, во второй раз, не называя прямо, — в борьбе с официальной философией Советского Союза. В обоих случаях это была война с рациональной онтологией, которой была противопоставлена иррациональная, но эмпирицистская эпистемология, опирающаяся на Юма, т. е. на агностицизм.

Однако реальность такова, какова она есть, и ограниченность такого агностического, номиналистического, атомистического взгляда (будь то атомизм физический, атомизм ощущений или логический атомизм) постоянно ощущалась и требовала возврата к онтологии. Величайшие западные онтологи XX в., Альфред Уайтхед и Николай Гартман, были вынуждены создать рациональную онтологию органического типа, но так, чтобы ни в коем случае не лить воду на диалектический и исторический материализм, пройти между Сциллой и Харибдой, что удалось им лишь отчасти.

Фридрих Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» напишет: «Брать факты в их собственной, а не какой-то фантастической связи — ничего больше материализм вообще не означает» [3, т. 21, 301]. Правомерно или нет применение Марксом органического аристотелевского категориального аппарата к анализу социальных (экономических) явлений, должно определяться характером самих этих явлений, а не желанием ученого. Являются ли сами биологические существа философским предрассудком или они существуют объективно, материально, самостоятельно и, строго говоря, вопреки мертвой природе, стремящейся к энтропии? Очевидно, что это конкретные материальные сущности, с присущими им законами, которые требуют адекватных категорий познания. Человек не сводится к своему животному началу, это бесспорно, но он также и не растение, и не камень, и не машина, и не число; однако науки не бывает без аналогий, и коль скоро уж мы генетически на 99% сходны с шимпанзе, то почему при анализе нашего социума биологические аналогии за-

прещены, а аналогии из мира минералов и машин — приветствуются как научные? Потому, что эти аналогии дают бóльшую точность и бóльшую власть над предметом, а воля к истине исторически никогда не была свободна от воли к власти. Поскольку мертвое точнее познается и лучше подчиняется, живое также берется лишь в том аспекте, который является у него общим с мертвым, т. е. к количеству. При взвешивании последовательном камня, растения, животного и человека, будет каждый раз получено точное знание, но знание это будет с каждым разом все меньше сообщать о сущности предмета. В этом методе точность обменивается на умертвление объекта исследования. В применении к экономике математик (и марксист) Дирк Струик выразил эту мысль так: «Понять то особое значение, которое придается ими математике, можно, если вспомнить, что над буржуазной экономической мыслью господствует товарный фетишизм, и если учесть, что его отражением в науке является количественный фетишизм. Так как математика есть наиболее чистая форма для выражения количества, то в силу количественного фетишизма буржуазия отдает предпочтение именно таким исследованиям. К тому же умение оперировать абстрактными количествами было необходимо для того, чтобы облегчить управление техническими средствами, которые выступают как конкретный пример количеств» [17, 94].

Вывод. Эссенциализм, динамизм и органицизм Маркса следует понимать не в качестве не до конца устраненных пережитков идеализма, а как неотъемлемое свойство материализма биологического типа, унаследованного от Аристотеля, как через Гегеля, так и напрямую. Теория Маркса находит свое подтверждение в макроэкономической и политической динамике современных стран и должна быть использована для объяснения этой динамики, а эссенциалистская онтология Маркса не должна быть для этого препятствием.

Зарубежные монографии и статьи, посвященные преемственности идей между Марксом и Аристотелем и античной философией в целом следует переводить и вводить в научный оборот, что поможет выправить традиционное (вызванное экстранаучно, политическим авторитетом Ленина) увлечение Гегелем российскими марксистами.

Литература

1. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме, На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
2. *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 29. М: Госполитиздат, 1963. 782 с.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961—1975.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1949. 794 с.
5. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первый вариант «Капитала»): В 2 ч. Ч. 1—2. М.: Политиздат, 1980.
6. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1956.
7. *Хошимура Ш.* Теория воспроизводства и накопления капитала. М.: «Прогресс», 1978. 256 с.
8. *Booth W.J.* Households: on the moral architecture of the economy. Ithaca: Cornell University Press, 1993.
9. *Carchedi G., Roberts M.* Marx's Law of Profitability: Answering Old and New Misconceptions // Critique. 2013. No. 41 (4). P. 571—597.
10. *Grossman H.* The law of the accumulation and breakdown of the capitalist system: URL: <https://www.marxists.org/archive/grossman/1929/breakdown/index.html> (дата обращения: 25.01.2024).
11. *Kuhn R.* Marxist crisis theory to 1932 and to the present: reflections on Henryk Grossman's «Fifty years of struggle over Marxism» // Society of Heterodox Economists Conference University of New South Wales, Sydney, 2—3 December 2013: URL: https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/11086/1/Kuhn_MarxistCrisisTheory2013.pdf (дата обращения: 25.01.2024).
12. *Mattick P.* Economic crisis and crisis theory, 1974: URL: <https://www.marxists.org/archive/mattick-paul/1974/crisis/ch01.htm> (дата обращения: 25.01.2024).
13. *Meikle S.* Aristotle's economic thought. Oxford: Clarendon Press, 1995.
14. *Meikle S.* Essentialism in the thought of Karl Marx. La Salle: Open Court, 1985.

15. *Smith M., Butovsky J.* Profitability and the Roots of the Global Crisis: Marx's 'Law of the Tendency of the Rate of Profit to Fall' and the US Economy, 1950—2007 // *Historical Materialism*. 2012. No. 20. P. 39—74.

16. *Smith M.* Invisible Leviathan. Marx's Law of Value in the Twilight of Capitalism. Leiden Boston: Brill, 2019.

17. *Struik D.* Concerning Mathematics // *Science and Society*. 1936. No. 1. P. 94.

References

1. *Anderson P.* Razmyshleniya o zapadnom marksizme, Na putyah istoricheskogo materializma. M.: Inter-Verso, 1991. 272 s.

2. *Lenin V.I.* Poln. Sobr. soch. T. 29. M: Gospolitizdat, 1963. 782 s.

3. *Marks K., Engel's F.* Soch. 2-e izd. M.: Politizdat, 1961—1975.

4. *Marks K.* Kapital. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1949. 794 s.

5. *Marks K.* Ekonomicheskie rukopisi 1857—1861 gg. (Pervyj variant «Kapitala»); V 2 t. T. 1—2. M.: Politizdat, 1980.

6. *Plekhanov G.V.* Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 3 t. M.: Gospolitizdat, 1956.

7. *Hoshimura SH.* Teoriya vosпроизводства i nakopleniya kapitala. M.: «Progress», 1978. 256 s.

Т.В. РАХИМОВ

Управление изменениями (философско-религиозный взгляд)*

Аннотация. Статья посвящена сравнительной оценке научного и философско-религиозного подхода к курсу «Управление изменениями». Целью работы является расширение области исследо-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Рахимов Т.В. Управление изменениями (философско-религиозный взгляд) // *Философия хозяйства*. 2024. № 1. С. 137—154. DOI: 10.5281/zenodo.10675408.

вания предмета с фокусировкой на основной теме. Практическая реализация идей по рецептам курса «Управления изменениями» может не только вынужденно ограничиться полумерами на пути к желаемому состоянию, но также получить отрицательный результат. Сухой системный подход, без учета культурных особенностей, без понимания связей мира духовного и материального не позволит объективно оценить ситуацию и объект воздействия. По мнению автора, философско-религиозный взгляд позволяет глубже увидеть возможности человека в сфере трансформации реальности. Духовное состояние субъекта власти оказывается значимым параметром результативности управления. Материал исследования может быть использован в развитии экономической науки, позволив шире видеть взаимодействие человека и бытия.

Ключевые слова: управление изменениями, прикладная экономика, экономическая наука, антропология.

Abstract. The article is devoted to a comparative assessment of a scientific and philosophical-religious approach to the course Change Management. The aim of this work is to expand a field of study of the subject with a focus on the main topic. Practical implementation of ideas according to the Change Management course can not only be forced to be limited to half-measures on the way to the desired state, but also to get a negative result. A dry system approach without taking into consideration cultural characteristics, without understanding the connections between the spiritual and material worlds will not allow an objective assessment of the situation and the object of influence. According to the author, the philosophical-religious view allows a deeper understanding of the possibilities of man in the area of reality transformation. The spiritual state of the subject of power turns out to be a significant parameter of the efficiency of management. The material of the study can be used in the development of economic science, allowing a broader view of the interaction between man and being.

Keywords: change management, applied economics, economic science, anthropology.

УДК: 338
ББК: 65в

Введение

Курс под названием «Управление изменениями» является одним из предметов прикладного экономического обучения. Предполагается, что для выживания организации необходимо постоянно адаптироваться под изменчивость окружающей деловой среды и внутренней эволюции организации. Некоторые изменения видятся как результат решений, принятых внутри организации, другие связаны с решениями, принятыми вовне. В качестве внутренних угроз воспринимают стагнацию или групповые конфликты. Источниками внешних угроз представляют конкурентов и государство. Так, например, конкурентная борьба принуждает снижать цены, а забастовка — повышать заработную плату. В изменяющихся условиях менеджменту необходимо выбирать эффективный метод адаптации организационной системы, создавать новые регулирующие механизмы для сохранения и продолжения развития организации.

Рис. 1. Движущие силы изменений [12, 16]

На рисунке 1 организация представляется специально структурированной системой, предназначенной для некой деятельности. Организация постоянно взаимодействует с внешней средой, под которой понимается, прежде всего, рынок.

Лозунг «устойчивого развития» провозглашен в качестве основного вектора экономической деятельности организации. Под этим термином экономисты подразумевают непрерывный процесс удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений. Предусматривается, что *устойчивое развитие* охватывает изменения в трех областях: финансах, социальной ответственности и экологии. Ожидается, что знание передовых методов управления создаст условия длительных отношений с другими организациями и личностного развития сотрудников. Считается, что передовые методы управления должны соответствовать требованиям экологичности продукции и безопасности. В учении присутствует убеждение, что современная экономическая деятельность полностью защищена международными и локальными правовыми нормами. Таким образом, модели управления раскрывают себя как инструменты социального контроля.

Основные причины неопределенности экономисты видят в следующем:

- 1) рост объема знаний, которыми владеет человечество: объем знаний «удваивается каждые пять-семь лет», что влечет за собой удвоение количества новых ситуаций [14, 23]; непрерывный поток технических изобретений толкает экономику к движению, которое всегда направлено к росту выручки и доходов;

- 2) усиление и глобализация конкуренции;

- 3) изменчивость характера и структуры спроса.

Методика курса «Управления изменениями» предусматривает следующий подход:

- 1) внедрение прогрессивных технологий и новых образцов продукции;

- 2) совершенствование организационной структуры на основе делегирования полномочий;

- 3) повышение квалификации работников.

Управление проектом изменения — это тщательно спланированная система мер, направленных на решение поставленной задачи. В моделировании предстоящих изменений выделяют цель, логику действий, ожидаемые риски. Также отмечают оборонительные и наступательные аспекты предстоящих изменений. В процессе подготовки к изменениям фиксируют объемы необходимых ресур-

сов. Считается, что недостаточно четко спланированные изменения скорее всего окончатся неудачей из-за появления непредвиденных обстоятельств. Успех в осуществлении изменений может быть достигнут, только если решения последовательны и соответствуют ситуации.

Задача изменений — в следовании более четким целям благодаря лучшей структурированности с помощью рациональных стратегических расчетов. Речь идет об обнаружении такого способа последовательности действий, который выгодно трансформирует реальность. В соответствии с выбранной целью менеджмент должен сформировать последовательность шагов в календарном плане, благодаря которым организация преобразится в желаемое состояние. При планировании изменений путь из текущего состояния в будущее теоретически дробится на этапы, каждый из которых имеет свою локальную подцель и срок воплощения. Для лучшей визуализации метода схематично составляется древо подцелей, в котором отражены связи между подцелями и средства, необходимые для их достижения. Перед каждым подразделением организации формируются задачи, которые должны быть выполнены для достижения этих подцелей. Сумма достигнутых подцелей должна привести организацию к основной цели. Новое состояние должно обеспечить предприятию желаемый уровень устойчивости в рамках принятой концепции и снизить неопределенность. Предприятие в конце пути представляется в виде непотопляемого корабля, продолжающего свой путь к росту доходов.

Вместе с тем отмечается, что, спустя краткий период времени, в связи с непрерывным течением обстоятельств в любой утвержденный план уже необходимо вносить коррективы.

Учение об управлении изменениями предполагает не только реактивное, приспособительное реагирование на произошедшие изменения конъюнктуры, но и некоторую превентивную активность руководства организации. Своевременное, с опережением, инициирование руководителем перемен позволит ему действительно управлять изменениями. Развитие организации «основано на управленческих ценностях менеджеров» [14, 23]. Подразумевается, что обилие незапланированных изменений отражает некомпетентность руководства, неспособность предвидеть и заранее готовиться к

предстоящим изменениям. В то же время, допускается изменчивость на пассивной адаптации действующих лиц.

Организации создаются людьми и ими изменяются. Организационное изменение также сопровождается изменением людей. В качестве одной из угроз при осуществлении нововведений выделяют сопротивление сотрудников по экономическим или социально-психологическим причинам. Недовольство и возмущение персонала могут помешать руководству закрепить изменения. Это противодействие снизит устойчивость управленческих нововведений, вплоть до их нивелирования с устранением властного давления. Для снижения противодействия руководителям рекомендуется вести диалог с персоналом, от которого также ждут преобразования, так как согласие в цели сплочивает персонал.

В учении об управлении изменениями окружающая среда представляется миром хаоса. Изменчивость внешней среды воздействует на организацию, понуждая руководство к неким действиям. В то же время отмечается, что внешняя среда не безобидна, она способна наказывать организацию, выдвигая противоречивые требования, к которым организация должна адаптироваться. Таким образом, причина изменений сокрыта вне организации, действия менеджмента в управлении представляются способом реагирования.

Предлагаемые рецепты управления изменениями значительно различаются: одни экономисты рекомендуют проводить изменения авторитарно, посредством жесткой иерархии власти, другие настаивают на децентрализации власти с максимальным делегированием полномочий и усилением горизонтальных связей. Таким образом, задача сводится к поиску границы разграничения власти между центром и подразделениями.

Одной оптимальной стратегии изменений не существует, хотя есть немало примеров успешных решений. Однако успешные решения одних оказываются неудачными для других. Любая система рассматривается как частная модель в рамках общей теории управления изменениями. Таким образом, учение предлагает набор рецептов, исходя из опыта других, однако не дает гарантии результативности.

Обращается внимание на жизненные циклы, проживаемые каждой организацией: рождение, рост, становление и делегирование

полномочий, интеграция подразделений, формализация планирования. Рекомендуется прилагать разумные усилия для сглаживания переходов между этапами, в целях управления этими изменениями.

Ряд экономистов рекомендуют учитывать совокупность культурных особенностей, так как «традиционные ценности имеют тенденцию брать верх над современными» [18]. Эти ценности рождены не в бизнесе. Они определяют формальные и неформальные правила, регулирующие отношения между людьми и группами. Человечество не представляет собой сплошную массу людей, народы различаются по нравам, традициям и культуре, пронизывающим саму структуру социальных отношений, в том числе и в экономике [18]. Традиции заложены глубоко в людях, проявляясь бессознательно. Культуры народов не универсальны, они разнообразны и уникальны для каждой страны. Когда управление происходит с уважением к культуре и традициям страны, оно благодарно принимается. «Человек — это не животное, которое стремится не к оптимизации, а к удовлетворению своего выбора относительно своих культурных ценностей» [19]. Так, например, если для Швейцарии характерна приверженность к хорошо выполненной работе, соблюдению правил, при этом отсутствует беспокойство о цене, при условии, что клиент удовлетворен, то во Франции акцент смещен к оригинальности, атмосфере творчества и воображения. Если в Швейцарии хороший продукт — это качественный продукт, то для французов значение качества укладывается в демонстрацию технических показателей. Если во Франции необходимо проявлять милосердие в отношении к подчиненным, то в США достаточно быть справедливыми. Если в США на первом месте — прописанный функционал, то во французском обществе каждый склонен самостоятельно интерпретировать свои обязанности, так как «обязанности устанавливаются обычаями профессиональной группы, к которой человек принадлежит, а не конкретными целями, определенными вышестоящим руководителем» [17]. Если в США от государства ждут законности, то во Франции — справедливости. Если в американской концепции поставщик обслуживает клиента, то француз в сотрудничестве лишь «оказывает услугу», подчинение из страха или корысти для него унижительно.

По мнению французских социологов Ф. д'Ирибан и М. Крозье, причина различий в подходе к управлению лежит в области религии. Так, утверждает Ирибан, основой концепции равенства в США стало желание «свободного объединения граждан... перед Богом» [17]. Пуританские идеалы первых иммигрантов легли в основу всех институтов и определяют экономическую и политическую жизнь США.

Философско-религиозный подход

Продолжая развитие мысли французских социологов Ф. д'Ирибан и М. Крозье, отметим, что в христианском вероучении мир не хаотичен. Нет случайностей, но есть промысл Божий. Провидение Бога о мире и людях непрерывно, всеобъемлюще и всемогуще. Вся Вселенная подчиняется воле Творца, буквально — «тигр не может перестать быть тигром»⁴, а вот человек обладает привилегией права выбора.

Термин «Провидение» непременно присутствовал в трудах европейских экономистов с начала XVIII в. Под этим термином подразумевали непрерывное управление Богом миром посредством данных им законов. Экономисты полагали необходимым открыть эти законы, чтобы следовать им для обеспечения гармонии между человеком и миром. Так родилась экономическая наука. Например, Пьер де Буагильбер (1646—1714) полагал, что Провидение соучаствует человеческой экономике и «немедленно мстит общим замешательством, как только увидит, что... не доверяют ее знанию и мудрости ее действий» [15, 10]. Адам Смит (1723—1790) в известной работе ссылаясь на «Невидимую руку», приводящую тайным образом частные интересы к общему. По мнению Сисмонди (1773—1842), задачей Провидения является увеличение счастья людей на земле [10, 140]. Фредерик Бастиа (1801—1850) был убежден, что вечные законы Провидения сохраняют порядок, гармонию, «благо, все большее и большее совершенствование, совершенствование без конца» [1, 9]. Антуан Курно (1801—1877) подчеркивал, что дея-

⁴ Хоце Ортега-и-Гассет (1883—1955), испанский философ: «Mientras el tigre no puede dejar de ser tigre, no puede destigrarse, el hombre vive en riesgo permanente de deshumanizarse».

тельность людей подчинена Провидению, «непреодолимым законам природы, случайностям, которые они вызывают» [16, 8]. Таким образом, причину внешних изменений экономисты видели в Божьем Провидении.

В XX в. в результате доминанты атеистического мировоззрения понятие Провидения было исключено из суждений, вся экономическая деятельность была сведена к механическому обмену. Вследствие такого подхода мир стал представляться хаотично бессмысленным, вынуждая человека действовать наугад, нащупывать ответные шаги, которые без понимания духовной причины почти всегда ошибочны с точки зрения цели творения человека.

Христианское вероучение утверждает, что деловые и жизненные обстоятельства, в которых оказывается организация или человек, формируются Богом. Господь посредством изменения внешних условий бытия ставит всех сотрудников организации перед выбором, прежде всего духовным. Бог конструирует обстоятельства, ориентируясь на духовное состояние каждого участника, вовлеченного в процесс. Человек может мечтать, предполагать, планировать, строить модели, однако события пройдут по сценарию того Режиссера, власть которого над миром безгранична.

Библейское повествование и Святоотеческое Предание изобилуют примерами Божьего участия в делах людей. Например, Исаак сеял ячмень, прилагая усилия как все вокруг, а урожая собрал не в два, не в три раза, а во сто крат больше чем соседи: «так благословил его Господь» (Быт. 26:12). Лаван многократно менял условия вознаграждения Иакову, но каждый раз выигрыш был в пользу пастуха Иакова. Спустя краткое время, по воле Бога, имение Иакова превысило имение Лавана (Быт. 29—31). Благодать Божия была на Иосифе и изливалась во всех его делах, сообщая доброе течение и обильный приход. Благодаря этому Иосиф смог спасти народ Египта от голода (Быт. 39:5).

Может Бог и преграду поставить, которую человеку не преодолеть. Так, Предание повествует как юная Мария Египетская, прибыв с паломниками в Иерусалим на праздник Воздвижения Креста, возжелала войти в храм со всеми. Паломников пришло много, кругом была толчея. И все же заходили все, одна она оставалась одиноко в притворе, как будто какая то сила преграждала ей путь.

Четырежды пыталась она войти, активно работая локтями, но даром трудилась. Когда же Мария задумалась о необычном явлении, и к ней пришло покаяние, то по молитве смогла без труда войти в храм с очередной группой паломников. Сила, прежде возбранявшая, стала ей содействовать.

Бог незримо присутствует в мире и печется о каждом творении. Успех или поражение в делах — все от Господа. Псалмопевец уверяет: «Если Господь не созиждет дома — напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126:1). Ради одного праведника Господь благословляет дом или город.

Где же граница возможности человека влиять на исход дела?

Благодать Божия распространяется на всех людей, «Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:45). Каждому человеку доступно творить, но чтобы что-либо возникло в мире: вещь ли, организация, необходимо согласие Творца. «Без Меня не можете творить ничего», — говорит Господь (Ин. 15:5). Бог сотворил человека свободным, чтобы он выбирал благое своим произволением. Человек, созданный по образу Творца, обладает искрой божественного разума. Ему дан дар быть сотворцом Бога в мире, к которому человек не может добавить даже атома. Труд человека являет действие духа на самого человека и на материю, которой Бог придал необходимую пластичность. Производство — это в первую очередь не материальный, а духовный труд. Когда человек склоняется к добру, Бог подает дополнительную силу к действию. Тогда все обстоятельства дела складываются благоприятным образом, внешне это выглядит как «удачное» стечение обстоятельств. Все окружение начинает содействовать замыслу людей. Усилия недругов становятся бесплодными и не достигают цели. Их зло возвращается к ним, нанося им же урон.

Когда же человек настаивает на своем эгоистичном желании, то Господь может попустить этому делу воплотиться, однако такое творение просуществует относительно недолго. Без содействия Бога, через время, дело «засохнет», т. е. потеряет силу существования, что прежде имело «от корня» общей Божьей благодати. Судьба эгоистичного творения человека подобна вавилонской башне, которая недостроенная разрушилась (Быт. 11:1—9). Внешняя среда как бы

сопротивляется воле человека, как когда-то Марии Египетской в храме. Блаженный Феофилакт Болгарский дополняет, что грешный замысел не только вредит самому человеку, но и лишает его благодати и «сообщаемой от нее помощи и жизни» [11, 426, 427].

Например, в начале XVII в. экономисты-физиократы настаивали на отмене византийской традиции сдерживания конкуренции посредством цеховой организации. Физиократы рекомендовали предоставить свободу конкуренции, полагая, что Провидение само установит необходимый баланс между производителями, торговцами и покупателями, предоставляя всем достаточный ресурс для удовлетворения своих нужд. Буагильбер утверждал, что нарушение баланса интересов сторон повлечет за собой наказание природой, вплоть до апокалиптического последствия, когда «все погибнет» [2, 7]. Когда же Бог попустил людям свободную конкуренцию, ее негативные последствия проявились сразу. Допустив конкуренцию в хозяйственную деятельность, человечество значительно ухудшило условия своего существования. Из трудовой, созерцательной жизнь трансформировалась в непрерывную промышленную войну насмерть. Свободная конкуренция привела общество к распаду на антагонистические группы, создав прежде неведомый класс нищих людей, не имеющих совершенно никакой собственности. Экономика начала болеть новыми болезнями: кризисы, один за другим, стали сотрясать хозяйственное устройство, обрекая многих людей на мучительные страдания.

В мечтательную эпоху Просвещения люди уверовали в прогресс — однонаправленный вектор развития посредством познания сил природы. Ученые полагали, что прогресс благословлен Провидением. Взоры мыслителей обратились к поиску законов природы, чтобы силы ее направить на службу людям. Бог попустил и это желание человека. Ныне прогресс потерял былой блеск, он не принес обещанной свободы и равноправия, но люди еще связывают с ним надежды. Эхо идеи прогресса видится в концепции «устойчивого развития», однонаправленного вектора процесса удовлетворения людских желаний. В ущерб экологии и будущим поколениям.

Что есть изменчивость внешней среды?

Материальный мир отличается суточным кругом и цикличностью сезонов. Природа постоянно находится в привычном преобра-

жении. Мир держится Божьей десницей. В мироздании присутствуют размерность и гармония, только у людей ее нет. Страстность падшего человека, «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» вносит диссонанс в Божию симфонию (1 Ин. 2:15, 16). Блаженный Августин утверждает, что все то, что мы, не понимая, считаем происходящим случайно, неразумно и без всякого Божьего распоряжения, совершается по Божьему устройству. Логика действий Бога — в приведении ко спасению всех людей, каждого человека. Событие, которое для человека видится неожиданным, творится Богом. При внимательном мысленном рассмотрении можно узреть, как Бог задолго начинает готовить то обстоятельство, которое представится человеку случайным. Если Бог указывает, что даже волос не может упасть с головы человека «без Его воли» (1 Цар. 14:45), то тем более она проявляется в событиях делового мира. Не случайна встреча, не случаен звонок покупателя — их Господь направил.

Все в мире существует лишь потому, что Господь промыслительно соучаствует с каждым. Новое предприятие, по благодати Божьей, изобилует энтузиазмом. Бог содействует началу, приводя клиентов, вразумляя сотрудников на благие решения. Рынок впускает в себя новое человеческое творение. Нет случайных людей в организации, нет случайных покупателей, всех их свел вместе Господь. Будущее предпринимателям видится оптимистично и масштабно. Но только один Бог ведает, чем завершится дело. Вся жизнь человека на ладони Господа, и «все пути Ему известны» (Пс. 138:2—5). Господь видит прошедшее, настоящее и будущее, у Него один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день (2 Петр. 3:5—9).

Многие начинания, дерзкие и амбициозные, свершаются в молодые годы. Преподобный Серафим Саровский (1759—1833), говоря о Промысле Божьем о человеке, указывает, что в первую половину жизни, лет до тридцати пяти, Божья благодать дается как бы авансом, для обустройства земной жизни. Господь дает время жизни, чтобы понаблюдать, как человек распорядится дарованными талантами. Многие принимают подобное за должное, не удерживаются и поддаются искушениям. У таковых возникает иллюзия о своих особых талантах в управлении.

Враг человеческий не дремлет, он ищет согласие в человеке, старается сперва уверить человека в достоинствах его, потворствуя его страстям. Его советы настойчивы: удержать оплату, обмануть партнера. Таковой исполняется «самоомнения, высокоумия, самообольщения», он трубит о себе, о делах своих, мщением платя тем, кто противоречит его мнению [4, 43]. Бог попускает человеку погрузиться в результат мечтаний. День забит суетой, в сердце нет покоя, приходят страх, печаль и уныние, тело ввергается в болезни. Человек становится рабом страстей. Ему уже не под силу самому «выйти» из непрерывного потока гнетущих событий. Это может сделать только Бог.

Бог вразумляет посредством кажущихся случайностей и непредвиденных обстоятельств. Недруги на поприще бизнеса есть просто слепые орудия Божии. Организация начинает «пропускать» внешние и внутренние удары, которые внезапны и истощают ее ресурсы. Не случайно возмутились работники, не просто пришла налоговая проверка. Скорби и страх охватывают каждого. Бог попускает неприятности по вине страдающего или по злобе других, чтобы через страдания пострадавший мог стяжать блага добродетели. Господь, видя готовность человека перенести скорби, посылает ему искушения. Скорби не даются не по силам, «Бог лучше знает меру сил» [8, 120]. Преподобный Никодим Святогорец обращает внимание на то, что Бог лечит гордыню, посылая скорби человеку от тех людей, которые прежде были благодетельствованы им. Таким образом, Господь как бы очищает душу человека от гордыни, чтобы открылась немощь человеческая, видение глубины духовной болезни. Скорбями Бог врачует души людей, «ибо Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12:6). Это брань духовная.

Экономисты обратили внимание на то, что каждая организация, зарождаясь, проживает этапы взросления и зрелости. Если есть на то воля Божия, то организация состоится и вырастет до размеров им определенных. Только Богом полагается предел желаниям человеческим, «доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим» (Иов. 38:11). Более попущенного Богом масштаба организация не вырастет.

Экономисты уделяют много внимания трансформации организации в период бурного роста. Однако закон тления неотвратим.

Организация стареет и в конце концов умирает. Многие рецепты экономистов направлены на продление ее жизни. Не в силах людей противостоять Божьей воле. С какого-то момента события внешние и внутренние развиваются для организации самым неблагоприятным образом: неплатежи покупателей, прекращенные контракты, внезапные проверки. Ресурсы утекают, нарастает бесплодная суэта. О таком положении дел от имени Бога говорит пророк Амос: «Вот Я придавлю вас, как давит колесница, нагруженная снопами, — и у проворного не станет силы бежать, и крепкий не удержит крепости своей» (Амос. 2:13, 14). Усилия менеджеров лишь немного могут продлить агонию предприятия, не отменяя уготованного конца. Если Бог решил прекратить существование компании, то нет достойных возразить. Хорошо, если завершение жизни компании ограничится лишь финансовыми потерями для учредителей, сохраняя им здоровье или саму жизнь.

Человек, обладая дарами разума и воли, должен планировать, делать расчеты; прилагать все доступные средства для обеспечения устойчивого положения необходимо, но это лишь малая часть, семечко желания, посаженное в почву Божьего мира. Рост и сила человеческому творению придаются Господом. Если будет его благословение — укрепится организация. Если не будет Божьего благословения на начало дела, организация либо сразу зачахнет, либо просуществует лишь краткое время.

Только Церковь, дело Божие, в этом мире не подвержена тлению. Ибо сказано, что и «врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). В ней небо встречается с землей. После многих периодов жестких гонений она вновь восстанавливается и пребудет до конца мира. Лишь Церковь неизменна в изменчивом мире.

Святитель Иоанн Златоуст сравнивает Божьи испытания с работой золотых дел мастеров. Мастера не вынимают золота из горна, покуда золото не очистится. «Попустивший испытание сам знает и время, когда положить конец испытанию» [7, 61]. Апостол Иаков советует: «вы, которые говорите: сегодня или завтра мы отправимся в такой-то город и проведем там год и будем торговать и получим прибыль; вы, которые не знаете, что будет завтра; что такое жизнь ваша? Ибо вы — пар, который ненадолго является, а затем исчезает.

Вместо того, чтобы говорить: если угодно будет Господу, мы и живы будем и сделаем то или другое» (Иак. 4:13—15).

Заключение

Человек, рождаясь, входит в мир, который существовал прежде него и останется после. Не случайны родители, не случаен город рождения, места жизни и труда. Судьба одного человека вплетается в общий узор мозаики, который создает Господь. Судьба отдельной организации является частью истории государства. Всемогуший Художник для каждой личности подбирает свое место и время, учитывая состояние его сердца. Каждой организации Богом предопределены свои задачи. Если нет на то воли Божьей, то тщетны усилия человека управлять изменениями, «да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту... итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?» (Лк. 12:25, 26). Как мудро пишет Екклесиаст: «нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1:9, 10). В истории одни компании взлетают, другие — падают, хотя и те и другие применяли единый рецепт управления. Потому экономисты и не могут рекомендовать одну успешную технологию управления изменениями. Судьба организации в Божьих руках. По нашему мнению, можно утверждать, что не менеджер управляет, а изменения управляют организацией и менеджером. Ему видны лишь те открытые двери возможностей, которые дает видеть ему Господь. Чем дальше люди удаляются в своих страстях от Бога, тем больше изменчивости, тем более опасными видятся угрозы.

Много усилий тратят люди на экономику и преуспевание материальное. Однако не этим измеряет Бог успешность. При более внимательном анализе можно увидеть, что основанием, на котором человек строит свои управленческие решения, является отношение человека к Богу. Религия побуждает людей следовать заповедям в управлении и экономике, хотя и не всегда осознанно. Господь хотел бы всех осыпать своими дарами, но падший человек не может принять их без вреда для себя.

Литература

1. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное. М, Эксмо, 2007.1200 с.
2. *Буагильбер П.Л. де.* Рассуждение о природе богатства, денег и налогов. Т. 2 / Под ред. М.А. Слудковской. Paris, 1966: URL: <https://studfile.net/preview/7313038/#2> (дата обращения: 11.07.2023).
3. *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Полное собрание творений. Т. 1: Аскетические опыты. М.: Паломник, 2014.
4. *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Полное собрание творений. Т. 5: Приношение современному монашеству. М.: Паломник, 2003.
5. *Иоанн Златоуст свт.* Творения: В 12 т. Т. 2: Беседы о статуях. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1896.
6. *Иоанн (Максимович).* Илиотропион, или Сообразование с божественной волей. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014.
7. *Иоанн Римлянин прп.* О постановлениях монастырских. М.: Правило веры, 2016.
8. *Никодим Святогорец прп.* Невидимая брань / Пер. свт. Феофана Затворника. Почаев: Почаевская Лавра, 2013. 216 с.
9. *Серафим Саровский прп.* Духовные наставления инокам и мирянам: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sarovskij/pastavlenia/ (дата обращения: 11.07.2023).
10. *Сисмонди Ж.С. де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Т. 1. М., 1937.
11. Управление изменениями: базовый курс: учеб. пособие / Под ред. М.А. Бражникова, И.В. Хориной. Самара, 2015.
12. Управление изменения в организации / Под ред. Н.В. Медведева. Саратов, 2016.
13. Управление изменениями: теория и практика. Учебно-методическое пособие / Под ред. В.К. Крутикова, С.А. Аракелян, М.В. Якуниной. Калуга, 2022.
14. *Феофилакт Болгарский блж.* Толкование на Евангелие от Иоанна. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013.
15. *Boisguilbert P.* Factum de la France. 2014: URL: <https://www.institutcoppet.org/wp-content/uploads/2014/09/Boisguilbert-FactumFrance.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).

16. *Cournot A.A.* Revue sommaire des doctrines économiques. Paris, 1877.

17. *Crozier M.* L'Acteur et le système // Relations Industrielles. 1981. Vol. 38. No 2: URL: https://lirsa.cnam.fr/medias/fichier/crozier_friedhtml__1263304018392.html (дата обращения: 11.07.20023).

18. *Iribarne P. de.* La logique de l'honneur. Paris. 1989: URL: https://lirsa.cnam.fr/medias/fichier/diribarne2html__1263304768372.html (дата обращения: 11.07.20023).

19. *Iribarne P. de.* Culture et mondialisation, coll. «La couleur des idées», nov. Paris, 1998: URL: https://lirsa.cnam.fr/medias/fichier/diribarnehtml__1263304725128.html (дата обращения: 11.07.20023).

References

1. *Bastia F.* Ekonomicheskie garmonii. Izbrannoe. M, Eksmo, 2007.1200 s.

2. *Buagil'ber P.L. de.* Rassuzhdenie o prirode bogatstva, deneg i nalogov. T. 2 / Pod red. M.A. Sludkovskoj. Paris, 1966: URL: <https://studfile.net/preview/7313038/#2> (data obrashcheniya: 11.07.2023).

3. *Ignatij (Bryanchaninov) svt.* Polnoe sobranie tvorenij. T. 1: Asketicheskie opyty. M.: Palomnik, 2014.

4. *Ignatij (Bryanchaninov) svt.* Polnoe sobranie tvorenij. T. 5: Prinoshenie sovremennomu monashestvu. M.: Palomnik, 2003.

5. *Ioann Zlatoust svt.* Tvoreniya: V 12 t. T. 2: Besedy o statuyah. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 1896.

6. *Ioann (Maksimovich).* Iliotropion, ili Soobrazovanie s bozhestvennoj volej. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2014.

7. *Ioann Rimlyanin prp.* O postanovleniyah monastyrskih. M.: Pravilo very, 2016.

8. *Nikodim Svyatogorec prp.* Nevidimaya bran' / Per. svt. Feofana Zatvornika. Pochaev: Pochaevskaya Lavra, 2013. 216 s.

9. *Serafim Sarovskij prp.* Duhovnye nastavleniya inokam i miryanam: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sarovskij/nastavlenia/ (data obrashcheniya: 11.07.20023).

10. *Sismondi ZH.S. de. Novye nachala politicheskoy ekonomii, ili O bogatstve v ego otnoshenii k narodonaseleniyu*. T. 1. M., 1937.
11. *Upravlenie izmeneniyami: bazovyy kurs: ucheb. posobie* / Pod red. M.A. Brazhnikova, I.V. Horinoj. Samara, 2015.
12. *Upravlenie izmeneniya v organizacii* / Pod red. N.V. Medvedeva. Saratov, 2016.
13. *Upravlenie izmeneniyami: teoriya i praktika. Uchebno-metodicheskoe posobie* / Pod red. V.K. Krutikova, S.A. Arakelyan, M.V. YAkuninoj. Kaluga, 2022.
14. *Feofilakt Bolgarskij blzh. Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna*. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2013.

М.Л. БУРИК

**От политэкономических категорий к теориям
социализма: критическая рецепция Г.В. Плеханова
немецких политэкономических концепций в российскую
теоретическую культуру***

Аннотация. Статья повествует о критической переработке Г.В. Плехановым политэкономических трудов представителей «реалистической школы», которая позже в своем развитии получила название катедер-социалистов, а также наследия Карла Родбертуса-Ягцеова. Плеханов проследил и показал генетическую связь между пониманием политэкономических категорий, а также метода политической экономии, и теориями буржуазного социализма. Эта рецепция послужила дальнейшему осмыслению поднятой проблематики в России и развитию российской теоретической мысли. Проблемы, поднятые в ранних работах Плеханова, представляют не только и не столько исторический, сколько актуальный практиче-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бурик М.Л. От политэкономических категорий к теориям социализма: критическая рецепция Г.В. Плеханова немецких политэкономических концепций в российскую теоретическую культуру // *Философия хозяйства*. 2024. № 1. С. 154—169. DOI: 10.5281/zenodo.10675402.

ский интерес. Фундаментальные политэкономические понятия, в данном случае, выступают в качестве теоретического инструментария, необходимого для решения практических вопросов развития общественного хозяйства как изменения производственных отношений.

Ключевые слова: теория стоимости, Плеханов, Родбертуса-Ягцов, катедер-социалисты, «реалистическая школа», метод политической экономии, буржуазный социализм, «рабочие деньги».

Abstract. The article tells about the critical revision of G.V. Plekhanov of the political economy works of representatives of the «realist school», which later in its development was called the kathedersocialists and the theory of Karl Rodbertus-Jagetzov. Plekhanov founded and showed the genetic connection between the understanding of political economy categories and the method of political economy, and the theories of bourgeois socialism. This reception served to further comprehend the issues raised in Russia and the development of Russian theoretical thinking. The problems raised in Plekhanov's early works are not only and not so much of historical as of actual practical interest. Fundamental concepts of political economy, in this case, act as a theoretical toolkit necessary for solving practical problems of the development of the public economy as a change of production relations.

Keywords: theory of value, Plekhanov, Rodbertus-Jagetzov, kathedersocialists, «realist school», method of political economy, bourgeois socialism, «working» money.

УДК 330.8
ББК 65.02

Превращение великороссов в теоретическую нацию и развитие традиции теоретического мышления в России на уровне решения задач, стоящих перед человечеством сегодня, состоялись в том числе благодаря усвоению и творческой переработке наследия западной политэкономической экономии, а также критики политической экономии в рамках социализма как науки. Это критическое освоение стало реальным во многом благодаря деятельности Георгия Валентиновича Плеханова и его соратников. Особый интерес в

этом отношении представляют работа по распространению марксизма, а также критика Плехановым в его раннем творчестве немецких политэкономических теорий, в частности учения катедер-социалистов и Карла Родбертуса-Ягцеца, а также концепций социализма, выросших на базе этих теорий. Проблемы, поднятые в ранних работах Плеханова, представляют не только и не столько исторический, сколько актуальный практический интерес. Это — проблемы производственных отношений капитализма как такового и преодоления этих производственных отношений. Фундаментальные политэкономические понятия, в данном случае, выступают в качестве теоретического инструментария, необходимого для решения практических вопросов развития общественного хозяйства как изменения производственных отношений. В них невозможно разобратся сейчас, не зная истории мысли о предмете. Аналогичная полемика регулярно воспроизводится в современной общественной мысли потому, что поднятые проблемы отнюдь не решены практически. Таким образом, аргументация Плеханова не утратила своей актуальности.

В 1880 г. Георгий Валентинович Плеханов эмигрировал в Швейцарию. Но самым примечательным событием этого года, которое определило его дальнейшую судьбу, было решение о необходимости создания «Русской социально-революционной библиотеки». Как общественный деятель, Плеханов отлично понимал, что русским революционерам надо учиться, что нельзя игнорировать теорию. Из всей социалистической теоретической литературы широко ходили только сочинения Бакунина, а в остальном были большой недостаток и большая потребность. На Западе же теоретическая работа шла вовсю, так значит нужно познакомить русского читателя с ее достижениями, со всем наследием научного социализма. Нужно также разрабатывать свою литературу по всем ключевым проблемам движения [7, 147]. Открывается эта библиотека такими изданиями, как «Манифест коммунистической партии», который переводил Плеханов. Предисловие к этому изданию написал тоже он.

В то же время Плеханов знакомит своих читателей с другими направлениями в социалистической и политэкономической мысли. В 1881 г. для «Отечественных записок» он написал большую работу

«Новое направление в области политической экономии». В этой работе он критикует немецких катедер-социалистов, которые пересматривали положения классической политэкономии. Они отказывались как от наследия классиков — Адама Смита и Давида Рикардо, авторов трудовой теории стоимости, так и от политэкономии Бастиа, и вместо этого предлагали свою доктрину: «переосмысливали» понимание стоимости, ренты, заработной платы. Эти вопросы как раз и волновали Плеханова. Георгий Валентинович напоминает своим читателям подход классической политической экономии по отношению к зарплате рабочих: «Еще Тюрго писал, что «во всех отраслях труда должно происходить и происходит в самом деле, что плата рабочего ограничивается тем, что необходимо ему для поддержания его существования».

«Вслед за ним, отыскивая естественную норму заработной платы, А. Смит также находил, что она должна дать рабочему средства, необходимые для его существования и воспитания сына, который мог бы заменить своего отца, когда руки последнего окажутся неудовлетворяющими более своему назначению. Что касается Рикардо, то он не только не отрицал указанной его предшественниками нормы заработной платы, но, напротив, придал учению о ней тот законченный вид, в котором оно стало известно под именем «закона заработной платы Рикардо» [8, 170].

Представители классической политэкономии были гораздо честнее в вопросах зарплат, чем современные апологеты капитализма. Но во времена А. Смита и Д. Рикардо вопрос пролетариата еще остро не стоял как практическая проблема общества. Классики сосредоточивали свое внимание на общем росте богатства нации. Они отождествляли обогащение буржуазии с обогащением всего общества. Для этого были вполне объективные причины — буржуазия действительно тогда была передовым революционным общественным классом.

Маркс в свое время подчеркивал, что классическая политэкономия была *развитием* понимания своего предмета. Он четко определил ее партийность, т. е. классовость. Политическая экономия — наука буржуазная. Она стоит на службе у буржуазии и выражает направление ее развития. Как только буржуазия утрачивает свою революционность с развитием общества, политэкономия превраща-

ется в вульгарную. Это значит, что она уже не развивает мысль о своем предмете, а, наоборот, преграждает путь развития мысли. Политэкономия становится идеологией. Не случайно, сам Маркс занимался не просто политэкономией, а критикой политэкономии [4].

Разумеется, дело тут не в личных качествах отдельных ученых. Субъектами мышления являются не отдельные теоретики и не абстрактно взятое общество в целом, а именно класс, пока этот класс революционный. Причем эту революционность следует понимать максимально широко как коренное переустройство всей общественной жизни. Определенный ученый может выражать в своей деятельности это революционное движение класса, а может, наоборот, ему препятствовать.

Тот же ход мысли мы встречаемся у Ленина при разборе вопроса о партиях в философии. Партий этих может быть только две: мыслящая партия и партия, препятствующая мышлению. Каждый мыслитель объективно представляет одну из них. Эту партийность нельзя понимать узко политически. По поводу партий в философии Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме» [2]. В этой работе он раскатал философским катком членов своей же политической партии. Более того, он выразил солидарность по вопросам философии именно с Плехановым, с которым расходился на тот момент по вопросу политической тактики. А в статье «Марксизм и ревизионизм» Ленин в резких и нелестных выражениях характеризует деятельность своих однопартийцев в области философии и отмечает, что Плеханов единственный, кто критиковал эту деятельность с позиций диалектического материализма [1, 19—20].

То, что тот или иной мыслитель отождествляет себя с прогрессивным классом, мало говорит о том, что он реально делает в своей области. Для того, чтобы это понять, нужно разбирать его работу по существу, а не ориентироваться на самочувствие. В политической экономии это проявляется с особенной рельефностью. В своих ранних работах Плеханов довольно обстоятельно показывает это.

Плеханов разбирает теорию катедер-социалистов и то, как она отличается от учения классиков. Он рассказывает, что пересмотр «британских преданий», т. е. наследия английских классиков, применительно к нуждам Германии сделал Фридрих Лист. За эту

ревизию Листа называли «Лютером экономической науки», величайшем немецким экономистом. Что же не нравится Листу у классиков?

«Отстаивая свое учение, Лист упрекает смитовскую школу в том, что она занимается лишь индивидуумами и частными хозяйствами, забывая о нации, которая стоит между индивидуумом и человечеством и является представительницей самостоятельной хозяйственной жизни. Богатство этой коллективной хозяйственной единицы зависит, по мнению Листа, не столько от количества находящихся в ее распоряжении меновых ценностей, сколько от развития ее производительных сил» [8, 181].

Но это не единственное, что ему не нравилось. Классики политэкономии толковали о вечных законах. Лист же настаивал на особенностях хозяйственной жизни разных стран. Он ограничивает действие законов политической экономии отдельными стадиями развития народного хозяйства. Плеханов специально подчеркивает, что это значительный шаг вперед в политической экономии, который сделала «историко-реалистическая» школа. При этом ее представители считали, что при рассмотрении хозяйственной жизни нужно брать всю совокупность условий жизни народа, его территорию, социальное устройство и даже религию, потому что все это влияет на хозяйственную жизнь общества.

К концу 1850-х гг. эта школа проникла в университеты и заняла там свои позиции, стала издавать журналы, у нее была обширная литература. Но ее дальнейшему «спокойному» развитию мешало то, что в Европе остро встал «рабочий вопрос». Игнорировать его стало невозможно. Плеханов в своем разборе обращает на это внимание.

Напомним, в 1831 и 1834 гг. происходили крупные восстания рабочих-ткачей в Лионе. Второе восстание носило более открытый классовый характер. Его принято считать началом самостоятельного пролетарского движения в истории человечества. В Англии развивалось движение чартистов.

В брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» Фридрих Энгельс так характеризует этот процесс: «В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; в период с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чар-

тистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того, как там развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благоденствии народа как следствии свободной конкуренции» [11, 208].

Плеханов отмечает, что после 1848 г. в политической экономии европейских стран относительно «рабочего вопроса» наметились два течения. Представители одной из тенденций в этой науке занимались тем же, чем занимаются сейчас ученые, пытающиеся приспособить науку к нуждам правящего класса — хвалили существующие общественные отношения, отрицали коренную противоположность интересов владельцев капитала и их наемных работников. Второе направление старалось применить политическую экономию к требованиям пролетариата. Это направление представляет Джон Стюарт Милль. Милль был критиком капитализма. Ему не нравились социальное неравенство и бедность пролетариата. «Лечить» эти общественные недуги он предлагал при помощи реформ, в результате которых должны появиться «рабочие ассоциации», а государство займется тем, что сейчас принято называть социальной защитой. Молодые представители «историко-реалистической» школы, которая позже получила название «катедер-социалистов», поддерживали реформизм Милля. А многие пошли дальше него: «Английский ученый все-таки был духовным сыном экономистов-классиков, учеником Смита, Мальтуса и Рикардо. Он не мог и не хотел отказаться от основных научных положений своих предшественников. Теории ценности, ренты, распределения и заработной платы Рикардо, учение о народонаселении Мальтуса — служили фундаментом экономических воззрений Милля, исходным пунктом всех его исследований. “Историко-реалистическая” школа, напротив, была давно уже свободна от “британских преданий”» [8, 190].

Бельгийский профессор Эмиль де Лавелэ, один из лидеров этой школы, так определял ее коренное отличие по отношению ко всей предшествующей политической экономии: «Экономисты но-

вой школы не питают по отношению к государству того ужаса, который заставлял их предшественников называть государство то язвою, то необходимым злом. Для них, напротив, государство — представитель национального единства — является органом высшего права, орудием справедливости. Эманация живых сил и духовных стремлений страны, государство обязано благоприятствовать ее развитию во всех направлениях» [8, 190; 12].

С точки зрения представителей катедер-социалистов государство представляет собой живой экономический организм. Плеханов выдвигает возражения, указывая на то, что государство не представляет собой нечто однородное, и настаивает на том, что «между индивидуумом и государством стоит класс». Государство не воплощает в себе идеи о высшем праве и справедливости. Пока общество разделено на классы, государство всегда представляет интересы одного из них. Плеханов не устраивает «короткая память» катедер-социалистов, забывших борьбу буржуазии с феодалами и игнорирующих классовый вопрос. Более того, он настаивает на том, что не экономические отношения общества определяются государством, а наоборот, с изменением отношений становится другим государство: «Медленно и незаметно, но неуклонно и “неукоснительно” совершаются изменения в фактических отношениях сил различных общественных классов, пока, наконец, эти изменения не достигнут известной степени интенсивности. Но раз необходимая степень этих изменений достигнута — и только когда она достигнута — государственная организация в свою очередь подвергается переустройству, становится воплощением новых идей и принципов» [8, 194].

Катедер-социалисты уповали на буржуазию, которая непонятно почему, наверное, под действием проповеди катедер-социалистов, должна начать заботиться о пролетариате. Она должна поднимать заработную плату выше той минимальной планки, которую определяет «железный закон», строить комфортные отели для рабочих, где у них было бы жилье, пища. Дескать, рабочие приблизятся к буржуазии в условиях жизни и в своем культурном отношении. Плеханов разбивает эти фантазии указанием на то, что история капитализма показывает, что не рабочие становятся ближе к буржуазии, а напротив, часть буржуазии становится пролетариатом, утра-

чивая свои капиталы. Да и к тому же, в отличие от экономистов с их добрыми пожеланиями, капиталисты прекрасно понимают, что чем меньше они платят заработную плату, тем больше прибыли остается в их руках. Рассказы катедер-социалистов о «социально-ответственном» бизнесе, который заботится о пролетарии из чистого альтруизма, Плеханов поднимает на смех, указывая, что вообще-то главная цель бизнеса — принесение прибыли его владельцу.

Такое утопическое упование на буржуазию шло в паре с отрицанием трудовой теории стоимости. Катедер-социалисты предлагали дополнить ее субъективной оценкой той выгоды, которую покупатель получает от товара. Плеханов возражает им, указывая, что производство товаров, обладающих стоимостью, определяется общественным разделением труда и предлагает изучить действительную историю этого процесса, а не пытаться разбирать стоимость исходя из индивида и его субъективных представлений по поводу «выгоды».

Еще одной важной политэкономической работой раннего периода творчества Георгия Валентиновича Плеханова была «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова». Это тот самый экономист, в плагиате у которого обвиняли Маркса. В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс специально разбирает это обвинение, которое после его смерти распространяли немецкие катедер-социалисты, ставшие «государственными социалистами». Родбертус утверждал, что именно он открыл тайну происхождения прибавочной стоимости из неоплаченного труда рабочих. Но эта «премудрость» вовсе не составляла ни открытия Родбертуса, ни открытия Маркса в области политической экономии. Она была известна еще Адаму Смиту. На это в свое время указывал Маркс, а вслед за ним и Энгельс [5].

Плеханов тоже говорит об этом обвинении в плагиате и отбрасывает его. Тем не менее он считает Родбертуса самобытным, интересным социалистическим мыслителем, с наследием которого стоит познакомиться. Популярность Родбертуса Плеханов объясняет тем, что для социальных консерваторов на фоне Маркса Родбертус выглядит как меньшее из зол.

Родбертус точно так же, как и Маркс, является сторонником трудовой теории стоимости Смита и Рикардо. Свою теорию он

строит, отталкиваясь от мысли классиков, что стоимость создается трудом и только трудом. Он тоже является критиком капитализма. Он видит, что капитализм порождает социальные бедствия. Эти бедствия ужасают и возмущают его. Родбертус сетует на то, что размер зарплаты не дает рабочим возможности получить достаточное образование. Этот размер противоречит тому формальному равенству, которое декларируется в праве. Он хочет улучшить жизнь рабочих, пытается найти «рецепт» излечения социальных недугов. Корень зла он видит так: «Вся суть социального вопроса именно в том, по его мнению, и заключается, что возрастание производительности труда не сопровождается пропорциональным ему увеличением заработной платы. “Я убежден, — говорит наш автор, — что плата за труд, рассматриваемая как часть продукта, падает по меньшей мере в той же, если еще не в большей пропорции, в какой увеличивается производительность труда”» [9, 235; 10].

Согласно Родбертусу, богатство лица или класса — это его доля в общей массе, произведенных обществом продуктов. Распределение этих продуктов он и считает неправильным. Именно снижение доли заработной платы в произведенном продукте приводит к экономическим кризисам. То есть он исходит не из производства, которое само является распределением и определяет распределение продуктов через распределение деятельности, а из распределения уже созданных обществом продуктов. Положение о том, что распределение является в первую очередь распределением деятельности в непосредственном процессе общественного производства и лишь вследствие этого является распределением продуктов этой деятельности, было известно еще Кенэ и легло в основу его экономической таблицы. Оно было общим местом для Адама Смита и Давида Рикардо. Однако Родбертус не останавливается на критике отдельных, пусть даже и таких фундаментальных положений. Он критикует сам метод политической экономии: «Вместо того, чтобы исходить из признания того факта, что разделение труда связывает общество в одно неразрывное хозяйственное целое; вместо того, чтобы объяснять отдельные общественно-экономические понятия и явления с точки зрения этого целого; вместо того, чтобы понятия о национальном (общественном) имуществе, национальном производстве, национальном капитале, национальном доходе и его разде-

лении на поземельную ренту, прибыль и заработную плату — эти общественные понятия — поставить во главе своих исследований и с помощью их объяснить положение и роль индивидуумов, — наука о народном хозяйстве поддалась влиянию индивидуалистических стремлений нашего времени. Она разорвала на клочки то, что, благодаря разделению труда, составляет одно социальное целое, что не может и существовать иначе, как целое; и от этих клочков, от экономической деятельности индивидуумов она старалась возвыситься до понятия о целом» [9, 240; 10].

Хотя Плеханов в своем разборе этого не приводит, мы здесь заметим вслед за Марксом, что политэкономия уже проделывала это движение. В первоначальном введении к «Капиталу» Маркс присматривался к нему. Он говорит, что только кажется правильным начать с реального конкретного целого. Но потом оказывается, что это «целое», например, население страны, это всего-навсего абстракция, если мы отвлекаемся от классов. А если говорить о классах, то нужно говорить об отношениях наемного труда и капитала. Таким образом, если начинать с общего представления о целом, придется идти в глубь его ко все более и более узким понятиям. А потом от этих понятий нужно идти к воссозданию целого: «Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Экономисты XVII столетия, например, всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.» [3]. То есть Родбертус предлагает проделать политэкономии уже пройденный ею исторический путь.

Далее, обращаясь к классической политической экономии, Плеханов, вслед за Родбертусом, коротко и ясно излагает трудовую теорию стоимости. Товар стоит труда и только труда. Его стоимость создается осуществленным в его производстве общественно-необходимым трудом. Если товар — продукт труда многих людей, его стоимость определяется трудом всех этих людей. К ней присоединяется та часть стоимости орудий, которую они утрачивают в производстве, и стоимость использованного в производстве сырья.

А стоимость сырья и орудий также создается только человеческим трудом.

Однако в каждом отдельном случае товар, по мнению Родбертуса, может продаваться и выше и ниже его стоимости не только в результате простых колебаний спроса и предложения. Но и потому что: «Эти отклонения от нормы вызываются, по его мнению, двумя причинами:

- 1) тем, что прибыль капиталистов “имеет, по крайней мере, тенденцию сделаться равной во всех предприятиях”;

- 2) тем, что меновая стоимость продуктов данного рода определяется количеством труда, необходимого на их производство в тех именно предприятиях, которые вынуждены работать при наименее благоприятных условиях» [9, 261].

Плеханов рассматривает экономическое учение Родбертуса — теорию ренты, которая была самым слабым его местом, его размышления по поводу распределения национального дохода, его понимание капитала, его теорию экономических кризисов. Но особое внимание Георгий Валентинович уделяет его «социалистическим» рецептам. Пороки современного общества Родбертус предлагает искоренять при помощи государства. Именно государство, по мнению Родбертуса, должно привести общество к социалистическому «будущему всемирно-историческому периоду» мирным путем [9, 326].

Родбертус в понимании роли государства сходится с Лассалем. Но Лассаль считал, что проводить политику по улучшению жизни пролетариата государство будет только под напором пролетариата, организованного в политическую силу, если у пролетариата будет сильная партия. Родбертус, наоборот, говорил о вреде политической агитации. Она нарушает общественное спокойствие, необходимое для решения социального вопроса. Родбертус надеялся на то, что реформы начнет осуществлять высокопоставленный государственный деятель. Можно только вообразить, какие чувства такие рассуждения вызывали у Георгия Валентиновича Плеханова — человека, который учился любить государство в «Земле и Воле». Вот что должно делать государство по Родбертусу:

- 1) ограничить рабочее время;
- 2) поставить продолжительность труда в соответствие с его

интенсивностью и сделать рабочий день короче в более утомительных отраслях производства;

3) установить норму производительности труда для каждой из отраслей производства; рабочий, который делает больше, должен и получать больше, в итоге эта норма приводит к поштучной, т. е. сдельной зарплате;

4) пустить в обращение так называемые «рабочие деньги»; на них обозначать количество отработанных рабочих дней, ими хозяева должны расплачиваться с рабочими, а рабочие на них покупать товары;

5) государству следует давать кредиты предприятиям этими «деньгами», а возврат получать продукцией.

Все эти меры Родбертус предлагает осуществлять, сохранив «на время» частную собственность.

Мы отметим здесь, что в девятнадцатой главе первого тома «Капитала» Маркс специально разбирает вопрос о поштучной заработной плате. В отличие от Родбертуса, он не видит в ней ничего социалистического или ведущего к социализму. Для него это та же повременная заработная плата, но в другой форме, которая позволяет капиталисту эффективнее эксплуатировать пролетария. Разобрав вопрос о поштучной заработной плате подробно, опираясь на факты, Маркс сделал такой вывод: «Из всего вышесказанного вытекает, что поштучная плата есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства» [4].

«Рабочие деньги» Родбертуса сильно напоминают «рабочие деньги» Прудона. Того самого Прудона, которого Маркс жестко и весело раскритиковал в небольшом памфлете «Нищета философии» [6]. В подготовительных рукописях к «Капиталу» Маркс снова возвращается к разбору его учения. Он специально рассматривал вопрос о несостоятельности прудоновской концепции «рабочих денег». Маркс показал, что деньги — необходимый результат товарной формы продукта (еще в первой главе «Капитала»), а вся теория рабочих денег основана на путанице, вызванной непониманием необходимой связи товара и денег. На это в своей критике указывает и Плеханов.

После детального рассмотрения Плеханов выносит свой вердикт мерам Родбертуса по переходу к социализму:

«Наконец, — и это главное, — в основе их лежит недостаточно выясненное понятие о сущности современного производства. Он хочет сохранить это производство, устраняя необходимейшие его условия, хочет товаров без денег, “буржуазии без пролетариата”. Если эта неясность понятий повредила много его теоретическим исследованиям, то она лишила всякого значения его “практические предложения”» [9, 364].

Таким образом, Плеханов не только познакомил русского читателя с историей английской политэкономической мысли и критикой политической экономии в работах Маркса, не только осуществил продуктивную переработку наследия немецких экономистов «реалистической школы» и Родбертуса, он также проследил и показал генетическую связь между теми или иными политэкономическими воззрениями — тем или иным пониманием политэкономических категорий и метода политической экономии и выросшими на базе этих взглядов теориями буржуазного социализма. Это послужило дальнейшему осмыслению политэкономической проблематики в России.

Литература

1. *Ленин В.И.* Марксизм и ревизионизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. 5-е изд. М.: Изд. полит. литературы, 1968. С. 15—26.
2. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. 5-е изд. М.: Изд. полит. литературы, 1968.
3. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов): URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html#n1> (дата обращения: 30.03.2023).
4. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1960.
5. *Маркс К.* Капитал. Т. 2: URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital2/kapital2-00.html#c0.1> (дата обращения: 02.03.2023).
6. *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Изд. полит. литературы, 1955. С. 65—185.

7. Плеханов Г.В. Об издании Русской Социально-Революционной библиотеки // Плеханов Г.В. Соч. 3-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1922. С. 137—149.

8. Плеханов Г.В. Новое направление в области политической экономии («Отечественные записки», ноябрь, 1881 г.) // Плеханов Г.В. Соч. 3-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1922. С. 168—215

9. Плеханов Г.В. Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеца («Отечественные записки» 1882—1883 гг.) // Плеханов Г.В. Соч. 3-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1922. С. 216—364.

10. Родбертус-Ягецов К. Zur Erkenntnis unserer staatswirthsch. Zustände. S. 25 // Плеханов Г.В. Соч. 3-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1922. С. 216—364.

11. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Изд. полит. литературы. С. 185—230.

12. De Laveleye Em. Le socialisme contemporain par // Плеханов Г.В. Соч. 3-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1922. С. 168—215.

References

1. Lenin V.I. Marksizm i revizionizm // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 17. 5-e izd. M.: Izd. polit. literatury, 1968. S. 15—26.

2. Lenin V.I. Materializm i empiriokriticizm // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 18. 5-e izd. M.: Izd. polit. literatury, 1968.

3. Marks K. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisej 1857—1858 godov): URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Vved/vved.html#n1> (data obrashcheniya: 30.03.2023).

4. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 23. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960.

5. Marks K. Kapital. T. 2: URL: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital2/kapital2-00.html#c0.1> (data obrashcheniya: 02.03.2023).

6. Marks K. Nishcheta filosofii // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 4. M.: Izd. polit. literatury, 1955. S. 65—185.

7. *Plekhanov G.V.* Ob izdanii Russkoj Social'no-Revoljucionnoj biblioteki // *Plekhanov G.V. Soch.* 3-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. S. 137—149.

8. *Plekhanov G.V.* Novoe napravlenie v oblasti politicheskoy ekonomii («*Otechestvennye zapiski*», noyabr', 1881 g.) // *Plekhanov G.V. Soch.* 3-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. S. 168—215

9. *Plekhanov G.V.* Ekonomicheskaya teoriya Karla Rodbertusa-YAgecova («*Otechestvennye zapiski*» 1882—1883 gg.) // *Plekhanov G.V. Soch.* 3-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. S. 216—364.

10. *Rodbertus-YAgecov K.* Zur Erkenntnis unserer staatswirthsch. Zustände. S. 25 // *Plekhanov G.V. Soch.* 3-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. S. 216—364.

11. *Engel's F.* Razvitie socializma ot utopii k nauke // Marks K., Engel's F. *Soch.* 2-e izd. T. 19. M.: Izd. polit. literatury. S. 185—230.

12. *De Laveleye Em.* Le socialisme contemporain par // *Plekhanov G.V. Soch.* 3-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. S. 168—215.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Иное — перводвигатель неизвестной мудрости*

Аннотация. Исследуются апофатическая методология, ее действие в религии и философии.

Анализируется вариант апофатического метода в учении об идолах (призраках) в философии Ф. Бэкона с выходом на современные идолопроявления. «Идолы рода» представляют общие заблуждения, вытекающие из самой сущности разума, абсолютизирующего свою наличную разумность и недооценивающего скрытый ум неизвестности, действующей посредством Иного. «Идолы пещеры» представляют заблуждения, обусловленные менталитетом людей, судящих о мире через когнитивные щели своих кастовых, сословных, групповых и профессиональных «пещер». Иное взрывает пещерность мысли посредством апорий, антиномий, парадоксов. «Идолы площади» представляют заблуждения, обусловленные самим языком, который не может адекватно выразить целостность истины, предоставляя полноценные услуги и лжи. Иное корректирует неточность языка и слов устной, живой речью. «Идолы театра» выражают заблуждения, обусловленные авторитетами, которые подменяют реальность правдоподобными копиями. Иное требует обращения к оригиналу разума.

Посредством смысловой аскезы Иное совершенствует разум и язык. Апофатическая программа Иного нацелена на тотальное очищение сознания и разума для новых ментальных и логических построек.

Ключевые слова: апофатический метод, Иное, разум.

Abstract. The article investigates the apophatic methodology, its action in religion and philosophy. The article investigates the development of the apophatic method in the doctrine of idols (ghosts) in F. Bacon.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Иное — перводвигатель неизвестной мудрости // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 173—187. DOI: 10.5281/zenodo.10675412.

con's philosophy with access to their modern manifestations. «The genus idols» represent general delusions arising from the very essence of the mind overestimating its available intelligence and underestimating the hidden mind of the unknown acting through the Other. «Cave idols» represent misconceptions due to the people mentality judging the world through the cognitive holes of their caste, class, group and professional «caves» Another blasts the cavernousness of thought through aporia, antinomia, paradoxes. The «square idols» represent delusions due to the very language that cannot adequately express the integrity of truth providing full services and lies. The Other corrects the inaccuracy of language and words by digitalization, geometrization, facial expressions, intonation. «The theater idols» shows misconceptions caused by authorities representing acting roles that replace reality with copies. The Other requires an appeal to the original of the mind which does not yet have copies.

Apophatic method reveals idols, patterns that captivate the mind; looks for their causes which is the absolution of the small successes of the mind; indicates the unknowable, not expressed in the language realities that are formalized and act as the Other; through semantic penance, the Other improves reason and language. The apophatic program of the Other is aimed at the total purification of consciousness and mind for new mental and logical buildings.

Keywords: apophatic method, the Other, mind.

УДК 111

ББК 65в

Дионисий Ареопагит создал уникальную сакральную методологию, необходимую для изучения любых реалий. Эта методология содержит в себе два пути богопознания — катафатический и апофатический.

Катафатический метод описывает Бога посредством положительных качеств и определений, которые, как полагает человек, наиболее полно и точно соответствуют его сакральному величию. Например, Бог есть «Путь», «Истина»; Бог есть «Милосердная», «Всезнающая», «Всемогущая», «Вездесущая», «Благая Личность».

Апофатический метод требует осознания всех относимых к Богу качеств и определений как неточных, неполных, а то и неправильных, а потому они последовательно отбрасываются с целью получения все более полного ответа на вопрос «Что Бог не есть?» («Что есть Бог за рамками творения и человеческих определений?»). В итоге сознание умозрительно погружается в божественную тайну, хранящую подлинный образ Бога.

Поскольку Бог выше любых сотворенных ралий, несоизмерим с ними, то он адекватно невыразим в любых идеях, суждениях, учениях разума, в словах языка. Он выше доказательств и аргументов, независим от фактов, опыта и всех авторитетов. Бог есть Мудрость Великой Неизвестности, а потому он не вмещается в любые предметные, словесные и рациональные формы, хотя насыщает их в разной мере своими плодоносными и смысловыми энергиями

Апофатический метод, согласно Дионисию, выше катафатического, и разум должен пройти когнитивную аскезу апофатики, очиститься от шаблонов, благожелательных мнений, чтобы войти в сферу творящих оснований бытия, обрести умение созерцать Истину. Мысль в контексте апофатики остается с Творцом без посредников, символически и умозрительно питаюсь, обогащаясь его смысловыми энергиями.

Апофатический метод в процессе богопознания выполняет просветительские, судебно-критические и творящие функции. Он выявляет неизвестный ум, факторы, которые уже действуют в сфере мысли, но еще не осознаны разумом. Апофатический метод очищает ментальный мир, выявляя в нем устаревшие представления, шаблоны и стереотипы мысли, закрывающие от нее истину. Используя алгоритмы отрицания («НЕ ТО»), он созидает посредством них идеально-смысловые пути к истине.

Апофатический метод в ходе своей работы оценивает соответствие качеств, атрибутов, приписываемых Богу, реальным фактам сотворенного мира. Так, Бог всеведущ и мудр, но откуда и зачем глупость и суеверия? Бог есть Истина и Жизнь, но откуда и зачем заблуждения и смерть? Бог благой, но откуда и зачем жестокость и страдания? Откуда и зачем нужно зло Всеблагову? Эти негативные реалии вроде отрицают Бога, но они находятся не вне его власти, а служат орудиями его замысла и промысла. Зло не вне

ведения Бога, но, видимо до срока, роль, место и функции зла в творении не ведомы ни злым, ни добрым.

Размышление над такими сакральными парадоксами, алогизмами, фактуальными несоответствиями позволяет содержательно изучать творение, возникновение реалий зла, а в итоге дают более глубокое понимание Бога, чем позитивное богословие. В мире Бога зла нет, а в мире творения оно необходимо как одно из его движущих начал. Бог вне негативных реалий, так как в нем они подчинены благу. Поэтому «вычитание» посредством апофатики позитивных качеств Бога выявляет его статус как Творца. Положительные же суждения не соответствуют Богу, так как они минуют его тайну, не улавливают его трансцендентные измерения.

В составе апофатического метода «НЕТ» («НЕ ТО») сильнее, богаче, чудотворнее и плодотворнее, чем «ДА», и в нем при изучении минусов большую прибыль получают плюсы. Творческая жажда «НЕТ» спонсирует бытие, порождает его содержание, служит движущей силой его изменений. «НЕТ» содержит в себе понимание, сожаление, суд, милосердие Бога, мыслящего апофатическими категориями, противоречащими человеческой мудрости. «НЕТ» намекает, что глупость, страдания, жестокость, пороки, абсурд служат необходимым сырьем жизни.

Почему, несмотря на всю борьбу человечества с негативом зла, оно сохраняется, воспроизводится, даже умножается? Потому, что в нем содержится неведомый позитив, требующий своего признания. А почему позитив со временем теряет основания и переходит в режим разрушения? А потому, что в нем работает негатив, не признаваемый фактором реальности.

«НЕТ» охватывает не только наличные реалии, но и те факторы, которые еще не стали позитивом логики. А «ДА» не видит в своем составе кротов времени, подрывающих его бытие. «Не знаю» богаче смыслами и знанием, чем «Знаю», которое всегда переполнено иллюзиями, в то время как «Не знаю» свободно от них. В апофатическом методе «разум» выступает как умозрение, в котором логичность опирается на креативные силы интуиции.

И для решения своих стратегических задач — выявлять позитив в негативе и негатив в позитиве — апофатический метод использует тайного сотрудника, с помощью которого он выполняет

творящие и судебно-критические функции, вовлекая ментальный мир разума в непрерывное обновление, создавая испытательные контексты для положительных суждений разума. Апофатический метод требует учитывать беспокойный негатив бытия и мысли, посылая человеку в помощь особого спецagenta.

Таким тайным спецagentом, оперативником апофатического метода является идеалреалия «Иное». Посредством Иного апофатический метод вовлекает все идеальные, материальные, знаниевые реалии в режим поиска ими своей адекватной идентичности. В составе апофатической методологии Иное действует как ангел-спецназовец, как герменевтический ангел, принуждающий все реалии искать свою идентичность и в негативе. Иное — сакральная тайна неизвестного разума, действующего как ангел, исполняющий сакральную волю, сокрытую в отрицании.

В любом деле есть, должен быть свой «спецназ», который включается в работу тогда, когда нужны радикальные действия, радикальные инновации для исправления ситуации, дела и людей. Иное есть категория, обобщенно выражающая работу спецназа бытия и мысли в сфере Запределья.

Иное является основным реализатором, агентом, критиком апофатической методологии, проверяя постоянными изменениями все определения, обнуляя их когнитивные претензии на цельное знание, служащее источником новых, грядущих определений. Иное — апофатический пророк, переводящий отрицательные суждения в режим отрицания отрицания, проверяя смысловую и бытийную идентичность всех реалий, вынуждая их изменяться.

Апофатика превращает неизвестность, действующую посредством Иного, в орудие познания последних глубинных отношений мира и человека. Иное в контексте апофатики ведает силами Бога и дьявола, вечности и времени, истории и бытия, вынуждая все реалии следовать сакральной воле, всегда быть готовыми к взаимодействиям с отрицаниями. Бог выше добра и зла, выше любых отрицаний и *противоречий*, которые он в нужные сроки преобразит в *единоречия бытия и жизни*.

Апофатическая методология значима во всех сферах человеческой жизнедеятельности. В общем плане она представляет «технологию» работы целостного разума, действующего в известных и в

неизвестных формах. Сам разум своим бытием обязан апофатическому методу. Ведь разум реализует свою разумность лишь в борьбе с иррациональными стихиями неразумия. Вера, мораль, искусство по своей природе суть иррациональные реалии; более того, в них разум используется в качестве средства их иррационально-смысловых императивов. Разум в противоборстве с иррациональностью, питается ее скрытыми энергиями, хотя в своей рефлексии он считает ее абсолютным злом. Применима, работает апофатическая методология в научном и философском познании.

Уже при самом возникновении европейской науки один из ее основателей, Ф. Бэкон, провозгласил апофатику основным методом науки, полагая, что она содержит в себе универсальные алгоритмы познания любых реалий. Он призывал ученых сосредоточивать свое внимание не на тех фактах, которые подтверждают их гипотезы и теории, а на тех, которые противоречат им, несовместимы с ними, отрицают их. Конкретизируя апофатическую программу, он разработал метод изгнания «идолов» искажающих познание. Он разделил их на четыре большие группы по признакам и причинам их происхождения [1, 18].

1. *Идолы рода* — заблуждения, связанные со спецификой восприятия и мышления, присущие всему человеческому роду. Так, например, человек в своих размышлениях и делах склонен понаущению разума и чувств оценивать позитивные явления больше, чем они заслуживают, и недооценивать разум, действующий в неизвестности и негативных явлениях.

Ф. Бэкон иллюстрирует эту предвзятость чувств и разума историей. В портовом городе стоит церковь, при ней музей, в котором собраны дары тех, кто попал в корабельные катастрофы, кто молился и остался в живых. Один посетитель удрученно спросил: «А где дары тех, которые молились, но не спаслись?». И этот вопрос более продуктивен для мореплавания, чем все дары спасшихся молеельщиков, так как он нацелен на совершенствование кораблей, техники безопасности, обогащая разум новыми опытами и творениями.

Апофатический метод показывает, что позитив очевидности очень часто бывает обманчив, скрывая таящиеся в ней угрозы, фактически отключая критическую силу разума. «Каков дневной свет для летучих мышей, таково для разума то, что по природе очевид-

нее всего» (Аристотель). «Как трудно видеть то, что ясно вижу» (Шекспир). «Что труднее всего? Видеть то, что лежит перед глазами!» (Гёте).

Однако благодаря Просвещению абсолютизация логического разума стала последним «родовым идолом» и современного человечества.

Есть чувственный разум, создающий образы (изображения, фотографии). Есть логический разум, создающий абстракции, концепции и термины. Но есть умозрительный, интуитивный разум, выявляющий смысловые истины, и в нем логика и чувства, свобода и необходимость, закон и случай совпадают. Этот разум познает не физическими, а умными очами, очами ума, умозрением. Интеллектуальная интуиция позволяет уму схватывать неизвестность, сущее. «Я вижу *умными очами*: Колумб Российский между льдами. Спешит и презирает рок» (М.В. Ломоносов). Превосходство над роком может увидеть лишь ум, ставший глазами.

Интуитивный ум оценивает, судит, корректирует чувственный и логический ум, разрушая его идолы, обогащая его своими смысловыми полуфабрикатами до уровня знаниевых прозрений. Логика необходима в исследованиях, при изложении их результатов, но в творческом слиянии субъекта и объекта, разума и чувств царит свобода, преобразующая неопределенность в смысловые формы понимания. В интуитивном разуме логика служит средством свободы и смысла, зависит от них.

Логика выражает закономерность разума, выводов мысли. Она «судит», «осуждает», «умо-заключает», а интуитивный ум выражает творчество мысли, создающей совместно с творчеством сакральной воли мир и воссоздающей себя.

Логический разум приносит пользу, благие плоды. Но и обман, ложь, невежество, заблуждения, глупость, иллюзии тоже приносят пользу, и возникают они не без участия этого разума. Даже смерть и безумие возникли не без помощи логического разума, открывшего им путь в мир жизни. Полностью преодолеть эту деструкцию логического разума невозможно, но размышления над неразумием ограничивает мрак и невежество в его ментальном доме. Борьба с болезнями, страданиями, неразумием и безумием по-

рождает более высокие и эффективные виды разума и жизни, чем наслаждения и радости от логики ума и здоровья.

Поэтому Ф. Бэкон требовал не мириться с идолами, выражающими деструктивность разума, а преодолевать их на путях апофатки, выявляя, изучая противоречащие разуму факты, представления, обогащая интуитивным умом когнитивный потенциал истины.

Деструктивность логического и чувственного разума — его несоответствие фактам и своей же логике — двойственная. Она выражает заблуждения, уклонение от истины. Но в то же время эта деструктивность содержит в себе и еще не выявленное содержание истины, еще не узаконенные умения самого разума, новые смысловые горизонты, которые открывает разум интуитивный. Новозаконие логического и чувственного разума вначале рождается внутри интуитивного разума, преобразующего беззаконие, отрицания в новые смыслы и реалии бытия.

Логический ум создает абстрактные объекты, которые незаметно поработают его, отвлекают его от творческой работы по выработке смыслов, понимания, живой мысли. Чувственный ум создает изображения, которые превращаются в идолов и кумиров, пленяющих творческие силы ума, забывающего, что лучше гор могут быть только горы, на которых он еще не бывал. Логический ум и чувственный ум становятся пленниками своих преходящих дов¹. Нужна сила, которая освободила бы разум от рабства у своих плодов и обратила бы его к творческой работе в познании мира. Такой силой является Иное, которое служит основным агентом интуитивного, понимающего разума.

Чувственный разум и логический разум всецело и однозначно доверяют своим образам и абстракциям, а потому им не ведомо Иное. А вот интуитивный разум работает по велению апофатических императивов Иного, которое вынуждает мысль изменяться, преображаться в непредвиденные, в непредсказуемые сверхлогические, сверхфактические решения, дела, реалии. Иное принуждает

¹ «Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия знаний. Логика, которой сейчас пользуются, скорее служит укреплению и сохранению заблуждений, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна» [1, 13].

однозначный логический и образный разум выражать многозначное, многополярное, многосмысловое, неопределенное и неизвестное содержание мира, движимого жадной сакральной, бытийной и человеческой свободы. Апофатический метод требует учитывать беспокойный негатив, посылая человеку в помощь спецagenta «Иное». А поскольку Россия есть онтологический, институциональный орган Иного, то она и является частью перводвигателя этой неизвестности в истории.

2. *Идолы нещеры*, согласно Бэкону, представляют заблуждения, обусловленные когнитивными ограниченностями кастового, сословного, классового, группового и профессионального менталитета.

Например, у Маркса закон стоимости гласит, что цена товаров определяется средним количеством абстрактного труда, общественно необходимого для их производства. Однако моральные, религиозные, правовые, художественные ценности, вообще плоды духовного творчества невозможно измерять количеством необходимого общественного труда, хотя в условиях товарного мира они тоже имеют цену. Деятельность военных, управленцев, юристов, священников, работников искусства и СМИ (не забыть блогеров, актеров, спортсменов) создает товары, которые невозможно измерить количеством необходимого труда, затраченного на их создание, хотя эти занятия измеряются деньгами как некие товары.

По какому же закону обмениваются в товарном мире духовные ценности, идеальные реалии, без которых невозможен человеческий мир?

Выдающийся русский ученый, Ю.М. Осипов в своей книге [2], исходя из противоречия, что самые важные для человека ценности не подчиняются закону стоимости, сделал обоснованный вывод о том, что есть более общий фактор, оценивающий саму стоимость. Стоимость определяется и вменяется посредством коллективного сознания, устанавливающего на своих идеальных весах произвольную (но не любую) цену товаров. Стоимость оказывается лишь посредником между живым, актуальным сознанием и любыми плодами человеческой деятельности.

В условиях антагонистического общества сама наука становится во многом разновидностью классово-профессиональной

идеологии, т. е. пещерного идологизма, трактующего факты и концепты с позиций ограниченного практицизма и логицизма, а не истины.

Наука не видит, что реальным предметам присущи не только научные свойства — закономерности, но и ненаучные — спонтанные, случайно-хаотические акции и аномалии. Наука видит в предметах прогнозируемые проявления законов, но сами предметы есть проявления творящей свободы, побуждающей их двигаться по непредсказуемым траекториям, проявлять непредвиденные качества, оставаться неизвестными.

И эти свободные проявления предметной свободы исследует интуитивный разум метафизики, обогащающий логический разум науки. С позиции чистой науки стоимость есть количество общественно необходимого труда, а с позиций метафизически окормляемой науки стоимость есть совместный творческий акт бытийного, сакрального и человеческого сознания, акт, регулирующий меру расходования времени и жизни, цену нашего пребывания в бытии.

Все категории науки есть классово-пещерные схемы, изображающие вещи в качестве абстракций искусственного мира. А животворная начинка этих абстракций остается в интуитивном разуме. Стоимость производна от категорий «стоять», «достоинство», представляющих сакральные измерения человеческой деятельности. Узкое, «пещерное» значение стоимости не нужно отрицать, но не нужно и забывать ее широкий смыслотворный смысл. В науке работают «пещерные умы» логики, а в метафизике интуитивные умы бытия и человека. Наука, превращая реальность в нечто искусственное, сама становится искусственным институтом, который отрицает себя вместе с человеком.

Как проявляется и действует Иное в контексте идолов пещеры? Иное загоняет логический разум в апории («Ахилл не обгонит черепаху»), в антиномии («Мир конечен и мир бесконечен»), в неразрешимых парадоксах, которые не повинуются логике, отстаивая смысловое достоинство истины.

В алогических структурах иррациональности таятся единоречия, которые доступны лишь интуитивному разуму, который посредством Иного испытывает позитив бытия на его действительность.

Иное в качестве интуитивного разума вместе с Ахиллом обгонит черепаху, так как оно движется совместно с героем, созидая тот самый путь, который ему предстоит одолеть. Иное в качестве интуитивного разума преобразует кантовские антиномии в части целостной первореальности.

3. *Идолы рынка* — это ошибки, проистекающие от несовершенства языка, выражающего целостность вещей и смыслов в частной многозначности слов.

Ф. Бэкон не признает мнения об особой мудрости языка, который якобы «умнее» говорящих на нем людей. Бэкон подчеркивает несовершенство любого языка, о чем свидетельствуют, в частности, «лингвистические провокации», подлежащие ведению уголовного права.

Да, слова выражают, представляют содержание предметов и мысли, но они и искажают его. Язык и точен и многозначен, и раскрывает и скрывает, и представляет и подменяет, и выставляет и «подставляет» реальность. «Мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев).

Кажется, что язык вовсе не предназначен для выражения истины, о чем говорит семантический парадокс «Лжец», сформулированный Евбулидом, учеником Сократа. Один критянин якобы сказал: «Все критяне лгут». Истину или ложь сказал этот злоречивец?

Если этот критянин сказал правду, то его суждение ложно, так как он сам критянин. Если же он солгал, то его суждение становится истинным, так как все критяне, по определению, воистине лгут.

Этот парадокс выражает объективную несоизмеримость истины и языка, невозможность адекватно выразить истину в языке, так как она стоит выше грамматики и семантики. Истина — это не проблема языка, а объективная реалья, которую язык выражает приблизительно. Точно также язык предоставляет все возможности для выражения лжи, иллюзий, фейков, не ставя никаких преград для проникновения в его мир антиреалий, произвольных словесных конструкций.

Парадокс обусловлен объективной реальностью, в которой существует еще Иное, действующее посредством истины и заблуж-

дений. Именно Иное представляет контекст, в котором главным действующим лицом служит *смысл*, определяющий бытийно-познавательный статус истины и лжи. Поэтому в контексте Иного первичным в парадоксе «Лжец» является суждение: «Большинство критян говорят правду». И в свете этого суждения парадокс исчезает, хотя отдельные критяне могут заблуждаться, а некоторые могут даже обогатить весь критянский этнос. Вне Иного остается непостижимым то, каким же образом лжи удастся получить у истины лицензию на свою деструктивную деятельность. Иное дает лицензию лжи, чтобы она выражала негатив истины. Иное это не вещи, не люди, не идеи, не буквы, а знаки неизвестности, создающей формы вещей, людей, общений.

Как можно улучшить точность слов языка? И здесь на арену исследования выходит таинственное Иное, предлагая свои алгоритмы уточнения многозначности языка.

Пифагор предлагал усилить точность мыслей и терминов путем перевода словесных выражений в форму чисел и геометрических фигур, позволяющих выражать невыразимое в словах содержание знания. Понять — значит выявить три начала, создающие элементарную геометрическую фигуру — треугольник. «Узрите треугольник, и проблема на две трети решена. Все вещи состоят из трех» [3, 224]. Но самая важная треть решения любой проблемы остается за живой импровизацией Иного, работающего с невыраженными и невыразимыми в языке творческими мыслями.

Сократ считал, что наиболее точным является устное знание, выраженное в живой речи, которая позволяет сразу же исправлять отклонения знания от смысловых норм истины.

Язык сам по себе не может адекватно выражать истину, а вот все увертки глупости, лжи он обслуживает. Но другого, столь же универсального и приспособленного средства для выражения чувств, мыслей, видимых и невидимых реалий, у человека нет. Поэтому язык нужно оценивать значениями высшими, смысловыми реалиями Иного, независимого от языка.

4. *Идолы театра* представляют ошибки, возникающие вследствие слепого доверия к авторитетам и общим мнениям. Бэкона не смущает авторитет Аристотеля, создавшего логику в качестве Органона всех наук. Он допускает в его учении фундаментальные

ошибки, которые завлекли ум в дебри схоластики, так как ошибки Великих всегда великие и трудноисправимые. Поэтому для нахождения нового перспективного пути жизни разум всегда должен начинать исследование с нуля, чтобы использовать всю полноту своих сил. Для изучения по каждой теме всех своих предшественников не хватит жизни, а практика постоянно требует свежих и плодотворных подходов. Для каждого исследования разум должен писать и составлять свой новый Органон, а затем находить тех ученых, которые начали двигаться тем же путем, но в силу различных причин остановились.

Для преодоления идолов театра разум должен обращаться к началу, когда авторитетов еще не было, а было Иное — действие неизвестности посредством разума в качестве творящей причины. Иное всегда начинает работу с нуля, обращаясь к тому, как изучаемая реальность выглядит в глазах Бога? Мифа? Первоума? Какой она была вначале?

Апофатическая программа Иного нацелена на тотальное очищение сознания и разума для новых ментальных и логических построек. Апофатический метод 1) выявляет идолов, призраков, заблуждения, пленившие разум; 2) ищет причины их появления — абсолютизацию малых успехов, побед; 3) указывает непознанные, не выраженные в языке реальности, которые оформляются и действуют в качестве Иного, в качестве живого Икса; 4) посредством смысловой аскезы Иного совершенствует разум и язык.

Хотя выделение негативных реалий разума прямо не порождает новых когнитивных плодов, но истина спонтанно занимает в ментальном мире место, освободившееся от деструктивных представлений. Удаление холода и мрака есть в то же время рост тепла и света. Апофатический метод содержит в себе определенную индуктивную и ментальную аскезу, призванную сломать привычку разума преклоняться перед малым позитивом и недооценивать творческие силы, сокрытые, томящиеся в негативе, проявляющие себя в деструктивных формах.

Исследование негатива, отрицательной стороны бытия дает в итоге прирост содержания позитива и убыль негатива, так как познание есть творческая сила, созидаящая бытие из энергий блага и зла. Конечно, при условии, что исследование ведется с уважением к

бытию, а не с целью его дискредитации. Негатив — опасная, но и плодотворная субстанция. «Копание» в греховной («порочной») стороне бытия должно быть направлено на поиск источника, первоначала зла, корней дуализма, чтобы перехватывать энергии зла и направлять их на благие цели.

Если мы скажем, что ситуация, дела обстоят «так-то и так-то», то обсуждать, изучать такую ситуацию можно, но эти исследование и обсуждение будут не слишком плодотворными. Если же мы скажем, что ситуация и дела обстоят не так как следует, не так, как хотелось бы, не так, как должно быть, то открывается круг более широкого и плодотворного исследования, более разноплановых подходов и методологий.

И вычитание из человека всех его позитивных качеств выявляет его натуру в качестве самоопределяющегося субъекта, умеющего и нормы превращать в орудия творящего бытия. В апофатической методологии не только человек думает о будущем, но и оно само сегодня думает о человеке, решая, куда бы его по его делам пристроить. И решения принимаются в контексте вопроса о том, чем человек не является, вынося за скобки бытия все известные проявления человечности и античеловечности. Человек — это не сакральное, не демоническое, не природное, не социокультурное существо. Единственное, что можно достоверно сказать о нем, что человек есть творение (плод) Великой Неизвестности, и эта его сущность проявит себя в его новых сакральных, демонических, природных и социокультурных формах.

Абсолютизация позитивной (катафатический) методологии, недооценка ее перводвигателя — Иного, превращает философов в знатоков текстов, философию — в текстологию, ученых — в собирателей и знатоков фактов без понимания внутренних смыслов, движущих этими фактами, знаниями, текстами. Апофатическая методология выявляет, созидает смыслы, которые организуются в формы фактов и знаний, служат перводвигателями фактологии и гносеологии. Катафатика имеет дело уже с состоявшимся бытием, а апофатика интересуется бытием становящимся, незавершенным.

Бывают эпохи, когда главным препятствием на пути познания истины становятся плоды, накопленные разумом и логикой. Их позитив уже выработан, и они не позволяют более адекватно прибли-

зиться к истине. И тогда нужна апофатическая работа (генеральная уборка) по тотальному очищению сознания и разума. Апофатика превращает все идеи и методы в когнитивных сфинксов, хранящих в себе неисчерпаемый таинственный Смысл всех смыслов, доступных человеку по мере освоения им алгоритмов апофатики. Апофатический метод и его перводвигатель — Иное — обогащают инструментарий разума, охраняя его от абсолютизации позитива и от недооценки неизвестной мудрости ума, скрытой в отрицании. Выявление незнания в известном оборачивается знанием незнаемого. Апофатика Иного есть крупица смысловой соли, придающая вкус и ценность мыли.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
2. Осипов Ю.М. Экономика как есть (Откровения Зоила, или Судный день экономизма): антипособие. М.: Теис, 2017.
3. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: В 2 т. Т. 1. М.: АСТ, Астрель, 2005.

References

1. Bekon F. Novyj Organon // Bekon F. Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1972.
2. Osipov YU.M. Ekonomika kak est' (Otkroveniia Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma): antiposobie. M.: Teis, 2017.
3. Holl M.P. Enciklopedicheskoe izlozhenie masonskoj, germeticheskoj, kabbalisticheskoj i rozenkrejcerovskoj simvolicheskoj filosofii: V 2 t. T. 1. M.: AST, Astrel', 2005.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

**Диалектическая рациональность и ее связь
с метафизикой***

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятия рациональности в рамках современного синергетического подхода сближения конкурирующих философских мировоззрений. Целью работы становится попытка найти общие точки соприкосновения между двумя методами познания — метафизическим и диалектическим. Решая эту задачу, автор предлагает найти их общее основание, отталкиваясь от которого можно было бы вывести общее понятие рациональности, универсальная форма которого имела бы разное содержание в метафизике и диалектике. Гипотетический синтез когнитивного потенциала обоих методов должен привести не только к пониманию происхождения феномена рациональности, но и продемонстрировать механизм его перехода из метафизического мировоззрения в диалектическое. Основанием для поиска путей объединения онтогонистических полюсов в философских направлениях становится диалектический метод, основанный на законе единства и борьбы противоположностей и принципе дополнительности.

Ключевые слова: диалектика, метафизика, рациональность, идея, принцип, схема, структура, образ, истина, знание.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of rationality within the framework of the modern synergistic approach to the convergence of competing philosophical worldviews. The goal of the work is to try to find common points of contact between two methods of knowledge — metaphysical and dialectical. Solving this problem, the author proposes to find their common basis, based on which one could derive the general concept of rationality, the universal form of which would have different content in metaphysics and dialectics. A hypothetical synthesis of the cognitive potential of both methods should lead not only to an understanding of the origin of the phenomenon of rationality,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Родзинский Д.Л. Диалектическая рациональность и ее связь с метафизикой // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 188—207. DOI: 10.5281/zenodo.10675417.

but also to demonstrate the mechanism of its transition from a metaphysical worldview to a dialectical one. The basis for finding ways to unite ontologist poles in philosophical directions is the dialectical law of unity and the struggle of opposites and the principle of complementarity.

Keywords: dialectics, metaphysics, rationality, idea, principle, scheme, structure, image, truth, knowledge.

УДК 111
ББК 65в

Современная эпоха постмодернизма, связанная с универсализацией и глобализацией социального знания, требует когнитивного сближения разных отраслей и сфер во имя постижения истины. В результате гуманизации культуры происходит смягчение или размывание границ дисциплин и областей, которые веками не соприкасались друг с другом или, наоборот, находились в непримиримом соперничестве. Закон противоречия формальной логики, утверждающий, что «две отрицающих друг друга мысли не могут быть одинаково верными», XX в. дополнил принципом дополнительности, который внес революционные изменения не только в неклассическую физику, но и в понимание феномена рациональности в целом. Одними из ярчайших тому примеров стали поиск примирения и стремление к конструктивному диалогу между двумя оппонентами — метафизическим методом познания и диалектическим, смысловым фокусом которых выступает понятие рациональности. Оно аккумулирует собой все когнитивные и коммуникативные усилия разных философских систем, демонстрируя их общие и отличительные черты. Гипотетическое сближение двух ранее непримиримых типов рациональности и методов их познания, на наш взгляд, во многом не только бы расширило философское мировоззрение, но и углубило бы видение мира, став локальной демонстрацией глобальной синергетики.

Задачей нашего исследования становится попытка найти такой универсальный механизм, с помощью которого могло бы осуществиться вековое стремление представителей двух полюсов философского мировоззрения объединить свои усилия в поисках единой для них рациональности. Необходимость решения этой задачи

выдвигалась и ранее, чаще в скрытой, но иногда и в явной форме в работах В.И. Метлова [8], М.А. Шестаковой [15, 141—148], Н.В. Поддубного [10], А.Л. Куиш [4, 176—184] и многих др. В.А. Лекторский в предисловии к изданию «Исторические типы рациональности» писал, что проблема рациональности по многим причинам сейчас является одной из центральных в современной философии, начиная с теории познания и философии науки до политической философии [3, 3].

Для решения поставленной задачи нам необходимо пройти три этапа. Первый из них будет связан с восстановлением понятия диалектической рациональности. На втором этапе мы проведем сравнительный анализ диалектической и метафизической рациональностей. Третий этап будет посвящен выявлению их общего механизма, объединяющее начало которого может сыграть роль синтеза, включающего в себя полюсы диалектического и метафизического методов рационального познания.

Вспомним, что диалектика — это философское мировоззрение, учение, исследующее закономерное развитие материи в основных формах ее существования: природе, мышлении, обществе и истории. Всем формам проявления материи — пространству, времени и сознанию, приписывается универсальная динамика развития спиралевидного движения, которое описывается тремя диалектическими законами с поясняющими их принципами и категориями, соподчиненность которых связана с диалектическим принципом иерархии. Материи в диалектике приписывается «свойство объективной реальности, данной человеку в ощущениях, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [5, 131]. В результате данного определения рождается понятие реальности в диалектике. Если материя — это объективная реальность, то сознание представляет собой субъективную реальность. Обе реальности становятся частным проявлением первого закона диалектики — единства и борьбы противоположностей. «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи, и в фундаменте самого здания материи можно лишь предполагать существование спо-

собности, сходной с ощущением» [7, т. 20, 39—40]. К такому выводу В.И. Ленин приходит, опираясь на суждения Ф. Энгельса, который полагал, что если поставить вопрос, «что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней. Разумеется, в силу этого продукты человеческого мозга, являющиеся, в конечном счете, тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей...» [8, 34—35]. Так проявляет себя второй закон диалектики — закон перехода количественных изменений в качественные, в рамках которого мозг становится продуктом эволюционного развития материи.

В результате объединения феноменов материи и мозга в диалектическом материализме обнаруживается снятие деления разделов на онтологию и гносеологию, доказывающее их содержательное единство, которому присущи общие законы движения как внешнего мира, так и человеческого мышления. «Два ряда законов, — пишет Ф. Энгельс — по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно...» [7, т. 21, 302]. Здесь сознание становится историческим феноменом, возникающим в результате развития высшей организации материи — человеческого мозга. В эволюции природы и истории человечества проявляет себя третий закон диалектики — закон двойного отрицания, в котором последовательность циклов, составляющих цепь развития, можно образно представить в виде спирали. «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой фазе (“отрицание отрицания”), развитие, так сказать, по спирали, а не прямой линии» [5, 55]. Здесь каждый цикл выступает витком — как в эволюции природы, так и в общественном развитии. Тогда спираль станет символизировать цепь исторических циклов, запечатленных в генетической памяти коллективного бессознательного человечества. Освоенная часть исторической памяти принадлежит сфере сознания, неосвоенная ее область — бессознательному в виде архетипов, которые потенциально превращают каждого потомка в

культурную вершину его предков [7, т. 1, 414]. Благодаря такой картине мы получаем еще более точное определение марксистской диалектики «в самом кратком выражении — всеобщие законы отражения бытия в мышлении. ...Диалектика и есть наука о процессе отражения внешнего мира (природы и истории) в человеческом мышлении» [2, 103—113]. Феномен перехода материальной реальности в чистую теоретическую мысль, а отвлеченной мысли назад в материальную реальность, на наш взгляд, может открыть нам механизм трансформации метафизики в диалектику, а диалектики — в метафизику.

Чтобы обнаружить универсальный механизм их взаимного влияния необходимо сравнить метафизику с диалектикой, выступающих основными конкурирующими и одновременно взаимно дополняющими мировоззрениями, связь между которыми можно условно рассматривать как тезис и антитезис. Несмотря на то, что история их соперничества и одновременно гармоничного сотрудничества уходит в глубокую древность, наиболее яркое единство противоположностей диалектики и метафизики мы обнаруживаем в китайской Книге Перемен «Ицзин» и философии Гегеля. В них метафизика представлена цикличным вращением неизменных Дао и Мирового Разума, диалектическая же спираль представлена внутренней «пружиной» Дао или последовательным ее развитием в тезисе, антитезисе и синтезе Мирового Духа, который, в конечном счете, возвращается назад к самому себе. Циклический характер становления метафизики и спиралевидное развитие диалектики становятся двумя крайними видами проявления одного более универсального явления, которое, объединяя, оставляет их своими частными случаями. Для того чтобы обнаружить это универсальное объединяющее начало, необходимо в диалектике и метафизике найти их отличия и общее. Объединяющее их начало станет тем недостающим звеном, с помощью которого антагонистические отношения между метафизикой и диалектикой обретут свой синтез.

Первой отличительной особенностью метафизики от диалектики выступает их опора на разные свойства разума. Поскольку все виды мировоззрений, и прежде всего философских, являются продуктом деятельности разума человека, то диалектика отличается от метафизики, прежде всего, свойством разума осмыслять мир. В

основе цикличной метафизики лежит логическая способность рассудка, замкнутая на себе логика которого рождает абстрактное знание с его объективной концепцией истины в философии и корреспондентской концепцией истины в классической науке. Линейная логика рассудка обнаруживает себя в дополняющих друг друга методах обобщения и ограничения, дедукции и индукции, анализа и синтеза, образующих метафизический круг «закрытого» мышления. В основании спиралевидной диалектики лежит генетическая родовая память предков, чье проявление связано с коллективным бессознательным инстинктивных культурных кодов — архетипов. Двойная спираль ДНК родовой памяти проецирует свою организацию в способность видеть природный и культурный миры, объясняя их эволюционное и историческое развитие диалектическими законами, принципами и категориями. Все они выражают себя в относительных формах знания с их конкретной концепцией истины в философии и релятивистской концепцией истины в неклассической науке. Спиралевидная логика инстинктов обнаруживается в дополняющих друг друга методах, базирующихся на принципах дополнительности, историзма, системности, структурности, всеобщности связей и т. п. Они образуют диалектический стиль «открытого» мышления, в котором объект переплетен взаимными связями со средой обитания, условиями познания и субъектом.

Второй отличительной особенностью метафизики от диалектики становится их опора на разные по масштабу законы. Метафизика опирается на так называемые законы гармонии макро- и микрокосмоса — единства, целостности, согласованности и пропорции, описывающие идеальное состояние космоса и души [13, 33—43]. Метафизическим законам гармонии — как согласованным между собой связям — противостоят диалектические законы конфликта — единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и двойного отрицания. Они объясняют неустойчивость природы Вселенной и сознания человека. Разные по своему охвату масштабы законов свидетельствуют и об их отличающейся целесообразности: цели метафизики — поиск и сохранение общей гармонии, ее согласованности, целостности, единства. Цель диалектики — поиск универсального источника конфликта динамичного

материального мира, выступающего причиной постепенного его развития — эволюции, или скачкообразного — революции.

Третью отличительную особенность метафизики от диалектики мы обнаруживаем в принципах познания. К метафизическим принципам познания относятся начала, которые подчиняют себе универсальную цикличную траекторию становления бытия и мышления о нем, способом постижения и выражения которых становится логика рассудка. К таким началам, описывающим универсальный циклизм относятся принципы: «подобное стремиться к подобному», «подобное порождает подобное», «крайности сходятся», «что наверху, то и внизу», «тайная гармония управляет явной» и т. п. Метафизическим принципам познания противостоят диалектические принципы, которые описывают общий характер спиралевидного развития тезиса, антитезиса и синтеза. В диалектике познание основывается на принципах развития, всеобщих связей, детерминизма, историзма, единства исторического и логического и др. Однако именно принцип восхождения от абстрактного к конкретному свидетельствует о качественно иной направленности диалектики по сравнению с метафизикой, призывающей, наоборот, в конкретном видеть общее — абстрактное. Мы становимся свидетелями зарождающегося синтеза, внутри которого «тезис» теоретически абстрактной метафизики дополняется «антитезисом» практически конкретной диалектики, повторяя противостояния инь и ян в объединяющем их Дао.

Четвертую отличительную особенность метафизики от диалектики мы видим в разной природе категорий. При исследовании происхождения диалектических категорий мы обнаруживаем, что они выступают результатом «диалога» диалектики с метафизикой. Предельно общими понятиями метафизики выступают принципы, играющие роль высших ценностей — Блага, Истины, Красоты и Справедливости [11]. Они описывают Абсолют, эманлирующий иерархический ряд метафизических категорий более низкого порядка — нус, душа, космос, природа, гармония, судьба, добродетель и т. п. Все они отражают онтологическую, гносеологическую, эстетическую и этическую устремленность метафизического мышления к предельным основаниям гармоничного бытия космоса. Диалектика, наоборот, агональна. Она вскрывает в метафизике антагонизм, не-

устойчивость, враждебность гармоничных состояний. Метафоричным примером здесь может служить все тот же диалектический конфликт между силами инь и ян, находящих свое разрешение в метафизической гармонии Дао. Исследуя любые парные диалектические категории, например, сущности и явления, свободы и необходимости, целого и части, мы буквально угадываем, что за ними стоит метафизически «закрытая» категория материи. «Открытие» конфликтов внутри «закрытых» понятий метафизики «рождает» их парные категории в диалектике. О раздвоении диалектических категорий писал еще Гегель: «...более глубокое вникновение в антиномическую или, вернее, в диалектическую природу разума показывает нам, что вообще всякое понятие есть единство противоположных моментов, которым можно было бы, следовательно, придать форму антиномических утверждений...» [1, 205].

Между метафизическими и диалектическими категориями обнаруживается устойчивая имплицитно-эксплицитная связь. Так, если метафизическая категория имплицитно содержит потенциал целостной и самодостаточной абстракции, например, категории материи, то диалектическая категория эксплицитно выражает этот потенциал в парных противлежащих и взаимно дополняющих понятиях, например, частицы и волны. Таким образом, мы становимся свидетелями плодотворного взаимодействия, при котором абстрактно-умозрительные, но целостные категории метафизики эксплицируются в конкретно-практические категории диалектики, парность которых имеет двойственную природу тезиса и антитезиса. Синтезом их неустойчивого единства опять станет метафизически закрытая категория, экспликацией которой будут следующие парные открытые категории диалектики еще более «тонкой» организации волны и частицы атома. Так осуществляется спиралевидный переход одних категорий в другие.

О подобном диалоге метафизики и диалектики свидетельствует и Ф. Энгельс. В своей «Диалектике природы» он подтверждает, что «...сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде

чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [7, т. 20, 363].

Из этого сравнения можно сделать вывод, что диалектический метод познания исследует предмет с точки зрения «открытого» подхода. «Открытость» мышления возникает в том случае, если цикличная замкнутость метафизических методов о «вечном повторении и возвращении» «размыкается», превращаясь из логического круга в открытую спираль с неопределенным развитием, но метафизически предопределенным финалом, в котором «ничто не вечно под луной». Если метафизика — есть учение об абстрагированном и объективном знании, то диалектика — о конкретном и относительном. Эта относительная конкретность описывается законами диалектики, «открытость» которых формам и условиям бытия переводит их из разряда метафизических в диалектический способ познания. Открытая конкретность диалектики носит относительный характер познания, который привлекает в орбиту своего внимания не только специфику отношений сознания субъекта со сложно организованным объектом, но еще метод познания в пространственно-временную среду их взаимодействия. Так конкретность диалектической истины связана с относительными условиями его получения. Относительность диалектического метода переплетена с взаимодействием четырех аспектов процесса познания — объектом, субъектом, средой и способами. Метод диалектики разворачивает себя в согласии с механизмом эволюции бытия, который никаким образом не упраздняет свою связь с метафизикой. Возникает вопрос: если законам, принципам и категориям диалектики противостоят законы, принципы и категории метафизики, то какой метафизический аналог будет соответствовать диалектическому механизму эволюции?

На наш взгляд, противоположностью диалектической эволюции станет метафизический механизм эманации [13, 19—25].

В чем отличие метафизической эманации от диалектического механизма эволюции? Метафизический механизм эманации описывает предмет познания с точки зрения абстрагированного наблюдателя, сознание которого, пребывая вне времени и пространства, принципиально непричастно к объекту познания и, находясь за границами его бытия, ведет исследование, условно говоря, «со стороны». А это значит, что реальным вещам и явлениям метафизика противопоставляет идеальный мир неразвивающихся схем и их принципов. Иное мы наблюдаем в диалектическом подходе, который изучает объект как бы «изнутри». Бытие объекта в диалектике находится в непрерывном взаимодействии с сознанием субъекта, пространственно-временной средой обитания и условиями познания, отношения между которыми подчиняются логике «тезиса — антитезиса — синтеза» и описываются спиралевидным движением трех законов, некоторым количеством принципов и категорий в равной мере относящихся к природе, обществу и мышлению. Диалектика занята решением внутренних и внешних противоречий, которые влекут за собой эволюционное преобразование объекта в изменяющейся пространственно-временной среде. Превращая метафизическую неизменность в пространственно-временное измерение, диалектический метод исследует количественно-качественные свойства связанных между собой объекта, субъекта, способа познания и среды их взаимодействия. Однако если исследовать весь пространственно-временной потенциал диалектического метода, то он окажется «запертым» в «прокрустово ложе» метафизики, которая демонстрирует, как в границах закрытой эманации осуществляется динамичный процесс открытой эволюции. Собственно, об этом взаимодействии «открытого и закрытого» стилей мышления мы уже упоминали ссылками на Книгу Перемен «Ицзин» и диалектику идеализма Гегеля. В «Ицзин» спираль бытия «раскручивала» круг изменений Дао, метафизическая неизменность которого была сопряжена с диалектикой отношений инь и ян [16].

Становится понятным, в чем отличие этих методов. Если метафизика, метафорично выражаясь, исследует предельно удаленный мышлением объект в так называемый «телескоп» сознания, в кото-

ром можно увидеть независимую от хронотопа неизменную его форму — границы смыслового бытия, то диалектика занята исследованием объекта в «микроскопе» сознания, открывающем инструментально-субъективный и пространственно-временной характер его трансформаций. Кроме того, формальная сторона познания метафизики отличается от содержательного познания диалектики главным образом «степенью удаленности», или «уровнем теоретизации», объекта познания, «запускающего» в работу разные способности разума исследователя. Метафизический метод использует интуитивно-рассудочную способность разума превращать частные вещи и события в замкнутую логическую схему общего теоретического знания. Диалектический метод «включает» инстинктивно-чувственную способность разума использовать накопленный опыт предыдущих поколений в качестве бессознательно-абстрактного фона для формирования конкретного и своевременного знания. Можно сказать иначе: если метафизическое познание руководствуется положением в частном видеть общие схемы, то диалектическое познание, наоборот, стремится из исторически или генетически абстрактного представления выделить конкретное знание.

Сочетание этих подходов познания рождает открытую для взаимодействия со средой сложную структуру практического знания, которая рано или поздно вернется к своему «закрытому» состоянию метафизической схемы. Ибо, метафизика фокусирует себя на исследовании объективных, но абстрактных свойств объекта, в то время как диалектика изучает его относительные, но конкретные проявления. В метафизике «объективность» проявляется в «чистоте» обезличенной универсальности, всеобщий характер которой не зависит от привходящих субъективных и объективных условий. В то время как в диалектике «относительность» обнаруживает себя в субъективной конкретности, точность которой учитывает пространственно-временную среду обитания объекта и условия его познания. Вместе они — метафизика и диалектика — образуют своеобразные полюсы единого знания, об эффективности которого писал еще В.И. Ленин: «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное... от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздор-

ные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» [5, 152].

Свидетельством плодотворного их сотрудничества становится фрагмент истории науки в становлении учения о микромире частиц. Известно, что в начале XX в. пристальное внимание ученых привлекало строение ядра атома. Неклассическая физика с ее квантовой и релятивистской теориями стала местом столкновения метафизики и диалектики, демонстрирующих, согласно принципу историзма, конструктивное и взаимодополняющее сотрудничество, стремление к единству знания. Так, в рамках одной семьи, что символично само по себе, Джозеф Томсон, исследуя микромир элементарных частиц, открыл метафизический статус электрона, который был объявлен реально существующей материальной частицей со всеми четко определенными параметрами его существования, за что в 1906 г. он и получил Нобелевскую премию. Некоторое время спустя его сын, Джордж Томсон, в полную противоположность утверждениям отца, доказывает, что электрон — это не частица, не абстрактный метафизический объект, а динамичная волна, распространение которой в пространстве и времени напоминает активное облако. Его взаимодействие со средой делает его диалектическим объектом. За это открытие он, в свою очередь, тоже получает Нобелевскую премию в 1937 г. Суть двойного открытия свойств электрона сводилась к тому, что объект один, а методы или подходы к его познанию могут быть разными — метафизическими или диалектическими. Если метафизика видит в электроне абстрактный изолированный объект, то диалектический подход исследует его как комплекс взаимодействий части с целым. Метафизический и диалектический методы познания становятся для нас своеобразным «тезисом» и «антитезисом» более универсального метода познания, который нуждается в их синтезе.

Синтез или единство двух методов заключается в том, что метафизика становится формальным проявлением диалектики, сама же диалектика остается глубинным содержанием метафизики. Скажем по-другому: абстракции метафизики имплицитно содержат в себе конкретику диалектики, которая становится пространственно-временной ее экспликацией. Примером тому может служить метафизическая абстракция «материи», которая в диалектике принимает

вид множества взаимодействующих элементарных частиц, образующих активное ядро атома. Возникает вопрос: что связывает имплицитность метафизики с эксплицитностью диалектики? Таким универсальным коммуникативным механизмом, на наш взгляд, становится понятие эманации. С возвращением универсального механизма эманации в широкий философский обиход можно выдвинуть важнейшую гипотезу, что если в основе человеческого мышления лежит фундаментальная потребность избежать хаоса и максимально упорядочить себя и мир, то именно он удовлетворяет всеобщую нужду в наведении универсального порядка. Если согласиться с утверждением, что «поиски принципов гармонизации универсума выступали ведущей идеей всех философских систем от древности и до настоящего времени» [6, 59], то, нам видится, что именно эманация становится универсальным механизмом гармонизации, универсализации и рационализации.

Эманация объединяет собой не только метафизические и диалектические методы познания, но, что принципиально важно, гипотетически и две другие крайние мировоззренческие формы — мистическую и мифологическую. Механизм эманации может стать своеобразной философской «теорией всего», претендующей на «царский путь в культуре, или, по крайней мере, в философии». Претензия эманации на роль «теории всего» аргументировано обосновывается рядом ее фундаментальных функций, среди которых первой станет ее объяснительный механизм возникновения всего из ничто — абсолютной пустоты [12, 76]. Вторым ее достоинством становится последовательное и логическое описание перехода бесконечного и вечного покоя пустоты в ограниченные пространством и временем траектории движения материи — линейность, цикличность, спираль и хаос, ибо пятой траектории не существует. Третье достоинство эманации связано с тем, что все траектории описывают собой не только соответствующие модели материалистического детерминизма, но и формируют основные законы бытия, динамика которых, согласно положению «бытие определяет сознание», воздействуют на соответствующие способности мышления разума: линейность интуиции, цикличность рассудка, спираль инстинктов и хаос телесных чувства. Четвертым достоинством эманации становится ее влияние на формирование универсальной формулы рацию-

нальности, характеристики которой вытекают из способностей разума. Рассмотрим это.

Так, линейность интуиции, которая беспредпосылочно способна узреть истину в виде идеи, становится первым аспектом универсальной рациональности — целеполаганием, придавая деятельности статус целесообразности.

Циклический рассудок, логически описывая идею, превращает ее в замкнутую причинно-следственную цепь, которая становится вторым аспектом универсальной рациональности — схематизмом.

Спираль инстинктов, хранящих в себе родовую память в виде генетически обусловленных архетипических образов, выбирает путь к достижению цели, последовательность которого становится третьим аспектом универсальной рациональности — алгоритмом.

Хаос телесных чувств, призванный воспринимать и сравнивать события мира, способствует определению практичности выбранного пути, который формирует четвертый оценочный аспект универсальной рациональности — эффективность.

Таким образом, свойства разума последовательно эманцируют четыре соответствующих аспекта универсальной рациональности — целесообразность, схематизм, алгоритмизм и эффективность.

Диалектический материализм, открывая пространственно-временные и инструментально-субъективные аспекты рациональной деятельности, превращает закрытую метафизическую схему в открытую для взаимодействия с миром структуру. «Открытая» для сотрудничества структура сложнее по своей организации, чем «закрытая» схема. Рассмотрим роль структуры в формировании диалектической рациональности.

Определение структуры. Структура — это пространственно-временная система в разной степени устойчиво связанных между собой логических схем. Если закрытая схема или система схем — это объекты метафизики, то совокупность взаимообусловленных схем, открытых пространству, времени и субъекту деятельности, становится структурным объектом диалектики. *Пространственными элементами структуры* является ее иерархическая соподчиненность, образующая вертикально-горизонтальные связи между витками диалектической спирали. К *временным элементам структуры* относятся принципы причинности, последовательности, дополненности, детерминированности развития от простого к сложному,

которые продолжаютя принципами преемственности, историчности и другими видами взаимодействия. Отметим, что структуры бывают как природными — например, галактики, организмы, нейронные сети мозга, так и искусственными — социальные институты, компьютерные схемы и т. п. Все они измеряются разной степенью внутренней и внешней эффективности. Структура, утратившая связь с наполняющими ее логическими схемами, превращается для разума в мифологический воображаемый образ. Тогда место диалектической структуры в иерархии философских восприятий окажется между «вышележащей» метафизической логической схемой и «нижележащим» мифологическим воображаемым образом. Схема, структура, образ — такова неполная иерархия восприятия реальности разными свойствами разума: рассудком, инстинктивной коллективной памятью и чувствами.

Внутренняя эффективность структуры проявляется в ее устойчивой самооценности и относительной независимости. Например, самооценность кристалла определяется устойчивостью его существования. Не будем забывать, что всякий живой организм — это природная структура, предназначенная для жизнедеятельности в конкретных условиях. Поэтому, чем выше структурная организация организма, тем древнее его порода и шире ареал его обитания. Самоценность человека определяется структурной организацией его разума, которая определяется отрицательной и положительной свободами. Отрицательная свобода разума делает личность независимой от привходящих обстоятельств социального существования и хронотопа, поэтому она имеет метафизически-теоретическую форму своего проявления. Положительная свобода структурно организованного разума реализуется в его даре, таланте, призвании, предназначении. Если все эти качества пытаются реализоваться в социальной среде, то они уже носят диалектически-конкретную форму своего проявления. Самоценность научной теории проявляется в ее структурной устойчивости к фальсификации и практической реализуемости. Самоценность национальной культуры как сложной структуры проверяется выживаемостью веками и тысячелетиями среди других культур.

Внешняя эффективность структуры проявляется в степени влияния на пространственно-временную среду обитания, количестве и качестве устойчивых связей с ней. Поэтому внешняя эффек-

тивность структуры в социуме связана с волюнтаризмом: с волей к лидерству, с властью отдельного человека, политической партии, касты или социального класса. Власть становится выражением внешней эффективности структуры в достижении поставленной цели. Так, например, Ленин писал, что «...цели человека порождены объективным миром и предполагают его...» [5, 171]. Ибо революции или перевороты в государстве осуществляются в результате стремления к такому типу устройства, выгоду от которого видит определенная группа людей, чья структурная организованность в достижении цели оказалась выше, сильнее, чем у конкурентов. Подтверждением тому становится фраза Ленина, сказанная им накануне разгона Учредительного собрания в январе 1918 г.: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность» [9, 166]. В мире искусства признаком успеха становится такая художественная структура, эстетическое впечатление от которой становится максимально влиятельным в социальном пространстве. В мире науки признаком внешней эффективности становится теория, которая способна на продолжительное время стать системообразующей, парадигмальной.

Совершенной, или идеальной, структурой становится такая, которая затрачивает минимальные усилия для максимального числа решаемых задач. Такой предельно эффективной структурой может быть только пространственная пустота, вечность, покой, простота и бесконечность которой выступают «альфой и омегой» всех возникающих, конкурирующих друг с другом и увядающих в энтропии структур [14, 6—21]. Пустота как идея или принцип познания выступает чаще объектом мистической рациональности, которая связывает себя с диалектической структурой опосредованно, через метафизику рациональных логических схем. В современной научной картине мира мистическая пустота присутствует в образе Ничто, внутри которого возникла точка сингулярности, приведшая к Большому взрыву и рождению Вселенной. Таким образом, диалектическое мышление — это пространственно-временное структурное мышление субъекта, в рамках которого рождается диалектическая рациональность — как оптимальная форма достижения цели в любой из социальных сфер. Поскольку рациональность в материалистической диалектике принимает структурный характер, то она по-

лучит название относительно-конкретной диалектической рациональности.

Проведем сравнительный анализ метафизической и диалектической рациональностей. Главными свойствами универсальной рациональности выступают четыре организующих ее формальных принципа — целесообразность, схематизм, алгоритмизм, эффективность. Однако содержание универсальных принципов рациональности в метафизике и диалектике различно. Вначале рассмотрим их в метафизике.

В метафизике целесообразность определяется телеологичностью принципов или идей, которые лежат в основании различных философских школ. Схематизм метафизики проявляется в соответствии идей вещам. Алгоритмизм метафизики обнаруживается в последовательном выделении общего из частного. И, наконец, оправданность подобного подхода связана с его концептуальной продуктивностью, формирующей этические концепции разных философских школ.

Рассмотрим теперь эманационный переход метафизической рациональности в диалектическую. Телеологизм метафизики становится в диалектике целеполаганием конкретных в социальной среде открытий, событий и состояний. Схематизм гармоничных связей в метафизике превращается в диалектике в структурный конфликт, или конфликт структур. Алгоритм метафизического познания, направленный от конкретного к абстрактному, преобразуется в диалектике «возвращением» абстрактного к конкретному с учетом разной степени взаимодействия объекта, субъекта, среды и средств. Метафизическая конкурентная устойчивость теоретического знания в борьбе с другими концепциями в диалектической рациональности становится фактуальностью, доказательностью и демонстративностью практического знания. Так осуществляется, на наш взгляд, переход метафизической «абстрактной» рациональности в «относительно-конкретную» диалектическую.

Итог. Если диалектическую рациональность интересуется «конкретное» знание как результат взаимного переплетения отношений четырех аспектов единого познавательного процесса, то метафизическую рациональность занимает «абстрактное» знание, выступающего итогом двух мысленных приемов — обобщения и изоляции. Мыслительное обобщение в метафизике рождает принцип,

или схему, чье постоянство связано, во-первых, с изоляцией от чувственных особенностей познающего и, во-вторых, изоляцией от пространственно-временной среды пребывания субъекта и объекта. Вместе они — «абстрактное» и «конкретное» знание, которым соответствуют объективная и относительная истины метафизического и диалектического методов, могут претендовать на взгляд, выступающий синтезом тезиса и антитезиса двух полюсов познания. Если метафизическая рациональность несет «стратегическую» функцию аргументированного прогноза неизбежного, так как в схеме видна картина событий в целом, в ее законченном, завершенном состоянии, то диалектическая рациональность несет «тактическую» функцию, диагностируя событие или явление в его настоящем моменте пространственно-временного континуума. Если метафизическая «закрытость» абстрактного знания принципиально обезличена, а потому не подразумевает свободы субъекта, то диалектическая «открытость» конкретного знания обусловлена свободой выбора средств и способов их решения.

Главным итогом объединения двух видов рациональности — метафизической и диалектической — становится обретение более эффективной универсальной, или «доктринальной», рациональности, в которой «открытая» рациональность диалектики будет вынуждена согласовывать свое развитие с «закрытой» рациональностью метафизики, вечные принципы и схемы которой станут теоретическим эталоном для диалектической практической рациональности, вынужденной решать текущие проблемы и задачи.

Литература

1. Гегель Г.Ф.В. Соч. Т. V. М., 1937.
2. Ильенков Э.В. Материалистическая диалектика как логика. Алма-Ата, 1979.
3. Исторические типы рациональности. Т. 1 / Под ред. В.А. Лекторского. М., 1995.
4. Куши А.Л. Методология и методика научного исследования: диалектика взаимоотношений // Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки. Усть-Каменогорск, 2017. С. 176—184.

5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. М.: Изд. полит. литературы, 1967.
6. *Лешкевич Т.Г.* Неопределенность в мире и мир неопределенностей. Ростов н/Д., 1994.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
8. *Метлов В.И.* Введение в диалектику, или философия в науке. От вещи в себе к вещи для нас. М.: Ленанд, 2016.
9. *Мстиславский Д.С.* Записи о Ленине // Воспоминания о В.И. Ленине: В 10 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1990.
10. *Поддубный Н.В.* Диалектика и судьбы научного рационализма на рубеже веков // Наука. Искусство. Культура. 2015. Вып. 2 (6).
11. *Родзинский Д.Л.* Сознание античного мудреца. М.: Аграф, 2003.
12. *Родзинский Д.Л.* Небытие и бытие сознания в ранних формах индийской, китайской и греческой философии. М.: МПСИ, 2006.
13. *Родзинский Д.Л.* Абсолютная природа разума. Онтолого-антропологическая парадигма: бытие и небытие. М.: Ленанд, 2016.
14. *Родзинский Д.Л.* Абсолютный код культуры и фрактальная теория мышления. М.: URSS, 2020.
15. *Шестакова М.А.* Возвращение диалектики // Философия и общество. 2016. № 2. С. 141—148.
16. *Щуцкий Ю.К.* Классическая китайская «Книга Перемен». Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

References

1. *Gegel' G.F.V.* Soch. T. V. M., 1937.
2. *Il'enkov E.V.* Materialisticheskaya dialektika kak logika. Alma-Ata, 1979.
3. Istoricheskie tipy racional'nosti. T. 1 / Pod red. V.A. Lektorskogo. M., 1995.
4. *Kuish A.L.* Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya: dialektika vzaimootnoshenij // Dialekticheskoe myshlenie i fenomen metodologicheskikh issledovaniy v razvitii nauki. Ust'-Kamenogorsk, 2017. S. 176—184.

5. *Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 18. M.: Izd. polit. literatury, 1967.
6. *Leshkevich T.G.* Neopredelennost' v mire i mir neopredelennostej. Rostov n/D., 1994.
7. *Marks K., Engel's F.* Soch.
8. *Metlov V.I.* Vvedenie v dialektiku, ili filosofiya v nauke. Ot veshchi v sebe k veshchi dlya nas. M.: Lenand, 2016.
9. *Mstislavskij D.S.* Zapisi o Lenine // Vospominaniya o V.I. Lenine: V 10 t. T. 5. M.: Politizdat, 1990.
10. *Poddubnyj N.V.* Dialektika i sud'by nauchnogo racionalizma na rubezhe vekov // Nauka. Iskustvo. Kul'tura. 2015. Vyp. 2 (6).
11. *Rodzinskij D.L.* Soznanie antichnogo mudreca. M.: Agraf, 2003.
12. *Rodzinskij D.L.* Nebytie i bytie soznaniya v rannih formah indijskoj, kitajskoj i grecheskoj filosofii. M.: MPSI, 2006.
13. *Rodzinskij D.L.* Absolyutnaya priroda razuma. Ontologo-antropologicheskaya paradigma: bytie i nebytie. M.: Lenand, 2016.
14. *Rodzinskij D.L.* Absolyutnyj kod kul'tury i fraktal'naya teoriya myshleniya. M.: URSS, 2020.
15. *SHestakova M.A.* Vozvrashchenie dialektiki // Filosofiya i obshchestvo. 2016. № 2. S. 141—148.
16. *SHCHuckij YU.K.* Klassicheskaya kitajskaya «Kniga Pere-men». Rostov n/D.: Feniks, 1998.

А.В. МАРКОВ

М.М. Бахтин как философ хозяйства*

Аннотация. Рассмотрены редкий случай обращения М.М. Бахтина к экономической жизни эпохи Возрождения. Доказывается, что это обращение было частью расставания со старым историзмом Эдуарда Гиббона и рецепции мессианского историзма

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В. М.М. Бахтин как философ хозяйства // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 207—217. DOI: 10.5281/zenodo.10675426.

Германа Когена. Коген разделял область природного и ценностного, но к природному относится отношение к ближнему, а к ценностному — исполнение задач человечества, поневоле экономное и ограниченное. Бахтин расширяет смысл мессианства Когена, заменяя его математическую модель непрерывности на модель поступка, который размыкает любую непрерывность. В отличие от Когена, который мыслил внутри логики капитализма, Бахтин выступает как социалист, различающий внутри капитализма норму и инновативность. Для Бахтина существенно не исполнение задач человечества, а такое действие культурной инновации, по отношению к которой творческая личность будет лишь одним из ее аспектов. Модель Бахтина позволяет лучше осмыслить законы прерывности и непрерывности в экономических инновациях.

Ключевые слова: Бахтин, Герман Коген, экономика Ренессанса, философия экономики, мессианство, инновация.

Abstract. I examine a rare case of Mikhail Bakhtin's appeal to the economic life of the Renaissance. I argue that this appeal was part of the parting with the old historicism of Edward Gibbon and the reception of the messianic historicism of Hermann Cohen. Cohen divided the realm of the natural and the value, but the natural refers to the relation to the neighbor, and the value belongs to the fulfillment of humanity's tasks, involuntarily economical and limited. Bakhtin extends the meaning of Cohen's messianism by replacing his mathematical model of continuity with a model of the act that unlocks any continuity. Unlike Cohen, who thought within the logic of capitalism, Bakhtin acts as a socialist who distinguishes between normality and innovativeness within capitalism. For Bakhtin, it is not the fulfillment of humanity's tasks that is essential, but the action of cultural innovation, in relation to which the creative figure will be only one of its aspects. Bakhtin's model helps to better comprehend the laws of discontinuity and continuity in economic innovation.

Keywords: Bakhtin, Hermann Cohen, Renaissance economics, philosophy of economics, messianism, innovation.

УДК 130.2
ББК 71.0

Истории никто не делает, ее не видно,
как нельзя увидеть, как трава растет.

Б.Л. Пастернак

Философия М.М. Бахтина не требовала уделять хозяйству особое внимание, даже принимать хозяйство в фокус внимания. Проблемы, которые решал Бахтин, подразумевают ситуацию экзистенции, а не управления. Но как историк литературы он приходил к хозяйству и его фундаментальным законам и сдвигам. Ведь если закономерности развития литературы могут быть установлены исходя из ее внутренних свойств, то такие понятия, как «раннее», «среднее», «позднее», подразумевают определенную организацию хозяйства. В этом нетрудно убедиться, читая любую историю литературы или искусства: когда говорится о «раннем» или каком-то еще периоде в индивидуальном или коллективном творчестве, то указываются на хозяйственные его недостатки — слабость, зависимость или чрезмерность, расточительность. Хозяйственные метафоры позволяют описать несамостоятельность или экспансивный энтузиазм, отличающий один период от другого.

В лекциях, которые Бахтин читал по истории западных литератур студентам-филологам, он противопоставлял экономическую ситуацию зрелого и позднего Возрождения, опираясь на общие знания о развитии раннего капитализма. Позднее Возрождение, переход к маньеризму, он понимал как инволюцию, уменьшение экономической активности, из-за чего эстетическое выражение буржуазного города страдает, и на историческую сцену выходят как архаизирующие силы, так и новые агенты с их неожиданными доходами. По сути, Бахтин описывает ситуацию скорее позднейшего маньеризма как изменения привычных балансов и совмещения архаизации с внезапными *точечными каналами культурной открытости*, но использует исключительно социально-экономические характеристики по требованиям чтения курсов в вузе.

Бахтин говорил: «В XVI в. Италия теряет свою территориальную выгодность. На первое место вследствие географических открытий сначала становится Испания, затем Англия. В Италии и торговля, и промышленность резко падают. Удельный вес горожан падает в политике и экономике. Зато феодалы цветут. Но Италия эко-

номически не пострадала; горожане разорялись, но зато сельское хозяйство в XVI в. сильно расцвело, и это приносило много доходов стране. В XVI в., таким образом, происходит феодальная реакция и упадок города» [2, 14]. Такая картина вполне вписывается в тот *историзм*, который был создан книгой Гиббона «История упадка и падения Римской Империи», где кризис государственности Рима, декаданс Империи, объяснялся расширением фермерских хозяйств и общим развалом инфраструктуры торговли и связности империи. Гиббон, конечно, выступал как апологет английского промышленного капитализма, но обаяние его книги было столь сильным, что ее экономико-культурологические схемы воспроизводились еще долго — как мы видим, до самого Бахтина.

Если мы обращаемся к успехам аграрной экономики Италии XVI в., то действительно видим ее подъем после окончания Итальянских войн, т. е. скорее во второй половине столетия. Тогда расчищались пустоши, проводились ирригационные работы и, по сути, была создана система мелиорации. Но главным средством таких реформ был привоз новых растений, прежде всего, кукурузы, но также риса и сахарного тростника. По сути, это было промышленное производство, как и разведение тутового шелкопряда — сельское хозяйство превращалось в промышленную отрасль. Но нельзя сказать, что это хозяйство приносило большие доходы: венецианские стада коров и неаполитанские стада овец, конечно, обеспечивали доход отдельным фермерским хозяйствам, но сказать о сельскохозяйственных культурах, что они могли даже покрыть потребности местного населения в питании, нельзя. Кукуруза была дешевой пищей, заменителем хлеба, а вовсе не каким-либо предметом роскоши или даже устойчивого дохода. Уже в начале XVII в. из-за отсутствия стимулов роста хозяйства приходят в упадок. Поэтому проблема статьи состоит в том, что именно Бахтин имел в виду под доходами итальянских государств и под тем, что вся Италия экономически не пострадала — даже простой очерк экономических отношений на селе подрывает это впечатление благополучия.

Мы предлагаем видеть в этом эпизоде продолжение сложной полемики Бахтина с Г. Когеном и его версией ценностных порядков в культуре. Переняв у Когена его главную оппозицию «данности» как фактичности природного существования и «заданности» как

культурно-ценностной задачи, Бахтин существенно *изменил весь теоретический аспект* философии Когена. Как писал Бахтин в «Философии поступка», «В мир построенный теоретического сознания в отвлечении от ответственно-индивидуального исторического акта я не могу включить себя действительного и свою жизнь как момент его, что необходимо, если это — весь мир, все бытие (в принципе, в задании, все, т. е. систематически, причем сама система теоретического бытия, конечно, может оставаться открытой)» [1, 17]. Он прямо говорит, что в таком случае «мы отбросили бы себя из жизни, как ответственного рискованного открытого становления-поступка, в индифферентное, принципиально готовое и завершенное теоретическое бытие (не завершенное и заданное лишь в процессе познания, но заданное именно как данное)» [1, 17]. Иначе говоря, теоретический подход должен обнимать все бытие, но ты уже до теоретического акта в своем действительном бытии оказался моментом действительности как таковой. Твоя жизнь — только аспект открытости этой большой действительности. Поступок тогда может мыслиться только как «поступание», только как постоянное становление, которое и превращает мое единичное бытие из постоянного созерцания этой единичности в производство работающих критериев практики, «критериев для жизни практики, жизни поступка» [1, 17].

В таком случае можно рассмотреть это единичное бытие как раз как не страдающее, и делать поэтому вывод, что от самой систематизации хозяйства, переориентации на внутренний рынок и на новые экспансии товаров и технологий Нового света, хозяйство не страдает. Это просто *созерцающая себя единичность*, которая и остается единицей, остается *данностью*. Тогда как сами инновации в сельском хозяйстве, критерии которых, такие как становление мирового рынка, понятны и создают ситуацию *заданности*.

О рецепции Бахтиным Когена еще в его первой статье «Искусство и ответственность» (1919) точно сказал В.С. Библер: «в этой первой статье видно, в какую едкую, разъедающую эссенцию втянуты здесь некоторые излюбленные схемы Г. Когена. Все pretворено. Здесь нет когеновских ступеней восхождения к “чистому чувству” (...) здесь вообще немецкая идея духовного “восхождения” вытесняется типично бахтинской и — для этих лет — только бах-

тинской идеей одновременного соположения жизни и искусства» [3, 11]. Такое соположение и позволяет превращать жизнь в критерий собственной устойчивости, собственного нежелания потерпеть ущерб, тогда как искусство — из простого выражения и отражения ценностей становится инновативным, *авангардным* производством, которое и превращает чужое слово в единственно уместное высказывание, присваивающее себе культурные ценности.

«Заданность» (Gegebenheit, англ. factor, лат. fieri), в противоположность «данности» (Begebenheit, англ. occurrence, лат. factum) [1; 5] — не просто цель в отличие от данности действительности, а некий *принцип*, по которому выстраивается познаваемый мир, позволяющий миру и дальше познаваться, а не быть просто признанным как таковым. Для Когена и других представителей Марбургской школы «заданность» проявлялась как способность сознания быть предметным, предметы «заданы» в сознании, т. е. заранее составляют его привилегию, его предметный интерес, тогда как «данность» — это только абстрагирование сознанием этой заданности. Бахтин доказывает, что такая заданность в теоретическом мире невозможна, так как она оказалось бы не начальным состоянием познания, а уже вторичным удвоением системы, моделированием ее в познающем сознании. Поэтому можно признать себя только моментом всей реальности, если ты претендуешь, что твоя теория, даже в смысле простого отношения к происходящему, покрывает все бытие. Ценностное для Бахтина — это не режимы производства, подчиняющиеся частным критериям, но возможность оценить себя как ценного, возможность признать, что хозяйство твоего ума не пострадало, но, напротив, его инновации полностью раскрывают аспект новой ценности, каждый продукт *меняется на невероятный доход*.

В «Этике чистой воли» (1904) [6] Коген понимает этику как волевое стремление человека и человечества к единству, из чего он выводит понятия государства, права, справедливости и т. д. Для Бахтина такая позиция была слишком «теоретичной»: ведь хотя предмет здесь изобретается на практике, а не дан в теории, процедуры, обосновывающие автономию воли, остаются чисто теоретическими. Но расхождение здесь было не столько в понимании автономии, сколько в понимании культуры человечества. Учившийся у

Когена Б.Л. Пастернак не случайно сопоставил своего учителя с создателями технических снарядов, изобретений, которые кажутся взрывоопасными: «Такой причинный ум был у Когена. Беседовать с ним было страшно, прогуливаться — нешуточно. Опираясь на палку, рядом с вами с частыми остановками подвигался реальный дух математической физики, приблизительно путем такой же поступи, шаг за шагом подобравшей свои главные основоположения. Этот университетский профессор в широком сюртуке и мягкой шляпе был в известном градусе налит драгоценною эссенцией, упоривавшейся в старину по головам Галилеев, Ньютонов, Лейбницев и Паскалей» [4, 58]. Пастернак, как мы видим, рассматривает Когена как общего духа для человечества, который своим типом мысли порождает прогресс технического изобретательства. Но при этом «главные» основоположения — оборот Пастернака, *вовсе не подразумевающий экономической щедрости*, напротив, экономия драгоценной эссенции говорит вовсе не о том устройстве экономики, которое Бахтин приписывает итальянскому чинквеченто.

Согласно Когену, во всяком случае в главе 13 «Идея Мессии и человечество» книги «Религия разума...» [7] (этот текст был известен Бахтину прежде всего в изложении М.С. Кагана) человечество представляет собой некоторое единство, которое может быть оформлено и как политическая конфигурация, и как нравственный миротворческий императив. Дух всего человечества — это нравственное стремление к совместному бытию, которое на уровне данности проявляется как культура, тогда как на уровне заданности — как мессианское откровение. Коген понимал мессианизм широко, уклоняясь от спора иудаизма и христианства, равно как и отрицая чудеса мессии: Ноя уже можно считать мессией, как и пророков. Единственное свойство мессии — совпадение идеала и реальности, заданности и данности: что мессия называет идеалом человечества, его спасение, единство и завет со Всевышним, то и исполняется как единственное и незаменимое условие признания фактичности всей мировой истории, что историю не делают, а что она уже дана нам в своем факте. В этом смысле характерна похвала со стороны Когена И.-Г. Гердеру, что «он распознал мессианизм в принципе монотеизма (er erkannte den Messianismus in Prinzip der Monotheismus)»

[7, 284], иначе говоря, понял всю историю человечества как единое движение начального монотеизма, который создает культуру племенных религий с их политеизмом, но и создает монотеизм как единственную заданность человечества, как дух поэзии, который оказывается и духом совпадения идеала и реальности.

Еще в «Этике чистой воли» Когена различие между данностью и заданностью проходит и по понятию человека. Если сосед/ближний (Nebenmensch) есть данность морали, и согласно Канту, никакая мораль без этого ближнего, без другого человека невозможна, то исторический дух человечества не может быть описан только этим понятием, хотя бы из-за множественности людей. Коген вводит особый термин «непрерывности» (Continuitätsbeziehung), создавая весьма сложное математизированное рассуждение, что каждый из других сам является «я», и появляясь перед нами в качестве «я», он и создает функцию непрерывности, в которую вовлекается и наше «я». «Итак, вместо понятия “ближнего” (Nebenmensch) следует отдавать предпочтение более точному понятию Другого. Другой — это не любой другой; он состоит из “я” в точном отношении (er steht in der genauen Correlation), а именно — в отношении непрерывности. Другой, alter ego, — это источник “я”» [6, 201]. Таким образом, данность ближнего — это не то же самое, что заданность сложной непрерывности я/другой/другие, раскрывающей себя шаг за шагом, прямо как в фантазмагорическом мемуаре Пастернака.

В «Религии разума...» Коген делает следующий шаг: кроме понятия «ближний», есть и понятие «сочеловек» (Mitmensch), перед которым каждый из нас и ответствен. Этика всегда принадлежит всему множеству людей и имеет дело с уже данными людьми, которые могут не вредить друг другу. Но если кто-то совершил злой поступок, мы здесь уже не можем говорить, что его жертвой стал «ближний», просто потому что страдания этого человека создают из «ближнего» страдающего ближнего, в этом человеке объективируется совершенное зло. Так возникает и наше самосознание: мы видим, что наш поступок привел к страданию другого, мы не просто наблюдаем это страдание, но наблюдаем процесс объективации, и тем самым осознаем, в какой момент мы были не правы.

Самосознание, по Когену, тогда это осознание единичной уникальности: как злого поступка, причинившего страдание другому человеку, так и этого другого человека, чье страдание становится нашей заботой. Эту заботу мы не можем создать своими силами, мы не можем отменить уже бывшее, и религия, имеющая в виду уникальное страдание и каждого из нас, только и может стать настоящей заданностью культуры. В конце концов, Коген приходит к мысли о прощении, которое и превращает каждого из нас в *Mitmensch*, в того, кто может простить другого и тем самым оправдать сами акты сознания. Данность в таком случае оказывается аспектом сознания, некоторым способом понимать страдания, а заданность — общим планом религии, по отношению к которой наше сознание оказывается лишь аспектом, лишь одним из способов простить, так что после прощения мы можем только называть себя сознательными — как отличившие на опыте свой прежний статус среди ближних и нынешний статус среди со-человеков.

Таким образом, в системе Когена история делается, во всяком случае, *в момент* такого опыта отличения. В таком случае экономика оказывается скудной, она оказывается равнодействующей прежних и нынешних статусов, и единственной возможностью щедрости оказывается развитие техник самосознания, того самого взрывного продвижения самосознания человечества. В этом смысле система Когена методологична. Тогда как Бахтин исходит из другого, из щедрой экономики поступка, по отношению к которой отдельные проявления нашего сознания оказываются лишь аспектами видения уже совершившейся щедрости. Это та самая щедрость неожиданного дохода от неожиданной инновации: не простое проявление нравственного императива в каждом акте мессианства, как у Когена, следовавшего Канту в понимании нравственного единства человечества, но знамение времени, длящееся откровение, что-то вроде исихастского или иного мистического светоизлияния.

Бахтин, используя в лекционном курсе историзм в духе Гиббона, изменил его суть, показав, что мы должны говорить не о роковых поступках, расстроивших отношения между ближними, но об инновативных правилах заданий, которые и позволяют каждому сочеловеку щедро извиниться перед другим сочеловеком. Тем самым, он принимает всерьез реформу Когена, от ближнего к сочело-

веку, но различение данности и заданности проводит иначе. Это не различение природы и ценности (культуры), учитывая, что ценности в конце концов у Когена относятся к духу поэзии, во всяком случае в его ранней книге. В поздней книге Когена говорится уже о прощении как о выстраивании сложного аспекта взгляда всех людей друг на друга, в свете чего только и можно оценивать ценности, а значит, вообще признавать заданность в культуре.

Для Бахтина это признание ценности предшествует прощению — просто потому, что в системе Бахтина есть *голос*, прощение может прийти через голос, а не через признание — именно эту сторону мысли Бахтина и подхватил французский постструктурализм. Тогда, действительно, простая заданность хозяйства сразу делает его щедрым, во всяком случае, когда мы становимся аспектом этой заданности — не только прощающим, но и одаряющим. Не возможность экономить, а возможность одарять новые отрасли производства и искусства — это интересует Бахтина, и в этом смысле мессианство высокого Возрождения сменяется как раз маньеристским признанием любого ближнего сочеловеком, неожиданным подарком, из множества аспектов которого аспект дара будет выбран точно.

Литература

1. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9—69.
2. *Бахтин М.М.* Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана // Бахтинский вестник. 2020. Вып. 1. С. 7—20.
3. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 176 с.
4. *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго. Автобиографическая проза. Избранные письма. М.: Время, 1998. 742 с.
5. *Bakhtin M.M.* Toward a Philosophy of the Act. / Transl., notes by V. Liapunov. M.: Holquist; Austin: University of Texas Press, 1993. 106 p.
6. *Cohen H.* Ethik des reinen Willens, Berlin: Bruno Cassirer. 1904. xxiv, 672 s.

7. *Cohen H.* Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. Leipzig: Fock, 1919. vi, 629 s.

References

1. *Bahtin M.M.* K filosofii postupka // Bahtin M.M. Raboty 20-h godov. Kiev: Next, 1994. S. 9—69.
2. *Bahtin M.M.* Lekcii M.M. Bahtina po istorii zarubezhnoj literatury v zapisi M.A. Bebana // Bahtinskij vestnik. 2020. Vyp. 1. S. 7—20.
3. *Bibler V.S.* Mihail Mihajlovich Bahtin, ili Poetika kul'tury. M.: Progress, 1991. 176 s.
4. *Pasternak B.L.* Doktor ZHivago. Avtobiograficheskaya proza. Izbrannye pis'ma. M.: Vremya, 1998. 742 s.
5. *Bakhtin M.M.* Toward a Philosophy of the Act. / Transl., notes by V. Liapunov. M.: Holquist; Austin: University of Texas Press, 1993. 106 p.
6. *Cohen H.* Ethik des reinen Willens, Berlin: Bruno Cassirer. 1904. xxiv, 672 s.
7. *Cohen H.* Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums. Leipzig: Fock, 1919. vi, 629 s.

А.А. КОЗЛАЧКОВ

О судьбе свободы в современном мире*

Аннотация. В статье исследуется вопрос о свободе как особом общественном отношении. Выясняется социальный генезис свободы как социального отношения, связанного с выбором гражданами между двумя различными вертикалями власти (юрисдикциями), не подчиненными друг другу. Приводятся исторические примеры, отражающие эти факты. Дается оценка двух исторически раз-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козлачков А.А. О судьбе свободы в современном мире // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 217—232. DOI: 10.5281/zenodo.10675428.

ных форм свободы: народного трибуната и представительной демократии. Рассматривается проблема исчезновения из актуальных разработок западных ученых и публицистов вопроса о свободе, и делается предположение, что это связано с построением цифрового общества, которое не может быть создано, если в социуме сохранится христианская мораль, являющаяся материнским лоном для понятия «свобода».

Ключевые слова: свобода, плебейский трибунал, первая сессия плебеев, папская революция, цифровое общество, Руссо, Монтескье, христианская мораль.

Abstract. The article examines the issue of freedom as a special social relation. The social genesis of freedom is clarified as a social relationship associated with the choice of citizens between two different verticals of power (jurisdictions) that are not subordinate to each other. Historical examples reflecting these facts are given. An assessment is given of two historically different forms of freedom: the people's tribunate and representative democracy. The problem of the disappearance of the issue of freedom from the current developments of Western scientists and publicists is considered. The assumption is made that this is due to the construction of a digital society, which cannot be created if Christian morality remains in society, which is the mother womb for the concept of freedom.

Keywords: freedom, plebeian tribunate, first secession of the plebeians, papal revolution, digital society, Rousseau, Montesquieu, Christian morality.

УДК 17
ББК 87.6

Введение

В 1931 г. один из замечательных русских историков и философов Г. Федотов написал статью «Социальный вопрос и свобода», в которой словно случайно обронил мысль о том, что строительство всякой социальной организации совершается за счет свободы личности, которая в этом процессе умаляется и истощается. Свобода личности это такая материя, которая не может быть бесконечной,

она расходуется в ходе социального взаимодействия, и, следовательно, пределом любой организации является полное рабство [5, 291]. Мысль довольно неожиданная для традиции политической философии, и она явно была навеяна разворачивающимся в то время в Европе соперничеством коммунизма и фашизма, когда казалось, что привычное буржуазное общество будет похоронено одной из этих идеологий.

Сама статья заканчивалась оптимистичным призывом к строительству нового общества (нового града) на основах личной духовной свободы [5, 297], что в принципе противоречило начальному тезису, поскольку предполагало, что в обществе существует какой-то неиссякаемый источник этой самой свободы. Сам Г. Федотов нимало не озаботился тем, чтобы разъяснить это противоречие, и мысль об исчерпаемости свободы осталась одиноко торчащим бугром на ровном поле его размышлений о свободе.

А вопрос между тем носит принципиальный характер. Ведь если тезис о конечности свободы верен, то после достижения ею степени наибольшей концентрации в буржуазном обществе (на что также указывал Федотов), она начинает убывать и растворяться, и сам этот процесс является необратимым. А если он ложен, то свобода каким-то образом продуцируется в обществе, находясь в зависимости от способа хозяйствования или формы политического режима. Иными словами, свобода — либо некий материальный ресурс, либо общественное отношение. Во втором случае ее можно взять под контроль и попытаться наладить «производство».

И этот вопрос не праздный, дело в том, что все современные западные концепции развития общества вообще не предполагают наличия в нем элемента свободы, она испарилась из идеальных картин будущего, как вода улетучивается с нагретой металлической поверхности. То ли свобода в обществе действительно «закончилась», то ли проектировщики будущего решили больше не делать на нее ставку в развитии цивилизации — не ясно. Любого, кто пытается осмыслить происходящие в мире процессы, это зловещее молчание современной науки о свободе не может не настораживать и не подвигать к самым мрачным размышлениям. Авторы проекта «Нетократия», а также Клаус Шваб, Шоанна Зубофф, Юваль Ной Харари, Насим Талеб в один голос говорят, что общественный

уклад, связанный с цифровизацией, основным предметом своей деятельности будет иметь не эксплуатацию природы и ее ресурсов, а трансформацию собственно природы человека и эксплуатацию его ресурсов. При этом тоталитарный характер организации общества становится не столько желаемым, сколько неизбежным, поскольку человек будет сопротивляться собственному расчеловечиванию, и для слома этого сопротивления потребуются самая жесткая система принуждения. И если европейские мыслители середины XX в. пытались понять причину, по которой человек склонен обменивать свою свободу на спокойствие и уют (Э. Фромм), то философы нового поколения, кажется? отказывают будущему обществу и в том, и в другом.

Указанные обстоятельства вполне достаточны для того, чтобы поставить вопрос о судьбе свободы в современном мире, а начать следует с выяснения того, является она исчерпаемым ресурсом или возобновляемым общественным отношением, которым возможно управлять. И в качестве предмета изучения надо обратить внимание на два исторических факта, которые наиболее выразительно представляют явление свободы в обществе.

Первая сецессия плебеев

В Древнем Риме рубежа V и IV вв. до н. э. произвол заимодавцев, арендодателей и представителей властей достиг предела, простой народ нищал и дошел до крайности. Не имея защиты со стороны государства, плебеи ушли из Рима, собрались на холме Авентин и выработали программу действий, которая на века определила римский государственный строй. Пик событий, которые вошли в мировую историю как первая сецессия плебеев, пришелся на 495 г. до н. э. В результате народного восстания пошатнулась власть сената, а плебеи добились списания долгов, что явилось серьезным облегчением их экономического положения. Было принято важнейшее решение о подготовке первого свода публичного законодательства, законов XII таблиц, поскольку одним из требований народа было желание знать, по каким законам его судят жрецы и магистраты. До этого священные тексты законов были в исключительном ведении жрецов, фактически еще не слишком отделяясь от текстов молитв и богослужений. Для обеспечения гласности законы

были выбиты на медных таблицах и установлены на всеобщее обозрение на римском форуме. Но самое важное из итогов сессии состояло в образовании особого органа — плебейского трибуната, предназначением которого явилась защита народа от произвола сената и магистратов. Личность трибуна объявлялась неприкосновенной, насилие над ней каралось смертной казнью и конфискацией имущества. Трибун имел право отменять решения магистратов, следить за правильностью налогообложения и взимания арендной платы, регулировать цены на хлеб, арестовать любое лицо и подвергнуть его штрафу. Также он получил право привлекать к суду всякое лицо, включая членов сената и чиновников магистратов. В истории науки трибунские полномочия получили название «негативная власть», поскольку трибун мог отменить какое угодно решение, не имея права принять нового [2, 133—134].

Вглядываясь сквозь непрозрачную толщу веков в это неординарное явление, приходишь к выводу, что государственная власть как бы получила ментора, который не мог ее к чему либо принудить, но своим отрицанием властных повелений заставлял искать ее приемлемое для простого народа решение. Полномочия власти и трибуната распределились таким образом, что не мешали, а дополняли друг друга. Образовалось две независимых, но взаимосвязанных системы осуществления власти (юрисдикции), позволявшие простому человеку найти экстраординарную форму защиты своих интересов, когда обычные государственные институты с этим не справлялись.

Папская революция

Второй исторический факт не менее выразителен. В 1075 г. папа Григорий VII провозгласил юридическое верховенство Ватикана над всеми христианами, а представителей клира — над светскими властями. Он заявил, что папы могут низлагать императоров, самостоятельно созывать вселенские соборы и председательствовать на них, церковь может устанавливать законы и толковать их, независимо от воли императора. Папа стал назначать кандидатов на церковные должности, даровал привилегии, наконец, стал верховным судьей и отправителем правосудия. Иными словами, он стал независим от светских властей, организовав собственную систему

властных отношений (юрисдикцию). Это событие, получившее в истории название «папская революция», дало начало фундаментальным изменениям в правовом облике Европы. Поначалу, самостоятельность папы распространялась на сугубо церковные вопросы, но поскольку церковь была крупнейшим феодалом, проблемы собственности и поземельных отношений были неотделимы от собственно церковных дел и постепенно папской юрисдикцией начали охватываться и мирские вопросы, такие как имущественные споры и наследование [1, 101].

С этого момента у населения Западной Европы появилось право выбора, кому подчиняться: светской власти или власти местного епископа. Это была свобода выбора лучших условий жизни, меньшего экономического притеснения, более справедливого суда. У правящих классов, напротив, возникло состояние постоянного опасения за то, что народ мог в любой момент развернуться и уйти от своего господина к другому, более умному и справедливому — началась эпоха конкуренции за население. Возникло состояние свободы.

Сходство и различие двух моделей свободы

В этих примерах легко увидеть сходство двух форм свободы, которое состоит в том, что в субъективном смысле свобода есть право выбора человека (людей) той юрисдикции, в которой он в большей мере способен реализовать свои права. Но как раз наибольший интерес представляет собой не сходство, а различие моделей свободы.

В Риме борьба плебеев за справедливость не имела своей целью захват власти в государстве, задачи были ограниченными, нацеленными исключительно на обеспечение своих прав и свобод внутри единого правового пространства. Вечный город создал устройство, которое в целях восстановления нарушенной справедливости предоставляло человеку дополнительную степень свободы в отношении гомогенной государственной машины, т. е. свобода оказалась дровами в топке справедливости. При этом и Сенат, и Народное собрание Рима действовали наряду с плебейским трибуналом, не мешая друг другу, и даже восполняя недостатки один другого. Из этого следует, что трибунская форма свободы укрепляет

государство, поскольку подтверждает отлученным от процедуры принятия государственно-властных решений, что власть существует не только для богатых, но и для них тоже.

В Средневековой Европе власть папы была изначально не связана с границами государств, поэтому папская революция произошла не в едином правовом объеме, а в некотором неустойчивом правовом образовании, поскольку Священная Римская империя представляла собой набор территорий, склонных к самостоятельному государственному существованию. Папа боролся именно за верховенство власти, а следовательно, рыхлое государственно-правовое образование тем самым подвергалось критическим перегрузкам, и оно не могло выдержать борьбы двух юрисдикций не разрушаясь. Институты свободы в Европе появлялись именно как следствие разрушения гомогенного государственно-правового пространства. Имперская иерархия, в попытке представить подданным наилучшие условия, поневоле обменивала свою суверенность на право самоорганизации народа (свободу), что отчетливо видно на примере истории развития представительных и профессиональных учреждений: парламентов, советов, общин, гильдий, цехов. Представительные органы, олицетворявшие свободу, создавались там, где образовывался вакуум власти в борьбе двух титанов — империи и церкви. Поэтому различие между римской формой свободы и «европейской» состоит в том, что одна вырабатывалась как способ усиления государства, а вторая — как следствие его ослабления.

Онтология общественной свободы

Здесь вполне можно сделать несколько фундаментальных выводов относительно онтологии свободы.

- Свобода является особого рода общественным отношением, которое может создаваться и поддерживаться, а ее объем носит регулируемый характер. Фитиль свободы может быть «прикручен», а может быть расправлен на полную мощность.
- Субъектом свободы является не абстрактный народ, а та его часть, которая в римской традиции получила название «плебеи», т. е. не имеющая отношения к отправлению государственной власти. Именно ей принадлежит право выбора, какой из конкурирующих юрисдикций отдать свою благосклонность. Элита внутри госу-

дарства не является субъектом внутренней свободы. Элита является субъектом отношений свободы только перед лицом другой элиты или элит.

- Свобода требует определенной архитектуры общественных учреждений. Обязательными институтами свободы являются два ее полюса, две властные вертикали, составляющие независимые друг от друга юрисдикции. Полюсы при этом не должны быть способны подчинять друг друга (как анод и катод, между которыми возникает электрическая дуга).

Нужна ли обществу свобода?

С течением времени понятие «свобода» перешло в разряд самоценных, смысл которых не нуждается в дополнительных подкреплениях и обоснованиях. Но вот после того, как мировая общественность таинственно остыла к ней душой, уже вовсе не так очевидно стало, что свобода в обществе необходима. Даже первичные смыслы, которыми напитано это слово, уже позабылись, и никто уже и не вспомнит — зачем нужна эта самая свобода? Поэтому посмотреть на них заново, а может, и увидеть в них что-то новое, является вполне насущной задачей. Итак, следующий вопрос, ответ на который надо понять: нужна ли свобода обществу, или, может быть, это состояние обременяет его ненужными процедурами и затратами?

Если давать оценку римской свободе и ее роли в становлении государства, то здесь есть одно качественное суждение, делающее излишним изучение любых количественных показателей, и принадлежит оно такому знатоку материала, как Т. Моммзен. Он указывает, что после Цезаря, когда пали или пришли в униженное состояние республиканские институты власти, включая плебейский трибунал, народное собрание и сенат, римский строй расширился лишь механистическим образом, внутренне отмирая и засыхая [4, 321]. Вот в этом «внутренне отмирая и засыхая» отлит весь смысл, и республиканского периода, и последующего ему имперского. Империя проедала подкожный жир народной свободы, накопленный за несколько веков республики. Силы тления в империи не могли убить государственное тело сразу по установлению единовластия, слиш-

ком велика была накопленная инерция движения, но жизненные силы уже не обеспечивали ему развития и процветания.

А вот применительно к развитию свободы в Западной Европе, напротив, можно привести несколько количественных показателей. В следующие сто лет после папской революции население Европы увеличилось в 1,5—2 раза, что было вызвано резким улучшением агротехники и увеличением производительности сельского хозяйства. До XI в. Европа с большим трудом могла прокормить собственное население, а к концу XII-го у нее уже появились остатки сельхозпродукции, годные к обмену. Возникли города в том виде, как мы их знаем сегодня. Если в 1050 г. в Европе было всего два города с населением 10 тыс. человек (Венеция и Лондон), то через 200 лет до 10% населения жило в городах, в некоторых из них было по 100 тыс. населения, а в десятках — более 30 тыс., число городского населения увеличилось до 3—4 млн человек. Появился класс купцов, который до 1050 г. существовал в виде немногочисленных бродячих торговцев, а к концу XII в. уже можно было обеспечить обеспечить переброску крупных объемов товаров по территории Европы, что повлекло за собой взрывной рост банковского и страхового дела. Наконец, открылись первые на территории Западной Европы университеты, расцвели науки и искусства [1, 107—108]. К этому периоду относится такое явление, как создание новых правовых систем. Между императорским правом и каноническим, которые задавали границы осуществления свободы, возникали дополнительные выбросы энергии, порождавшие новые правовые формы. К этому времени относится формирование феодального права, упорядочивавшего отношения «сеньор — вассал» по поводу держания ленных владений, а также принесения присяги на службу. Естественным и параллельным процессом при этом было создание и маноориального права, регулировавшего отношения «помещик — крестьянин» по поводу сельскохозяйственного производства, а также жизни феодального поместья. Возникло торговое право, обслуживавшее отношения по поставке товаров, купле-продаже, страхованию, расчетам за поставку, т. е. все те отношения, из которых завязался на европейской почве капитализм. Наконец, родилось городское право, регулировавшее отношения внутри городов, а также

гильдий торговцев и цеховых объединений, до сего дня являющееся великим образцом самоуправления и саморегулирования.

Таким образом, общественная свобода — колоссальный источник жизненной силы государства, который продуцирует творческую энергию населения, результатом чего становятся новые формы социальной жизни, закрепляемые правовыми институтами и установлениями. Традиционный взгляд философии истории, восходящий к Аристотелю и Платону, предполагающий, что можно сконструировать идеальное общественное устройство, следует слегка откорректировать, приняв, что смена государственных типов может происходить по воле человека, в зависимости от необходимости дозировать свободу. Это предполагает, что бывают ситуации, когда свобода требует ограничений, что прекрасно знали римляне, у которых институт диктатуры был временным, вводившимся в строгое соответствии с законом. Они исходили из того, что надолго общественную свободу ограничивать нельзя, поскольку все социальные процессы в этом случае приходят в упадок. Общество без свободы существовать может, но оно не может без нее развиваться!

Россия и свобода

В России к свободе особое отношение. События, развернувшиеся в позднем Советском Союзе, поставили в народном сознании клеймо самого низкого обмана на этом явлении. Провозглашенная элитами СССР задача реформирования государства на началах буржуазной свободы, обернулась таким живодерским экспериментом над собственным народом, что теперь уже кажется нет силы, способной придать этому понятию хоть сколько-нибудь положительные смысловые оттенки. Поэтому в России не случайно из пространства общественной рефлексии исчезли всякие вариации на тему свободы, парламентаризма и прав человека. Любого говорящего на эти темы автоматически подозревают в желании украсть кошелек.

И тем не менее, исторический роман России и свободы еще не закончен. Свобода является основным условием социального развития, и как раз этого момента в жизни исторической России не хватает. Достаточно указать всего на один непреложный факт: Россия всегда отстает в технологическом и социальном развитии от

стран Запада! По этой причине государство российское время от времени впадает в истерику по поводу модернизации, а поскольку такая необходимость возникает в период слабости, войн и других нестроений, этот процесс протекает с тяжким надрывом всех народных сил. Петр I, Александр II, Сталин, нынешнее руководство страны как заговоренные двигали Россию по одному заколдованному кругу: после усилия, заставляющего народ пройти через «небывалые испытания», на какое-то время удается достигнуть паритета с коалицией врагов, восстанавливается нормальное течение жизни, после чего страна вновь на долгий срок впадает в социально-политическую спячку. Этот роковой, постоянно воспроизводящийся цикл, связан не с особой склонностью русского народа к дремотному покою, а также и не с каким-то особым мистическим элементом в судьбе страны, а с неспособностью элиты найти правильную форму свободы для обеспечения постоянного развития. Перспективная задача формулируется довольно просто: необходимо создать в обществе источник свободы и наладить правильное управление возникающим общественным отношением.

Спор двух форм свободы

Когда в XVI—XVIII вв. в политических кругах Европы конструировалась новая общественно-политическая форма, идущая на смену феодально-монархической, концепции разделения властей, созданной Монтескье, противостояла модель прямой демократии на основе народного трибуната, которую по опыту Римской республики предлагал Руссо. Победила абсолютно патерналистская идея Монтескье, которая исходила из того, что народу всегда нужен кто-то, кто его опекает и является поводырем в хитросплетениях общественной жизни. Изначально было ясно, что институт разделения властей не гарантирует свободы народа и не ограждает его от произвола правительства [3, 60—61].

Идея разделения властей (парламентарная форма свободы) имеет некоторые особенности.

Во-первых, она является искусственно сконструированной и с точки зрения теории опирается на построения Монтескье об уравновешивании одной ветвью власти другой, а с практической точки зрения базируется на опыте английской буржуазной революции.

Для развивающейся буржуазии такая форма казалась очень привлекательной, она позволяла реализовать свои корпоративные интересы и найти компромисс с аристократией, а кроме того, начиная с папской революции, была более или менее понятна народу.

Второе, на что надо указать — представительная демократия, по Монтескье, исключает прямое волеизъявление народа, свойственное демократиям Древней Греции, Древнего Рима или современной Швейцарии, т. е. когда граждане сами голосуют по волнующему их вопросу, а не поручают это своему представителю. Депутат как представитель народа утрачивает связь с избирателем с момента своего избрания, потому что он не обладает так называемым императивным мандатом, т. е. не имеет обязанности голосовать только так, как предписали ему избиратели, за что последователи Руссо и критиковали построения Монтескье.

В-третьих, парламентаризм предполагает систему разделения властей, в которой у народа нет своего специального органа по отстаиванию его интересов. Система разделения властей предполагает уравнивание одной ветвью власти двух других и их контроль друг другом. Разделение властей — элитарный принцип, главными задачами которого являются недопущение узурпации власти какой-либо из элитных группировок и недопущение их излишнего обогащения, а не создание особой архитектуры свободы, которая является приятным, но не обязательным довеском к основной задаче.

Трибунская форма свободы лишена этих недостатков, поскольку трибунал всегда занимался исключительно исправлением тех несправедливостей, которые уже осуществились, т. е. он имел своеобразный императивный мандат решать конкретные вопросы. Не теряет он и связи с народом, поскольку «связь с народом» и есть то, ради чего существует этот институт. Ну и, наконец, он вносит в систему органов государственной власти ту здоровую оппозицию, которая саму власть делает острее и мощнее, при этом заставляя ее соблюдать интересы трудового населения.

В политической сфере принцип трибунала востребован не был, сделано это было расчетливо и осознанно, а причина в том, что буржуазные республики создавались на базе принципа доминирования элиты над трудовым населением, а это не предполагало нали-

чия в обществе механизма восстанавливающего социальную справедливость в режиме постоянно действующей фабрики.

Опыт СССР

Интересно, что некоторый отголосок существования народного трибунала можно обнаружить в деятельности Комитета народного контроля СССР. Он не только имел право надзирать за исполнением бюджета государства, но и издавать обязательные для исполнения нормативные акты, обращаться с предложениями в Совет министров, проводить проверки, ревизии и экспертизы, налагать штрафы на виновных, передавать материалы для возбуждения уголовных дел в правоохранительные органы. Очевидцы рассказывают, что чиновники больше боялись народного контроля, чем ОБХСС.

Это наталкивает на любопытные соображения. С одной стороны, народный контроль СССР не имел самого главного права, которым пользовался трибунал в Риме — отменять решения государственных органов. С другой же стороны, совокупность его полномочий приводила к тому, что соответствующие решения ставились под сомнение и корректировались самим органом, который их принял. Интересно, что самому справедливому государству народный контроль понадобился как дополнительный контур наблюдения за законностью, поскольку многочисленные надзорные органы не справлялись с этой задачей. В этом смысле советский народный контроль, несмотря на внешнюю схожесть с системой плебейского трибунала, на самом деле скорее занимал промежуточное положение между особой ветвью власти в системе разделения властей и отдельной властной юрисдикцией, каковой являлся исторический трибунал.

Выводы

Свобода есть объективное общественное отношение, возникающее в обществе, когда в нем существуют как минимум две равносильные вертикали власти, не подчиненные одна другой. С субъективной стороны свобода характеризуется возможностью выбора человеком подчинения одной из них или возможностью апелляции к одной из них для защиты от решений, принятых другой. Свобода

и как объективное отношение, и как субъективное право направлена преимущественно на плебеев (трудовое население), поскольку элита, как правило, не нуждается в таком способе защиты своих прав.

Состояние свободы общества активизирует творческую энергию народа, обеспечивая государству и обществу грандиозный рывок в социальном развитии. Правильно сбалансированная форма свободы способна стать двигателем развития на столетия, неправильно — может разрушить и государство, и общество.

Отвечая на вопрос, по какой причине проектирование будущих социальных форм на Западе не включает в себя форм политической свободы, надо констатировать, что есть как ближайшее обстоятельство, так и стратегическая причина. Ближайшее обстоятельство состоит в том, что убывание всех видов ресурсов в странах Запада порождает серьезное недовольство народа и в скором времени заставит элиты ужесточать политические режимы для его обуздания. Неслыханную скорость перехода от демократии к диктатуре продемонстрировала в предвоенные годы Европа, нечто подобное, вероятно, будет происходить и сейчас. Но есть и стратегическая причина исчезновения свободы, которая связана с процессами цифровизации. В цифровом мире человек представляет собой ресурс для экономики, а в этом качестве он должен быть предсказуем в своем потребительском поведении, что не предполагает у него существующего объема личной свободы. Но как при отсутствии свободы обеспечивать развитие общества — остается вопросом. Даже если предположить, что развитие не планируется вообще, то понадобится где-то добывать энергию на период перехода к новому миру. Судя по процессам, протекающим в мире, сегодня эта энергия добывается из процессов морального разложения общества, отсюда такая значимая роль в западном мире отводится ЛГБТ-движению (экстремистская организация, запрещенная в России), которое агрессивно насаждается непосредственно государством.

Получается, что цифровизация и демонтаж христианской моральной модели (христианская мораль наиболее универсальна для всех традиционных типов) — две стороны одного процесса. Идеал цифрового общества предполагает, что большая часть населения во многом лишается свободы воли, а именно это и есть главная составляющая христианского кодекса морали. Не уничтожив одного —

традиционной морали, невозможно достичь и другого — цифрового общества. Выходит так, что отсутствие свободы в социальных проектах будущего не случайность, а планомерный демонтаж ненужного общественного отношения.

У Запада своя концепция будущего есть, пусть она и представлена в ужасающем для человека традиционной культуры варианте, а вот у России ее нет. Россия в этом смысле интеллектуально вторична, и до настоящего времени она не предъявила миру свой «мандат» на право стать лидером в мировой перестройке, хотя и возглавила мировую революцию фактически. И одним из слагаемых нового общественно-политического устройства, которое необходимо начать конструировать в России, должна стать концепция народного трибуната — тому есть сразу несколько резонансов. Во-первых, конструированию общества на базе гностических химер следует противопоставить модель, центром которой является традиционное представление о свободе личности, а для решения этой задачи нет ничего лучше модели народного трибуната. Во-вторых, трибунал полностью соответствует российской государственно-правовой культуре, в которой серьезно развита такая форма прямой демократии, которая предполагает прямое обращение граждан к какому-то органу за защитой от произвола чиновничества. В-третьих, трибунальная власть не исключает других форм обеспечения прав и свобод граждан и легко с ними уживается.

В разворачивающейся войне между разными общественно-политическими укладами, России придется схлестнуться с самыми безжалостными и бессовестными хищниками, и в этой битве ей понадобится какой-то серьезный аргумент в борьбе за симпатии глобального мира, и таким конкурентным преимуществом вполне может стать создание республики народного трибуната.

Литература

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994. 592 с.
2. Козлачков А.А. Замковый камень византизма. Историко-правовое исследование причин гибели Византии в связи с дискуссиями о политическом будущем России. М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. 208 с.

3. Лобрано Дж. Защита общественной и индивидуальной свободы: разделение властей и трибунат. Древнее право. Ius antiquum. Ni. M.: Спарк, 1996. 313 с.

4. Моммзен Т. История Рима. Т. III. СПб.: Наука, Ювента, 1995.

5. Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1991. 352 с.

References

1. Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya / Per. s angl. M.: Izd-vo MGU, 1994. 592 s.

2. Kozlachkov A.A. Zamkoviy kamen' vizantinizma. Istoriko-pravovoe issledovanie prichin gibeli Vizantii v svyazi s diskussiyami o politicheskom budushchem Rossii. M.: IKD «Zertsalo-M», 2012. 208 s.

3. Lobrano Dzh. Zashchita obshchestvennoy i individual'noy slobody: razdelenie vlastey i tribunat. Drevnee pravo. Ius antiquum. Ni. M.: Spark, 1996. 313 s.

4. Mommsen T. Istoriya Rima. T. III. SPb.: Nauka, YUventa, 1995.

5. Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii // Izbrannye stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury; V 2 t. T. 2. SPb.: Sofiya, 1991. 352 s.

Ф.И. ГИРЕНОК

Традиционные ценности: соотношение субъекта и объекта*

Аннотация. В статье рассказывается о том, чем ценности отличаются от вещей и почему возникают традиционные ценности. Анализируя былинку «Три года Добрынюшка стольничел», автор приходит к выводу, что в традиционном действии человек выступа-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Традиционные ценности: соотношение субъекта и объекта // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 232—239. DOI: 10.5281/zenodo.10675432.

ет как объект, а в личном действии — как субъект морали. В статье показано, что традиции не выбирают, но их обновляют. Переоценка ценностей не обозначает отказ от ценностей, но указывает на учреждение нового социального или экзистенциального порядка.

Ключевые слова: ценность, мораль, человек, обычай, традиция, добро, добродетель, Добрыня Никитич, поступок.

Abstract. The article talks about how values differ from things and why traditional values arise. Analyzing the epic «For three years Dobrynushka served dinners», the author comes to the conclusion that in traditional action a person acts as an object, and in personal action — as a subject of morality. The article shows that traditions are not chosen, but they are updated. The reassessment of values does not mean the abandonment of values, but indicates the establishment of a new social or existential order.

Keywords: value, morality, man, custom, tradition, goodness, virtue, Dobrynya Nikitich, deed.

УДК 177
ББК 87.5

Что такое ценность? Любая вещь является вещью не потому, что мы относимся к ней, как к вещи, а потому что она есть вещь сама по себе и причину своего бытия имеет в себе, а не в нас.

Ценность — не вещь. Причина ее существования не в ней, а в нас, в людях. Ценность являет себя как ценность лишь потому, что мы относимся к ней как к ценности. В природе нет ценностей. Они есть в мире человека. Если мы перестанем относиться к ценности как к чему-то ценному, она исчезнет, и тогда начнется переоценка ценностей.

Есть ценности, которые мы не выбирали, их выбирали наши предки без нас и до нас. Такие ценности называются традиционными. Они работают в нас, за нас и не зависимо от нас. Без них мы всякий раз заново будем решать вопрос: кто мы и что нам делать? Если у нас уже есть традиция, то выбирать надо нам не традицию, а себя. Мы субъекты себя и объекты традиции. Рассмотрим соотно-

шение субъекта и объекта ценностей на примере Добрыни Никитича.

Добрыня Никитич — былинный герой. Он жил в те времена, когда выбирали не себя, а традицию. Выбирали то целое, частью которого были. Выбор традиции — это всегда война между картинами мира. Об этом выборе рассказывается в былине «Три года Добрынюшка стольничал», записанной Киршей Даниловым.

Добрыня

Мы, русские люди, любим не умных людей, а добрых. Не скромных тружеников, а героев. Что значит быть добрым? Быть добрым означает делать добро. Кто делает добро? Добрый человек. Определение добра не может быть содержательным. Содержание всегда случайно. Добро держится несодержательной формой, которая всегда полна и неделима. Был ли добрым Добрыня, или он делал добро, не будучи добрым? Главное для него подвиг. Подвиг требует поступка. Поступок — личных качеств. Когда Добрыня добр? Когда ему царь Батай разрешил стрелять, куда он захочет: или по татарам, или в чистое поле. Добрыня пожалел татар и выстрелил в чистое поле.

Жизнь требует от человека не подвига, а монотонного труда и профессиональных качеств. Добрыня на войне беспощаден к врагам, в сражении он богатырь. В повседневной жизни он обыкновенный человек, служит князю, исполняет христианский закон и обычай. Здесь нет места ни подвигу, ни добру. Быть добрым в жизни — означает поступать не по форме, а по своей воле. Но где есть своеволие, там есть место и для греха.

Добрыня служащий

Былина рассказывает:

«В стольном в городе во Киеве,
У славнова сударь-князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет...».

Три года Добрыня еду подавал за княжеским столом, три года он напитки в чашках разносил, три года приворотничал, на страже у ворот княжеских стоял. Есть ли здесь место для подвига? Конечно, нет. Здесь все равны, богатыри и не богатыри. На службе нужны не личные качества человека, а профессиональные. Могут ли профессиональные качества расширяться и вытеснить действия, основанные на личных качествах? Могут. Эта возможность является причиной сжатия внутренней жизни человека, отдающего себя службе князю. Что мы знаем о внутренней жизни Добрыни за девять лет службы у князя? Ничего нам былина об этом не говорит.

«На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел...»

Если есть город, то есть и горожане, жители города. Был ли Добрыня горожанином? Нет, не был. Он из деревни. Знает ли он, как вести себя в городе? Не знает. Он знает, как вести себя на воле, в поле, в лесу, с врагом. Однажды Добрыне пришлось сразиться с женщиной-богатырем. Не умел Добрыня драться с женщинами, научил его этому бою Илья Муромец. Срубил голову Добрыня Никитич бабе Горемыкиной. Так среди богатырей сложилась традиция. Об этом говорится в былине под названием «Илья ездил с Добрыней». Гулять по Киеву Добрыня вышел один, без друга.

Прогулка

Добрыня взял с собой на прогулку лук и каленые стрелы. Зачем? Ведь он же не на стражу у ворот княжеских собрался. Историки говорят, что он специально решил пойти на Маринкину улицу и ее безбожное гнездо разорить. Князь Владимир его отговаривал, но он настоял на необходимости утверждения христианской веры. Но это говорят историки, былина об этом ничего не говорит. В ней Добрыня взял оружие по привычке, забыв о том, что город — это не поле и идет он не на войну.

Идет Добрыня по городу и от нечего делать воробьев постреливает и голубей:

«По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей...».

Куда он стреляет? По вторым этажам, да по высоким башням в жилых хоромах. Хорошо ли это или плохо? Былина прямо об этом ничего не говорит. Она его не осуждает. В конце концов, Добрыня приходит в переулочек с высоким теремом, на котором сидели два голубя и миловались, да желтыми носами обнимались. И были это не просто голуби, а символы Маринки-безбожницы и друга ее, любовника Змея Горыныча. Показалось Добрыне, что они, символы, над ним насмехаются. Ему бы перекреститься и забыть о них, но он этого не сделал.

«Тут Добрыни за беду стало,
Будто над ним насмехаются...»

Насмехались ли голуби или не насмехались, Добрыня не стал решать эту задачу. Он взял лук и пустил каленую стрелу в голубей. Пустил и промахнулся. А он — чемпион по стрельбе из лука. Почему же Добрыня промахнулся? Ведь он герой. Он не может промахнуться. И вот здесь в былине начинается смысловой взрыв. Мир только кажется нам причинно устроенным. Не для всего в нем есть причины. Есть в нем и тонкие связи. Бывает еще и неожиданное «вдруг».

О чем это говорит? О том, что в мире есть нечистая сила, и еще есть чистая сила, и они ведут с собой борьбу за человека. Никого бы вдруг не было и результаты действий человека всегда совпадали бы с его целями, если бы человек не грешил. А он грешит. И Добрыня грешил. И поэтому они не совпадают. Ты хочешь одного, а получается другое. Захотел Добрыня погулять, а привел в действие нечистую силу. Чем он ее привел в действие? Своей немотивированной стрельбой в столице. Он стрелял, и ему все сходило с рук. А тут нашла коса на камень. И камнем этим оказалась Марина-безбожница.

Наказание Добрыни

Былина говорит так:

«По грехам над Добрынею учинился:
Левая нога ево поклъзнула,
Правая рука удрогнула:
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящетое,
Проломил он окон(н)ицу стекольчетую,
Отшиб все причалины серебряныя.
Росшиб он зеркала стекольчетое,
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные всплеснулись...».

Маринка-безбожница никому не мешала, она умывалась, наряжалась и спешила на свидание со Змеем Горынычем, а тут откуда ни возмись стрела каленая прилетела от Добрыни. Решила она наказать Добрыню Никитича, «невежу деревенского», чтобы он учился жить городской жизнью. Приворожила она его, влюбила в себя «еретницу» богатыря православного. Встал утром Добрыня и вместо заутрени в церкви поспешил к Марине. А там у нее в гостях Змей Горыныч. Напугал Змея Горыныча Добрыня, пообещал его на кусочки порубить и прогнал. В отместку Марина превратила Добрыню в гнедого тура и пустила его в чистое поле, где уже ходили девять таких же туров. Стал Добрыня десятым. В чем обвиняют Добрыню Никитича жители города Киева Марина-колдунья и Змей Горыныч? В том, что он правил не знает, что он невежа и деревенщина, по домам стреляет. В терем без приглашения вломился, ворота железные сломал, посуду побил. Разве это подвиги героя? Это невоспитанность Добрыни Никитича. Былина показывает Маринку уже не абсолютным носителем зла, а чем-то вроде дамы света, у которой много знатных любовников и друзей. Она бывает и на княжеских приемах. В свою очередь, Змей Горыныч представляется былиной не сам по себе как чудовищная сила зла, а как Маринкин любовник.

Так бы все и закончилось наказанием Добрыни Никитича, если бы не было в мире чистой силы. А чистой силой на земле былина

полагает крестную мать Добрыни Никитича. Пересилила крестная мать нечистую силу Маринки-еретницы, пообещав ее превратить в собаку, заставила ее вернуть Добрыне человеческий облик. Но вернуть его означает одновременно показать, что есть еще правила приличия, и их нужно соблюдать в цивилизованном мире даже былинным богатырям.

Наказания Марины

Вернула Марина-еретница Добрыне Никитичу облик человека, попросив его жениться на ней. «Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» — спросила его язычница. Добрыня ответил:

«А, право, возьму, ей богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!»

Не знала Марина-безбожница, как по традиции мужья жен учат. «Тому она, Марина, не поверила», — говорит былина. Поженились они не в церкви православной. Марина и Добрыня «Круг ракитова куста венчались». Женильба была, а брака не было. Если жена колдунья, то Добрыня мог поступить с ней, как княжеский чиновник с блудницей, воровкой и клеветницей. Пришли они в Маринин высокий терем, нет иконы в нем, нет Спасова образа, некому помолиться. И стал Добрыня жену Маринку-колдунью учить:

«А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молодую Марину Игнатьевну,
Еретницу — — безбожницу:
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
— Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчишша!
А второе ученье — ноги ей отсек:
— А и эта-де нога не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишшем!
А третье ученье — губы ей обрезал

И с носом прочь:
— А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали оне Змея Горынчишша!
Четвертое ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
— А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретическия!».

После этой финальной сцены вновь возникает вопрос: что значит быть добрым и был ли добрым Добрыня Никитич? Ответ на этот вопрос, согласно К. Аксакову, должен быть формальным: «Такая строгая казнь, совершенная с полным спокойствием Добрынею, не может служить определением его нравственного образа и кидать на него тень обвинения в жестокости. Это обычай всех богатырей того времени; будучи не личным делом, а обычаем, подобный поступок лишен злобы и свирепости, вытекающих уже из личного ощущения» [1]. Иными словами, в данном поступке Добрыня выступает не как субъект морали, а как объект традиции. Не было на Руси дианозических добродетелей, не искали люди середину в совершаемом поступке. Не принято у нас быть не холодным и не горячим, а теплым. У нас добро традиционно было такой односторонности, что его можно легко было принять за зло.

Литература

1. Аксаков К. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням: URL: <https://coollib.com/b/165719/read> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Aksakov K. Bogatyri vremen velikogo knyazya Vladimira po russkim pesnyam: URL: <https://coollib.com/b/165719/read> (data obrashcheniya: 15.01.2024).

Н.Н. РОСТОВА

**Александр Петров как собеседник Достоевского:
проблема сознания и жизни в повести
«Сон смешного человека»***

Аннотация. В статье анализируется философская проблема соотношения жизни и сознания на материале мультипликационного фильма А. Петрова «Сон смешного человека», который, в свою очередь, является творческой рецепцией одноименной повести Ф.М. Достоевского. Автор показывает, что режиссер не просто экранизирует первоисточник, не только добивается эстетического созвучия литературному произведению, но вступает в философский диалог с писателем. В статье исследуется, как Петров распутывает метафизические противоречия писателя при помощи образа маски. Там, где у Достоевского отсутствует ответ на вопрос о том, что такое человек, у Петрова оказываются художественные рассуждения о пластичной природе человека, его исконной способности превращаться. Автор приходит к выводу о том, что если Достоевский провозглашает невозможный синтез идеи рая и императива любви, то у Петрова человек понимается как существо, актуализирующее себя в любви как метафизическом расширении.

Ключевые слова: жизнь, сознание, страдание, маска, превращение, ложь, сладострастие, человек, философская антропология.

Abstract. The article analyzes the philosophical problem of the relationship between life and consciousness based on the material of A. Petrov's animated film «The Dream of a Funny Man», which, in turn, is a creative reception of the novel of the same name by F.M. Dostoevsky. The author shows that the director does not just screen the original source, not only achieves aesthetic harmony with the literary work, but enters into a philosophical dialogue with the writer. The article explores

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. Александр Петров как собеседник Достоевского: проблема сознания и жизни в повести «Сон смешного человека» // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 240—248. DOI: 10.5281/zenodo.10675435.

how Petrov unravels the metaphysical contradictions of the writer using the image of a mask. Where Dostoevsky does not have an answer to the question of what a person is, Petrov turns out to have artistic arguments about the plastic nature of human, his primordial ability to transform. The author comes to the conclusion that if Dostoevsky proclaims an impossible synthesis of the idea of paradise and the imperative of love, then Petrov understands human as a being actualizing himself in love as a metaphysical extension.

Keywords: life, consciousness, suffering, mask, metamorphosis, lie, voluptuousness, human, philosophical anthropology.

УДК 159.9.01
ББК 87.5

В 1877 г. Ф.М. Достоевский, издав большинство своих известных произведений, пишет повесть «Сон смешного человека», в которой формулирует философскую проблему соотношения жизни и сознания. В чем состоит эта проблема? Суть противопоставления жизни и сознания заключена в вопросе об истоках причинности. Примат жизни означает для человека примат внешней детерминированности его актов и предактов. Примат сознания — доминирование внутреннего над внешним, иначе говоря, самопричинение. Достоевский выступает против тезиса, согласно которому «сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья» [1, 800]. С целью развенчать этот тезис Достоевский отправляет главного героя в воображаемое путешествие на райскую землю — двойник нашей планеты, где живут блаженные люди. Это путешествие происходит во сне и при том с тем, кто, открыв, что на свете везде *все равно*», намеревался совершить самоубийство. Попадая в рай, герой расстается с этим чувством. Ему открывается истина о том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле» [1, 799]. Видевший рай герой просыпается и решает проповедовать заповедь «любви других, как себя».

Противоречие позиции Достоевского состоит в том, что он, отказавшись от идеи сознания, не смог ответить на вопрос «Что такое человек?». В своей повести ему технически пришлось совме-

стить две картины мира. С одной стороны, он утверждает планетарный рай, населенный нечеловеческими космическими существами, находящимися в ладу с собой и вселенной. С другой — двусмысленной драматургией он заставляет этот рай опрокинуться и превратиться в известный нам человеческий мир — с сознанием, страданием, болью, необходимостью в любви и сострадании. Кульминационным моментом этого переворота служит неизвестное действие героя, который говорит: «...я развратил их всех» [1, 795]. Первая, т. е. райская модель обесмысливает императив любви и делает невозможным идею «развращения», т. е. обнаружения неестественного в естественном. Вторая модель, к которой Достоевский склоняется на протяжении всего своего творчества, исключает первую, но именно эта модель оправдывает заповедь любви. В результате Достоевский прибегает к техническому приему — связью между двумя исключаящими друг друга картинами мира оказывается сам герой, который, с одной стороны, является вестником сознательного мира в раю, а с другой, очнувшись и решаясь проповедовать, оказывается вестником блаженного бессознательного мира в нашей действительности. Достоевский своим героем пытается совершить невозможный переход от нечеловеческих космических существ к обремененным сознанием людям («я развратил их всех») и обратно — от сознательных людей к планетарному существованию (в своей проповеди). Притом Достоевский знает, что человек, как он сам говорит в повести, куда он человек, никогда не откажется от сознания.

Вот к этой повести, о которой написано шквал научно-исследовательской литературы, трактующей ее в связи с философией космизма, религией откровения, политикой, психоанализом, социологией и экономикой при полном игнорировании названного противоречия, решается обратиться современный выдающийся русский художник и мультипликатор Александр Петров и создает в 1992 г. одноименную мультипликационную экранизацию. Петрову удается не только эстетически передать атмосферу Достоевского, как, например, Анджею Вайде («Бесы», 1988), но и вступить в собеседование с его философией. То, что оставил Достоевский без ответа, у Петрова находит положительное художественное выражение.

Маска

Достоевский запечатлел тайну человека в словах «я развратил их всех», но смысл этих слов оставил непроясненным: «...причиной грехопадения был я, — говорит герой, — Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую безгрешную до меня землю» [1, 795]. Что значит развратить? Можно ли развратить сознанием? Заразить человечностью, как болезнью? Сознание — это не атом чумы. Ложь — не заболевание, а свидетельство свободы человека, его привилегии быть не тем, что он есть, не совпадать с порядком вещей. Можно ли кошку заразить ложью? Сколь абсурдно говорить о соблазнении ложью животного, столь абсурдно говорить о том же в отношении человека. Ложь — не вещь, а симптом инаковости человека. Нельзя передать эту метафизическую инаковость, как дар на сторону. А значит, соблазненные уже были соблазнены. Не герой Достоевского нарушил картину мира, но мир никогда не был райским. Что же в нем было и что обнаружил смешной человек?

Достоевский, настаивающий на райской сущности людей, оставит этот вопрос без ответа. На него найдет ответ Петров. Его ответ — образ маски. Маска возникает трижды в экранизации. Первый раз она застигает героя в момент, когда он решается совершить самоубийство. Герой мчится по лестнице к себе домой, где в пролете его встречает выскочивший в распахнутую дверь жилец в алой маске с клювом, наподобие тех, что носили чумные доктора в XVII в. Одновременно эта маска празднично-венецианская — и в силу своей яркости, и в виду своего обладателя — возбужденного громогласного персонажа, выкрикивающего «Кто здесь?». Маска хотя и не зла, но зловеща, как и сам этот вопрос, звучащий одновременно риторически и угрожающе.

Второй раз мы сталкиваемся с маской в комнате героя. Он припоминает девочку, которая повстречалась ему на улице. Мысленно подводя себя к тому моменту, когда девочку можно было пожалеть, герой видит рядом с ней себя, но на нем вдруг оказывается красная маска-клюв. Рефлексирующий герой ошарашен собственным образом и катится в тартарары, обнаруживая, в конце концов, что и за гробом есть жизнь.

Наконец, в третий раз мы встречаем маску в раю. Откуда она там? Мы видим прекрасных людей, которые смеются, играют друг с другом, радуются миру. Дети рождаются, слово бабочки из куколок. Старики умирают, растворяясь в солнечном свете. Младенцы пьют молоко из сосцов животных. Наш герой надевает маску и приближается к полуобнаженной дремлющей женщине. Здесь говорит уже не Достоевский, но Петров. Неубедительный образ чумы здесь отсутствует. Маска героя лишена коннотаций с болезнью, перед нами личина, скрывающая лицо. Что делает проснувшаяся женщина, увидевшая сначала личину, а потом показавшуюся из-под нее физиономию героя? Убегает вместе с маской к блаженным людям. Мы слышим их смех, переходящий в вопли, рычания, соперничество мужчин за женщину, а затем и простое соперничество между собой, убийства, войны, смерть. Не эпидемия чумы нашла на людей, но пребывающие в раю обнаружили, что они такие же, как герой, люди. Такие же в чем? В способности превращаться.

Блаженные люди играли, как играют животные, но они не превращались. Маска — символ превращения. Только человек может превращаться. Только он может надеть маску. Человек изобретает культ, а затем и социум, регламентирующие мимику, жесты, правила поведения, весь внутренний строй. Только человек приобретает *вид*. Ни одно существо в мире не нуждается в регламентации, ибо ни одно существо на свете не ускользает от самого себя и не знает проблемы двойничества. Только человек принужден обуздывать свою текучую, свободную природу, выстраивая основания для своей метафизической архитектуры. Маска одновременно указывает на пластичность человека и на обретение им формы, подлинной или неподлинной. Подлинную мы называем ликом. Христианство различает Образ и Подобие Божие как онтологический дар и онтологическое задание для человека в своей свободе принять его, актуализировать Образ Божий в себе. Символами этого исполнения являются икона и житие святого. В светском смысле подлинную форму мы обозначаем формулой «держат лицо», т. е. соответствовать социальным ожиданиям, гражданско-этическим представлениям о должном. Неподлинную форму мы называем личиной. Но обман, кажимость, предполагаемые личиной, вовсе не приводят нас к чаемой однозначности того, что она скрывает. Ибо человек не относит-

ся к чтойностям мира. За личиной скрывается *ничто*. В этой трещине между тем, что есть, и тем, чего нет, располагается весь диапазон человеческой жизни. Зловещая суть маски заключена в неопределенности. Ответ на вопрос «Кто здесь?» невозможен в виде однозначного утверждения.

Сначала мы видели маску как символ грешного мира, затем маску — как суть героя и, наконец, маску — как суть людей вообще. Все три категории, противопоставленные Достоевским, у Петрова обнаруживают истонное непреодолимое единство, что символически заставило Петрова в финале грехопадения вновь мимолетно показать красный клюв на очередном незнакомце. То, что у Достоевского обозначено как невинное начало — шутка, кокетство, любовная игра, они, говорит Достоевский, «научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи... это, может быть, началось *невинно*, с шутки, с кокетства, с любовной игры...» [1, 795], — все это вовсе не начало, но сама суть человечности. У человека не может быть начала, равно как и конца, ибо человек — не предмет. То, что Достоевский назвал невинностью, вовсе не невинность, но онтологический скачок в мире, учреждающий невозможное в мире возможного.

Еще раз нам Петров покажет маску вскользь, когда вавилонскую башню знаний искушенных людей вдруг столкнет вылупившийся из-под ее основания человек с красным клювом на лице — прохихикает и снова выкрикнет «Кто здесь?». Так «кто здесь»? Что это за вопрос? То, что у Достоевского дано как позитивное и вместе с тем таинственное высказывание — «я развратил их всех», — у Петрова представлено как вопрошание. Кто эти существа, любящие, ненавидящие, убивающие, страдающие? Кто эти *люди*? Кто эти мы, живущие и умирающие?

Почему человек в маске выбил основания у башни? Потому что их нет. Башня покоится на ничто.

Сладострастие

Для Достоевского суть зла заключена в сладострастии. Вслед за Достоевским Петров повторяет слова повести о блаженных людях, произнесенные героем: «У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того *жесток*ого сладостра-

ствия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества» [1, 792]. Достоевский решителен и одновременно колеблется. Он подчеркивает половую страсть, нарочито выделяя курсивом слово «жестокий», и тут же прибегает к компромиссным оборотам: «почти всех» людей, «почти всех» грехов. Петров рисует людей буквально огненных, сгорающих в своей страсти в диком танце. Достоевский, утверждая тему пола, корень зла заключает в шутке, кокетстве, любовной игре. Но как невинное вдруг обернулось жестоким и смертоносным? Решив вопрос пола, решим ли мы вопрос человека?

Достоевский знает, что нет. А потому прибегает к двусмысленным оценкам. Ведь дело не в поле, а в жестокости. Сладострастие — не источник и причина грехов, или, как выражается Достоевский, почти всех грехов, а само по себе есть грех, сбой в мире. Сладострастие — это чрезмерное, т. е. по сути своей противоестественное влечение. Оно само собой указывает на отрыв человека от мира, от подчинения общим для природы естественным законам. Оно есть симптом этой неестественности, т. е. сознания. Только человек чрезмерен и жесток, только он испытывает сладкие страсти, ибо их источником является безграничное «я», ненасытное в своей жажде самоутверждения. Жизнь не знает жестокости и призрачной жажды утвердить себя. А потому Достоевский в конечном счете предпочитает тезис о том, что жизнь выше сознания жизни. Проблема заключена не в поле, а в сознании.

У Петрова тема пола разрешается в образе девочки, с которым мы встречаемся трижды. Первый раз мы видим девочку, отвергнутую героем. Герой буквально отталкивает ее от себя, и она падает на мостовую, обнажая из-под платья свои ноги. Мы видим жалкого ребенка, и одновременно наш взгляд вместе со взглядом героя устремляется на оголившееся тело этого маленького существа, пытающегося прикрыть себя ветхим тряпьем. Второй раз мы видим девочку в раю. Она встречает героя на новой земле. Ее облик подобен мадоннам Возрождения, тем противоречивым образам, которые уносят нас из повседневности и одновременно сохраняют в себе телесное начало, как «Мадонна Бенуа» (1478—1480) Леонардо да Винчи или его же «Святая Анна с Мадонной и младенцем Хри-

стом» (1508—1510). Как мы затем увидим, весь рай наполнен такими «мадоннами». Здесь Петров, как и Достоевский, преклоняющийся перед «Сикстинской Мадонной», этически предпочитая идеалы православия, эстетически тяготеет к западному христианству. Третий раз мы видим девочку в поезде. Это уже не сон героя, не воображаемый рай, не объект похоти в презрении или восхищении, но конкретный человек, нуждающийся в помощи и понимании, тот ближний, в ком таинственно заключен Христос. Тема пола разрешается в христианской любви. Не в той космической, которую ставил в пример Достоевский в повести, а в той милосердной, о которой он говорит в других своих произведениях. Императив Достоевского «люби других, как себя» у Петрова лишается связи с гипотетическим сверхчеловеческим началом, он обращен к людям, грешным, но вместе с тем, способным возвысить себя до самоотречения в любви.

Как говорил К.Н. Леонтьев, призывающий преодолеть туманность взглядов Достоевского: «„Любовь“... надо проповедывать, ибо ее мало у людей, и она легко гаснет у них, но не должно пророчить ее воцарение на земле. Это психологически, реально невозможно, и теологически непозволительно, ибо давно осуждено церковью, как своего рода ересь (хилиазм, т. е. 1000-летнее царство Христа на земле, перед концом света)» [2, 47]. Иными словами, Достоевский отождествил исключаящие друг друга проповеди любви и рая на земле. Петров в своей экранизации разъял этот невозможный насильственный синтез.

Боль

Петров в сотрудничестве с актером А. Кайдановским и композитором и А. Раскатовым создает неповторимую атмосферу романов Достоевского. Атмосферу одиночества и боли, порождающую вечные вопросы. Герой тяготится не своей жизнью, судьбой и заботами, его волнует мир как таковой. Как возможно зло в нем? Как возможно добро? Почему Бог молчит? Как стерпеть этот невыносимый мир? Как любить людей, ведь каждый желает смерти другому? Как самому тебе быть, ведь ты просто нуль? Достоевский предлагает нам жаркую проповедь жизни по ту сторону сознания, фанатичную и в своей противоречивости неубедительную. Петров

подводит нас к сердечному чувству сострадания друг к другу. Тому самому состраданию, которое является главной темой известных романов Достоевского. «Кто здесь?» — кричит в финале экранизации герой, когда весь мир на его глазах рушится. Ответом является не позитивное высказывание, не указание на чуждость, а обращение к метафизическому расширению, в котором человек осуществляет себя как человек. Мы не слышим в ответ: «я», «homo sapiens» или «гиперсеть». Мы видим образ девочки, ближнего, к которому может быть устремлена наша любовь.

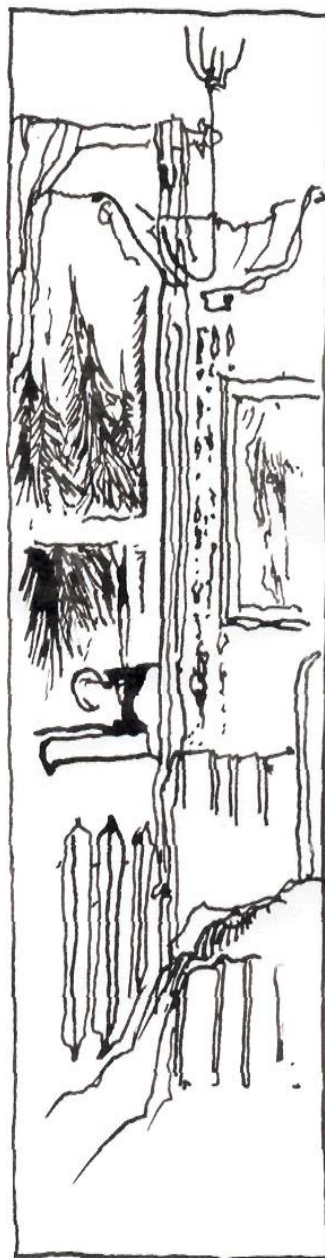
Литература

1. Достоевский Ф.М. Post Scriptum. Сборник. М.: Эксмо, 2007. 848 с.
2. Леонтьев К. Письма к Василию Розанову. London: NINA KARSOV, 1981. 137 с.

References

1. Dostoevskij F.M. Post Scriptum. Sbornik. M.: Eksmo, 2007. 848 s.
2. Leont'ev K. Pis'ma k Vasiliyu Rozanovu. London: NINA KARSOV, 1981. 137 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Семидесятипятилетие М.М. Гузева

Д.э.н., профессору из Волжского филиала (г. Волжский) Волгоградского университета *Михаилу Михайловичу Гузеву* исполнилось в феврале 2024 г. 75 лет. Видный ученый-экономист, превосходный преподаватель, высокочлассный вузовский руководитель. Человек, как говорится, — да вот не обо всех — с большой буквы! Статный, волевой, стойкий. Благородный! Немногословный, деловитый, надежный. Отзывчивый! Любит людей, а люди отвечают ему тем же — любовью! Будучи одной из главных креативных фигур волжского высшего образования и приволжской гуманитарной науки, он много чего успел сделать нужного, уникального, выдающегося, как и, уверены, еще много чего доброго сделает. С юбилеем, дорогой Михаил Михайлович, наш коллега, сомыслитель, сорботник, наш большой друг!

* * *

6—8 декабря 2023 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция *«Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество»* (в смешанном формате). На пленарном заседании конференции выступили 12 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, А.Л. Андреев, Ф.И. Гиренок, С.В. Киселев, Г.Р. Наумова, А.И. Субетто (СПб.), К.А. Хубиев; кандидат наук С.А. Марков; вице-президент Ассоциации банков России А.А. Козлачков; президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин.

На секционных заседаниях выступили: доктора наук М.Л. Альпидовская, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волж-

ский), Е.А. Дергачева (Брянск), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, М.Ю. Павлов, Д.Н. Платонов, И.В. Пшеницын, Н.Н. Ростова, В.Е. Чабанов (СПб.), И.К. Хузмиев (Северная Осетия), И.Г. Шевченко, В.Н. Щербаков; кандидаты наук Т.Б. Бердникова (Белгород), О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Г.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, Н.Ю. Николаев (Волжский), Я.И. Нисанов, Е.А. Починкова (Новороссийск), А.А. Погребняк (СПб.), О.Н. Рыбковская, И.П. Смирнов, Д.П. Соколов, Р.Е. Соколов, В.И. Стасевич, Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина; научный сотрудник Т.С. Сухина; старший преподаватель М.И. Маркин (Ярославль); аспиранты Вэй Илин (Томск), Д.И. Шахова (Ростов н/Д), А.М. Хашиева; студенты бакалавриата В.Ю. Скаткова, Г.В. Сотников; соискатель ученой степени к.э.н. И.З. Гелисханов; член Президиума ЦС «РУСО» А.Г. Селезнев; президент ООО «Белый кот» Т.В. Воеводина.

8 декабря в рамках конференции состоялась панельная дискуссия *«Россия — мир — Россия: проблемы, конфигурации, исходы»*, в которой приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), С.Г. Ковалев (СПб.), М.В. Кулаков, В.М. Кульков, С.Н. Сильвестров; кандидат наук В.В. Кашицын (Новороссийск).

* * *

В декабре 2023 г. действительными членами Академии философии хозяйства стали А.А. Козлачков, к.э.н. Д.П. Соколов, д.э.н. Д.Н. Платонов.

Т.С. СУХИНА

Российская экономика в новых реалиях*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на секции «Обретение экономики и целостное развитие национального хозяйства», состоявшейся 7 декабря 2023 г. в рамках международной научной конференции «Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество», которая была проведена на экономическом факультете МГУ 6—8 декабря 2023 г. в смешанном формате. На заседании были представлены доклады, в которых авторы с разных позиций охарактеризовали и проанализировали процессы и изменения, происходящие в экономике и в российском обществе в современных условиях под влиянием различных факторов.

Ключевые слова: экономика, национальное хозяйство, общество, человек, цифровизация, искусственный интеллект, нравственность интересов, социальная ответственность, отчуждение человека.

Abstract. The review of the session at the section «Gaining an Economy and Holistic Development of the National Economy», held on December 8, 2023, as part of the international scientific conference «Russia in the struggle for Russia: statehood and society, economy and culture, global conflicts and peacemaking», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on December 6—8, 2023 is presented. At the meeting reports were presented, in which the authors characterized and analyzed from different positions the processes and changes taking place in the new realities in the economy and in Russian society under the influence of various factors.

Keywords: economy, national economy, society, human, digitalization, artificial intelligence, morality of interests, social responsibility, human alienation.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Российская экономика в новых реалиях // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 253—260. DOI: 10.5281/zenodo.10675441.

УДК 330
ББК 65

Заседание секции «Обретение экономики и целостное развитие национального хозяйства» состоялось 7 декабря 2023 г. в рамках работы международной научной конференции «Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество», проводившейся на экономическом факультете МГУ 6—8 декабря 2023 г. в смешанном формате.

На заседании были представлены доклады, рассматривающие с разных позиций процессы и изменения, происходящие в экономике и в российском обществе в современных условиях под влиянием различных факторов.

В своем выступлении на тему «Целостное развитие национального хозяйства с позиций оптимизации интереса» д.э.н., профессор **В.Н. Щербаков** (Финансовый университет при Правительстве РФ) подчеркнул, что «целостность развития с позиций интереса субъекта как главной цели развития, предполагает, что какой бы вопрос мы ни рассматривали, с какой бы стороны ни подходили к экономике, в конечном счете, все упирается в необходимость серьезного изменения мотиваций в низовом производственном звене (клеточке экономического организма). Богатый опыт экономических проблем показывает, что управление и характер взаимодействия отдельных механизмов должны выводиться из специфики социально-экономической структуры общества и в первую очередь определяться нравственностью интересов. Такой подход позволяет уже на исходном этапе определять органическую приоритетность целостности хозяйственной иерархии и ее взаимосвязь с развитием целого. Оптимизация с позиций нравственности интереса — это не только технико-экономический принцип наилучшего распределения ресурсов и организации технологических процессов в экономике, но и достижение такой гармонии экономического интереса, которая способствует раскрытию потенциала заинтересованных сторон».

Т.Б. Бердникова, к.э.н., аудитор (Ассоциация аудиторов «Содружество», г. Белгород), в выступлении на тему «Хозяйственные и культурологические развороты фондового рынка России»

обратила внимание, что «фондовый рынок России рассматривается как часть национального хозяйства и важный элемент финансовой культуры. Исторические развороты национального фондового рынка увязываются не только с политическим устройством России, состоянием социально-экономического развития и потребностями финансового хозяйства страны, уровнями развития технологий и организационной инфраструктуры; но и с трансформациями концептуальных основ культуры ценных бумаг, практик правового регулирования фондовых операций, ценностных ориентаций и моделей поведения участников. Разрешение современных проблем развития фондового рынка России моделируется с позиций исторических аналогий, технологических новаций и культурогенеза».

К.э.н. **Г.В. Михайлова** (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь) в докладе «Социальная ответственность предприятий: история и современность» отметила, что «в настоящее время российские компании, сделав определенный эволюционный круг, выходят на новый уровень социальной ответственности, но достигнуть тех высот, которые так быстро в период рыночных преобразований были потеряны, не просто, да и большинство компаний к этому не стремится. Цели социальных программ в приоритетных для компаний направлениях зачастую носят имиджевый характер, этому способствует и интегрированная отчетность, в которой представляются социальные достижения как некие инновации, хотя именно для отечественных компаний это хорошо забытый подход к ведению своей хозяйственной деятельности (отчетные формы по фонду экономического стимулирования). Компаний, социально-ответственных в понимании советской экономики, не так уж и много, однако они присутствуют не только в сфере крупного и среднего бизнеса. Для малых компаний, для компаний, не оперирующих своими ценными бумагами, социальная ответственность — это определенная философия бизнеса, именно она в большей мере соответствует ожиданием российского общества. Решение этой задачи видится в поэтапной трансформации социальных аспектов в систему экономической эффективности функционирования бизнеса с высокой регулирующей ролью государственных институтов».

В выступлении на тему «Экономизм против хозяйства: отчуждение от развития как цель глобальной системной трансформа-

ции» к.э.н., доцент **Д.П. Соколов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) обратил внимание на то, что «внедрение цифровых и иных сопряженных с ними новых технологий приводит к сущностным изменениям жизни человека и общества. Распространение средств виртуальной коммуникации, стремительное наращивание объемов производимой и потребляемой информации (зачастую без качественного прироста, а подчас и обуславливающей культурную деградацию), расширение области мнимого, не имеющего в своей основе реальных благ, становятся причинами того, что человек, предполагаемый субъектом — творцом окружающего его техномира, смещается на позицию объекта происходящих изменений подобно плоту, несущемуся по течению бурной реки. Утрата субъектности человека в происходящей кардинальной трансформации хозяйства обуславливается углублением разделения труда, увеличением производства симуляционных благ, сменой его менталитета и мотивации. Ускорение роста неравенства в мире указывает на оптимизацию структуры потребления мирового совокупного продукта в сторону отказа от дорогостоящего содержания среднего класса и решения проблемы снижения нормы прибыли (объективной тенденции капитализма) за счет ухудшения уровня жизни основной массы населения земного шара — что показательно, на этот раз не только в колониальных развивающихся странах, но и в странах развитых, и прежде всего в Европе, Австралии, Северной Америке. Возникает вопрос: а где здесь человек? Ответ всегда один — в центре социально-экономической системы. Вопрос лишь только в его осознании себя таковым и, что в сравнимой степени важно, в его отношении к Другому как к такому же человеку, а не как к объекту удовлетворения своих потребностей и порожденных ими экономических интересов. Одной из возможных угроз в отсутствии такого осознания, перехода к “жизни по духу” как антитезы “жизни во плоти”, по определению итальянского богослова Йохима Флорского, будет полная утрата субъектности человека (как индивида и общества) в своем же развитии — подобно тому, как бывший крестьянин обратился в бесправного наемного работника капиталистического предприятия. Но в условиях технологического развития отчуждение человека происходит и будет происходить не только в

пользу собственника средств производства, но и в отношении созданного человечеством техномира».

К.э.н., доцент **Р.Е. Соколов** (независимый исследователь, г. Москва) в выступлении на тему «Экономика интеллектуальной собственности: к философии методологии» отметил, что «исследование экономики интеллектуальной собственности и происходящих в ней процессов, в том числе структурных сдвигов, основывается на совокупности методологических подходов. Их базисом, как демонстрирует обзор литературы, выступает системный подход, детализирующийся в совокупном использовании процессного, инновационного, маркетингового и информационно-воспроизводственного подходов. Другими методами исследования являются графический, количественный и текстовый анализ, моделирование, патентная аналитика, междисциплинарный подход. Вызывает настороженность отчет по НИР за 2023 г. Федерального института промышленной собственности на тему «Структурные сдвиги в экономике интеллектуальной собственности», согласно которому основное количество патентов получают вузы и НИИ, причем большая их часть утрачивает силу через год после выдачи из-за отсутствия ежегодной оплаты государственной пошлины».

Д.т.н., д.э.н., профессор **И.К. Хузмиев** (г. Владикавказ) в выступлении на тему «Технологии искусственного интеллекта в энергетике» отметил, что «технология искусственного интеллекта является очень эффективной системой мониторинга, контроля и принятия решения, которая может имитировать некоторые действия человека и исполнять его функции в различных сферах, хотя по своей сути интеллектом не обладает. В этом и заключается некий подвох при применении этого термина, а не технологии. При этом, технологии искусственного интеллекта как высокоэффективные решения мониторинга, контроля и принятия решения необходимо использовать в различных сферах экономики. Однако необходимо отметить, что бесконтрольное применение искусственного интеллекта, в особенности поисковиков типа ChatGPT, вызывает беспокойство. Искусственный интеллект — это совсем не человеческий интеллект, а набор алгоритмов и компьютерных программ, составленный человеком для совершения реальных действий, не требующих размыс-

лительной деятельности и творчества. По сути это лишь умный поисковик».

К.ф.-м.н. **В.И. Стасевич** (НПП РОБИС), представил доклад «Искусственный интеллект: опасность не там», в котором показал, какие опасности связаны с использованием искусственного интеллекта на примере систем автоматического перевода и порождения связного текста по запросам — так называемых больших лингвистических моделей, реализованных в виде GPT (Generative Pre-trained Transformer). «Системы типа GPT основаны на анализе огромного массива текстов и представляют собой гигантские таблицы чисел (порядка сотен миллиардов), описывающих вероятность появления тех или иных фрагментов текста в ответ на соответствующие элементы текста на входе. Очевидно, они могут лишь комбинировать исходные данные, не порождая никаких новых смыслов (калейдоскоп).

Системы порождения текстов выдают результаты на уровне среднего копирайтера. Но поскольку эти тексты во все большем количестве выкладываются в интернет и, следовательно, используются для дообучения самих же систем, качество порождаемых текстов быстро падает (система поедает свои же отходы). Кроме того, при отсутствии фактических данных для ответа на запрос система их правдоподобно “придумывает”. Например, может выдать за исторический факт событие, которого на самом деле никогда не было. Этот феномен назвали “галлюцинациями”. Поскольку верифицируемость отсутствует, общество лишается всяких критериев определения истины. Фейковые и реальные факты становятся неразличимыми. Постепенно может произойти отрыв массового сознания от физической реальности — по чьему-то злому умыслу или без него. А возможность порождения текстов курсовых и дипломных работ и т. п. приведет к вертикальному падению качества подготовки выпускников учебных заведений. Общее оглупление и потеря связи с реальностью — вот чего следует бояться».

В докладе «Кластерный анализ внешней трудовой миграции из стран ЕАЭС и социально-экономического развития субъектов РФ» к.э.н., доцент **С.В. Шкиотов** и старший преподаватель **М.И. Маркин** (Ярославский государственный технический университет) представили результаты исследования, в котором с помощью

кластерного анализа проанализировали наличие связи между динамикой внешней трудовой миграции из стран ЕАЭС в Россию и рядом факторов, определяющих социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Такая постановка исследовательской задачи позволяет в дальнейшем оценить влияние спилловер-эффектов трудовой миграции на благосостояние населения в странах ЕАЭС, что будет способствовать приращению научного знания».

Студент 3 курса Финансового университета при Правительстве РФ **Г.В. Сотников** в выступлении на тему «Ресурсный суверенитет как основа социально-экономического развития России» подчеркнул, что «неоиндустриальная экономика — это вторая — цифровая — база индустриализации, но индустриализация сначала должна быть электрифицирована, а уж потом автоматизирована. Без электричества микропроцессор бесполезен. Также главное правило — вертикальная интеграция наукоемкого производства. Выпускать не разрозненные машины, а в комплексе, в единой системе машин, как предрекал К. Маркс. СССР был лидером в первой фазе индустрии, сейчас, с появлением микропроцессора, мы в хвосте». С точки зрения докладчика, «завершен процесс разделения развитыми странами территории Земли на зоны влияния. Если власть пойдет на поводу у ТНК, есть риск перехода ресурсов, в том числе населения и территории, под управление указанных структур, обладающих мощными политическими, экономическими и военными ресурсами. Путь России — оптимизация попыток увеличения производительности труда. Снижение издержек и цен ведет к экономическому сдвигу в структуре общественного труда. Новый мировой порядок — трансгуманизм и оцифровка. Задача России — выбраться и предложить свой новый мировой порядок возрождения “полетности” экономики на основе существующих и потенциальных технологий при условии единения с природой, которое уже отмечалось в отечественной истории».

В докладе «Проблема кадрового дефицита в современном российском хозяйстве» **Т.С. Сухина** (экономический факультет МГУ) отметила, что «в 2023 г. фундаментальной проблемой рынка труда в России стал дефицит человеческих ресурсов при рекордно низком уровне безработицы. Причины дефицита кадров на рынке

труда могут быть разнообразными и зависеть от конкретной отрасли и региона, но основная причина нехватки работников — демографическая, что усугубляется инертностью системы образования, которая не позволяет быстро реагировать на изменения рынка труда. Важно принять меры для преодоления этой проблемы, так как она может негативно сказаться на экономическом развитии и конкурентоспособности страны. Для решения проблемы дефицита кадров необходима трансформация рынка труда, для которой нужны новые подходы и инструменты».

В завершение работы секции ведущие заседания д.э.н., профессор **М.В. Кулаков** (экономический факультет МГУ) и д.э.н., профессор **М.Л. Альпидовская** (Финансовый университет при Правительстве РФ) поблагодарили участников и отметили, что секция получилась интересной, разнообразной, при этом весьма гармоничной, прозвучали и фундаментальные постановки, и намечены ориентиры, по которым наша мысль должна направляться в будущее.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее*

Аннотация. Представлен обзор докладов на секции «К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее» международной научной конференции «Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество», посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства и прошедшей на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 6—8 декабря 2023 г. в смешанном формате.

Ключевые слова: идеология, Россия, философия хозяйства, русская история, культура, цивилизация.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее // Философия хозяйства. 2024. № 1. С. 260—272. DOI: 10.5281/zenodo.10675446.

Abstract. The article presents an overview of reports at the section «Towards the national ideology: past, present, future» of the international scientific conference «Russia in the struggle for Russia: statehood and society, economy and culture, global conflicts and peacemaking» held at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in a mixed format on December 6—8, 2023.

Keywords: ideology, Russia, philosophy of economy, Russian history, culture, civilization.

УДК 304
ББК 65в

7 декабря 2023 г. в рамках программы международной научной конференции «Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество», посвященной 35-летию лаборатории философии хозяйства и прошедшей на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 6—8 декабря 2023 г., состоялось заседание секции «К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее», проведенной в смешанном формате. Невозможно переоценить роль идеологии в современном российском обществе. Этому вопросу сейчас уделяется особое внимание в государственной политике России.

Открывая заседание секции докладом «Россия и мир: контуры стратегических перемен», д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил в своем выступлении, что современная геополитическая напряженность в мире обусловлена исчерпанием возможностей неолиберальной модели минимизировать издержки глобального развития. Действующая система международных расчетов разделила мировую экономику на потребляющий центр и производительную периферию, что приводит к неэквивалентному обмену виртуальных активов на реальные ценности. Для определения стратегии выхода из сложившейся ситуации необходимо ответить на три вопроса: 1) где мы находимся сейчас?, 2) куда мы хотим прийти?, 3) как это сделать?

Мировая экономика находится на пороге дезинтеграции мировой торговой системы. Согласно мнению А.В. Кузнецова, суще-

ствуют следующие три варианта движения для России в данной связи: а) дальнейшая интеграция в западную модель (глобализация); б) полный обрыв связей с внешним миром и развитие только за счет внутренних ресурсов (автаркия); в) создание «незападного» мира через объединение с другими странами, готовыми поддержать эту идею (трансрегионализация).

Противостояние между старыми и новыми лидерами мировой экономики объективно требует изменения мировой финансовой архитектуры с учетом интересов стран «незападного» мира. Основным институциональным механизмом трансрегиональной финансовой архитектуры могло бы стать создание автономной финансовой экосистемы, необходимой для обеспечения непрерывности воспроизводственных процессов и защиты от внешних шоков, заключил А.В. Кузнецов.

В докладе д.э.н., профессора **Д.Н. Платонова** (экономический факультет МГУ) «Европеизация России и проблема смены стратегии экономического развития страны» была поставлена фундаментальная проблема: с какими событиями связана социально-экономическая отсталость России по сравнению с Западной Европой.

Европеизация России началась еще при первых Романовых, но лишь Петр I придал этому процессу результативно-практический смысл. Северная война дала мощный импульс развитию мануфактурной промышленности, и был создан целый промышленный уклад. Но его необходимо было защитить введением целенаправленной протекционистской политики, что и осуществилось в 1724 г.

Это было очень эффективное мероприятие: русская внешняя торговля стала промышленной по своему характеру. Но преемники Петра I не оценили замысел великого реформатора и нарушили достигнутые условия сложившейся внешней торговли. В результате отечественная промышленность оказалась совершенно беззащитной перед европейской конкуренцией. Впоследствии, в ближайшие десятилетия, аграрная специализация Российской империи усилилась, и страна превратилась в «заповедник» крепостничества, поскольку оно проникло и в мануфактурную промышленность. Более того, подчеркнул Д.Н. Платонов, Запад всегда результативно использует

эти стратегические промахи империи, приспособливая ее под свои насущные потребности.

Выступление на тему «Что не так с нашей историей экономической мысли (из 25-летнего опыта наблюдений)» д.э.н., профессора **П.Н. Клюкина** (РАНХиГС при Президенте РФ) было посвящено ретроспективному анализу процессов, системно связанных с *воссозданием и развитием* в последние 30 лет представлений об истории отечественной экономической мысли XIX и XX вв. и ее лучших образцах. В докладе заострено внимание на том, что начавшийся в *перестроечное время* процесс реабилитации крупнейших русских экономистов (Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, М.И. Туган-Барановского и ряда др.) шел, по большому счету, *однoboкo* и к настоящему моменту, по существу, выдохся и зашел в смысловой тупик. Согласно взглядам докладчика, дело здесь не только в затухании импульса масштабных перемен, инициированных событиями второй половины 1980-х гг., но и в уже сложившейся к данному моменту *институциональной системе* историко-экономических исследований. В силу разных причин институты и большинство лиц, занятых такими исследованиями, ориентируются не на *поиск исторической истины*, а на что-то другое. Речь идет о «социально-политической ангажированности» и об ориентации на получение *конъюнктурных выгод* (включая карьерные и публикационные). *Гарантированный и ожидаемый результат* стал важнее *неопределенности*, порождаемой научным анализом. Такое представление формирует определенный тип «исследователя». Вот почему ученые постоянно вращаются в кругу *одних и тех же* лиц, воспроизводят *по форме одни и те же* представления, только с обратным знаком: в позднесоветское время такое было в угоду марксизму-ленинизму, сегодня — в угоду упрощенному и безразличному мейнстриму. Исключения есть и были, но они только подтверждают правило. Как реакция также возникают *крайности*, своего рода смысловые аберрации — от наивно-доброе почвенничества (автаркическое — все в России) до агрессивно-бессовестного западничества (всё — за пределами России). И то, и другое, однако, мало чем способствует подъему нашей историко-экономической науки, хотя наука сама по себе, разумеется, интернациональна. В результате мы имеем у себя не только *суженное воспроизводство* адекватных научных кадров

(а нам скажут, что историков, тем более историков-экономистов никогда много не бывает!), но и главное — неуклонное снижение качества проводимых исследований (в терминологии докладчика — историко-экономическая *безвкусица* в подавляющем большинстве работ). Ожесточенная борьба *идей* сменилась вялотекущей — на измор — борьбой *феодално-уездных групп* за видимые и осязаемые ресурсы.

Между тем речь стоит вести об *имманентной* логике развития научной политико-экономической традиции в России и о воссоздании такой традиции. Дело скрупулезное, тяжелое, неблагодарное, но, как представляется, необходимое. Текущий статус дисциплины истории экономической мысли (и тесно связанной с ней политической экономии как науки) таков, что не позволяет пока говорить о реально *работающей научно-исследовательской программе*. Это в основном или уютные воспоминания о прошлом (СССР), или критика текущего состояния дел по принципу *отрицания*, которому, однако, постоянно недостает себя самого, т. е. сбивающей с ног, как свежий весенний ветер, *самостоятельности*.

Доклад д.соц.н., к.э.н., профессора **Л.И. Ростовцевой** (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Тульский филиал) на тему «Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт?» был основан на результатах социологического исследования, проведенного в феврале-марте 2023 г. совместно с к.соц.н., доцентом В.П. Щербаковой «Социальная адаптация поколений к цифровой трансформации в России». После краткого экскурса в историю проблемы поколений был сделан вывод: — если на протяжении трех постсоветских десятилетий в отечественной литературе говорилось о «разрыве», «конflikте», «деструктивных отношениях» поколений, то в последнее время социологические опросы показывают сдвиг в лучшую сторону — к взаимопониманию, доверию, уважению. По итогам проведенного интернет-опроса следует, что из 412 студентов вузов и колледжей лишь 1% респондентов признался, что отношения с родителями плохие, и 6% — удовлетворительные; в подавляющем большинстве (у 93%) отношения сохраняются на уровне «отличных» и «хороших». Причинами хороших отношений были названы «взаимопонимание», «любовь», «уважение», «доверие», а плохих — «разные взгляды на жизнь»,

«недопонимание и недоверие», «много критики». При этом хорошие отношения наблюдаются у молодежи также с бабушками и дедушками, о чем свидетельствуют как прямые, так и косвенные вопросы, причем, открытые — о частоте встреч, времяпрепровождении, темах разговоров, видах помощи; пожилые люди охарактеризованы как добрые, заботливые, мудрые (причем, единодушно — по 70% респондентов). В свою очередь, молодежь в глазах пожилых, которых опрошено 125 человек в возрасте 60+ лет, является прежде всего, умной (54%), целеустремленной (45%), прагматичной (39%). Почти каждый третий респондент назвал ее отзывчивой, но каждый пятый оценил как самонадеянную, каждый шестой — как эгоистичную. Цифровизация наложила как отрицательный, так и положительный отпечаток на взаимоотношения поколений: уход в виртуальный мир и порождение новой роли молодежи как советчика, консультанта по гаджетам для старших.

Сегодня нет разрыва, деструкции, конфликта между поколениями, а это значит, что есть уважение и терпимость, а значит и преемственность. Конечно, есть проблемы, молодежь нуждается в духовно-нравственном и патриотическом воспитании, но у России есть будущее! — подвела итог Л.И. Ростовцева.

Д.э.н., доцент **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ) в своем докладе на тему «Перспективы целостного развития хозяйственного пространства России» обратил внимание на тот факт, что современная экономическая теория игнорирует такую ключевую характеристику хозяйства, как его пространственные измерения. Все значимые (в том числе хозяйственные) трансформации в истории обязательно сопровождались масштабными изменениями в организации пространства (пример — эпоха Великих географических открытий). Однако в современной России сформировалось крайне противоречивое хозяйственное пространство — как капиталистическое, так и посткапиталистическое.

Капиталистическое пространство представлено крупными городами-мегаполисами, которые ориентированы прежде всего на экономическую эффективность, но при этом сделали жизнь человека очень некомфортной, ослабили его. Мегаполисы создают условия для использования (или же утилизации) креативного потенциала человека, но сам потенциал намного лучше и эффективнее фор-

мируется в среде, ближе к природной. Можно представить пространственную структуру капитала в виде пирамиды и города-мегаполиса в виде пирамиды капитала, где центр города совпадает с вершиной пирамиды, сформированной капиталом, а деревня является ее основанием. Такая конфигурация возникает по причине того, что деньги лишь в теории могут являться всеобщим эквивалентом, а на практике люди стремятся повысить эквивалентность своих денег, тратя на это жизнь, креативный потенциал, человеческие отношения, здоровье и многое другое.

Но пирамидальная иерархия, в силу своих свойств, способна лишь утилизировать ресурсы, идеи, достижения. Она замкнута сама на себя и никому не подконтрольна — опять же в силу своих свойств. Поэтому единственная возможность обеспечить «вырыв к развитию» (термин Ю.М. Осипова) — вообще отказаться от иерархии капитала и перейти к максимально распределенным моделям. Когда России использовала принципы распределенности, она неизменно преуспевала. В современности этому лучше всего отвечают «родовые поместья», создающие наилучшие из возможных условий для формирования, совершенствования человека и совершенствования среды обитания, а также для превращения России в мировой научный центр, заключил М.Ю. Павлов.

В своем докладе «Россия в красках: от XX века к XXI» д.ф.н., профессор **Н.Н. Ростова** (философский факультет МГУ) отметила, что «борьбу за Россию» следует понимать, прежде всего, как борьбу смыслов. Наши смыслы традиционно концентрируются в образах, поскольку русской культуре вообще свойственно умозрение в красках. С этим связан наш сегодняшний интерес к искусству. Наша живопись — это письма нашей души. Н.Н. Ростова рассказала о триптихе русского сознания, который задан картинами В.М. Нестерова «Душа народа», П.Д. Корина «Русь уходящая» и «Вечная Россия» И.С. Глазунова. «Художники понимают Россию в горизонте идеи святости, а человека — в горизонте идеи соборности». Н.Н. Ростова продемонстрировала, как современная живопись продолжает длить этот курс по преодолению нашей метафизической беспочвенности. Отметив, что подобные попытки работать со смыслами в живописи нередко квалифицируются как китч, в завершение доклада она подвергла деконструкции концепт китча, кото-

рый был придуман для того, чтобы расшатать любые основания и сокрушить категорию смысла.

К.э.н., старший преподаватель **А.А. Погребняк** (НИУ информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург) в своем выступлении на тему: «Два Спаса. “Московский дневник” В. Бенямина как репортаж об идеологическом строительстве» обратил внимание слушателей, что в своем анализе «надзорного капитализма» Шошана Зубофф напоминает, что в основе практик тотального надзора, осуществляемых современными корпорациями с целью контроля и программирования поведения потребителей, лежит идеология паноптизма; а в своем изобретении «паноптикона» Сэмюэль Бенетам вдохновлялся образом Спаса Вседержителя, в русских церквях традиционно размещаемого под куполом. Докладчик поставил вопрос: «возможно ли мыслить спасение иначе, нежели как подчинение человеческого существования императиву непрерывного целенаправленного управления? Чтобы ответить на него, А.А. Погребняк предложил перечитать «Московский дневник», который Вальтер Бенямин вел во время своей командировки в столицу Советов зимой 1926 г. Этот текст можно рассматривать как документ о переломном моменте в идеологическом строительстве, симптомы которого — не столько мысли и концепции, сколько образы повседневной жизни. Блуждая по московским улицам, Бенямин фиксирует те моменты существования, которые пока еще не подчинены взгляду «неусыпного ока» и свидетельствуют о том освободительном

потенциале, который был вызван к жизни революцией. Чтобы спасти этот потенциал, следовало бы помыслить иной образ Спаса — не бдительного, но рассеянного (по аналогии с тем, как в другом своем тексте Бенямин говорит о «рассеянном экзаменаторе»), подчеркнул докладчик.

С точки зрения к.э.н., научного сотрудника **Я.И. Нисанова** (Высшая школа современных социальных наук МГУ), дискуссия о содержании научной категории «народонаселение» была начата с образования Научно-исследовательского центра по проблемам народонаселения на экономическом факультете МГУ. В ней приняли участие не только экономисты и специалисты по политэкономии, но и представители других наук — философы, историки, социологи

и др. Обращение к материалам этой дискуссии показывает, что она активно развивалась в 1970—1980-е гг., но осталась незавершенной и... прерванной в конце 1980-х, как и другие направления развития российской общественной науки. Этому был посвящен доклад Я.И. Нисанова: «Дискуссионность категории “население”, последствия ее незавершенности и эпистемологический потенциал для научно-практических программ современного развития России», в котором были отмечены актуальность и острая востребованность возвращения к этому обсуждению в связи с происходящими в настоящее время историческими событиями по восстановлению суверенитета российской государственности. Большое значение при этом имеет участие в продолжении данной дискуссии представителей различных направлений развития общественных наук, что позволило бы преодолеть недостатки в современном осмыслении этой научной категории.

Продолжая заседание секции, к.и.н., доцент **Н.Ю. Николаев** (Волжский политехнический институт, г. Волжский) в докладе на тему «Отечественная антивоенная мысль во второй половине XIX в. и современность: интеллектуальные параллели и идейное влияние» отметил, что интеллектуальная история отечественного миротворчества насчитывает не одно столетие. Однако именно во второй половине XIX в. происходило формирование ключевых представлений о войне и мире, а идейное влияние этого периода присутствует и в современной российской общественно-политической мысли. На данном этапе происходил сложный процесс идеологического оформления отечественной антивоенной мысли, становления основных ее течений и направлений. Важнейшим достижением в развитии антивоенной мысли именно в этот период стало ее разделение на два направления — радикальное и умеренное, которые остаются актуальными и сегодня. Конечно, следует понимать, что одновременно происходил сложный процесс внутреннего разделения и идейной сепарации российского миротворчества. Однако все другие разновидности антивоенной мысли, в том числе классифицируемые по национальному, культурно-религиозному, идеологическому или иным признакам, являются лишь различными вариациями этих двух разновидностей, — подчеркнул докладчик.

Представителей радикального направления можно отнести к ортодоксальному пацифизму с его абсолютным отрицанием войны в какой бы то ни было форме. Такой подход, как правило, доктринален, ригористичен и демонстративно апеллирует к нравственным ценностям личности. Его сторонники обращают внимание преимущественно на процесс достижения цели, которая нередко определяется с идеальных позиций, без учета общественных и политических реалий. Наиболее известным представителем данного течения отечественной антивоенной мысли во второй половине XIX в. являлся Л.Н. Толстой, который создал целую философскую систему — этику ненасилия. Сторонников постепенного устранения милитаризма из человеческого общежития через реформы, признававших необходимость оборонительных (в отдельных случаях и колониальных) войн и наличия необходимых вооруженных сил для защиты страны от внешней агрессии, в западной историографии традиционно именуют пацифистами (или интернационалистами). Приверженцы такого умеренного пацифизма (или пацифизма) в российской антивоенной мысли второй половины XIX в. составляли безусловное большинство. Выступая против социально-экономических и политических последствий милитаризма, пацифисты допускали существование справедливых войн. По их мнению, некоторые вооруженные конфликты носили прогрессивный характер, принося государствам определенные экономические выгоды и способствуя проведению полезных для государства и общества реформ, отметил в заключение Н.Ю. Николаев.

В своем докладе «Государственная идеология как светская религия общего дела: 1930-е гг. и наши дни» **Т.В. Воеводина** (президент ООО «Белый кот», г. Москва) подчеркнула, что подлинным базисом, на котором зиждятся и экономика, и политика, является господствующая в народе система верований. Верования современного человека, которые подлинно ведут его по жизни, сегодня имеют вид идеологии, а не религии. Идеология — это светская религия. Для победы в идущей сейчас антиколониальной борьбе нашего народа за национальную независимость необходимо создать и внедрить в умы новую идеологию — квази-религию. Ее можно назвать идеей общего дела. Идеологическая работа государства состоит из двух частей: 1) выработки «Писания» идеологической квази-религии и

2) организации системы ее трансляции в массы. «Писание» отвечает на вопросы: кто мы такие, наше историческое происхождение, кто наши друзья и враги, каковы цели нашего народа, какова роль каждого социального класса (рабочих, крестьян, предпринимателей, ученых и т. д.). Исторические предшественники идеологических текстов в русской культуре — «Записка о древней и новой России» Н. Карамзина и «Краткий курс истории ВКП(б)».

В докладе аспирантки **Д.И. Шаховой** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону) на тему «Культурная идентичность России: компромисс между Западом и Востоком» было отмечено, что в разные периоды своего исторического развития отношение к западному миру и склонность к сотрудничеству с ним менялись в зависимости от исторических событий и формирования отношения к ним. Соответственно, если в разные периоды могли поддерживаться и приживаться совершенно противоположные тенденции в экономическом развитии, то это говорит о том, что в обществе не существует четкой определенности, устойчивых поведенческих установок о том, к какому миру относится Россия — «западному» или «восточному», что и приводит к наличию противоречий. Понимание данных поведенческих установок крайне важно, так как они во многом определяют те «внутренние отношения» в обществе, о которых писал еще Т. Веблен, говоря о балансе внутренних и внешних отношений как необходимом условии для движения общества вперед. Без данного баланса есть риск возникновения такого феномена, как «разорванная страна», о котором писал А. Аузан, говоря о том, что Россия — это двухъядерная страна с характеристиками как западной, так и восточной цивилизации. Но основное негативное воздействие данной особенности отражается на низком уровне доверия в обществе — чуть больше 20% в 2022 г. в России доверяло большинству людей по сравнению, например, с Китаем, где этот показатель достигает 65%. И низкий уровень доверия лишь усугубляется характерной для России высокой дистанцией власти и некоторой радикальностью при смене реформ и политического курса. Данная непоследовательность и ее последствия ярко описаны в книге шведского экономиста Стефана Хэдланда, который в своей книге о России «Russian path dependence» («Зависимость российского пути») так написал о необходимости последовательных и долгосроч-

ных реформ (которые были одной из причин экономического чуда в Японии и в странах, названных «азиатскими тиграми»): «Истинное движение вперед требует достижения соглашения с прошлым, так как абсолютное отклонение приводит только к бесплодным циклам отрицания». Изучение наших культурных особенностей и есть возможность уйти от данных циклов отрицания и воплотить тот потенциал, который в нас исторически есть и будет.

В своем выступлении «Идеология государства как двигатель экономического развития страны на примере СССР» студентка **В.Ю. Скаткова** (факультет международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ) правомерно отметила, что идеология является одним из ключевых элементов стимулирования людей к производству, что помогает государству достигать необходимых показателей, и разобрала данный механизм работы с населением на примере СССР. С одной стороны, наблюдался тотальный контроль над личностью, страх и массовые репрессии (особенно в послевоенные годы), с другой стороны, в государстве была единая идеологическая повестка, общая глобальная цель, которая мотивировала людей трудиться. Таким образом, на современном этапе исторического развития нашей страны необходимо обратить внимание на опыт наших предшественников и внедрить лучшие особенности того механизма в современную жизнь, при этом не повторяя ошибок прошлого. Тогда государство сможет восстановить свою экономику до уровня, предшествующего СВО, и нарастить ее размеры в будущем, заметила В.Ю. Скаткова.

Так завершилось заседание секции «К национальной идеологии: былое, настоящее, будущее», на котором выступившие ученые продемонстрировали в своих докладах, что проблема идеологии в России неотъемлемо связана с вопросами культуры, образования, семейного воспитания и, конечно, философии хозяйства. У России должна быть своя идеология, отражающая национальные интересы страны и являющаяся серьезной альтернативой идеям «западничества» и «американизма», навязываемых современному российскому обществу.

АНОНСЫ — 2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

«Фиктивно-нейросетевой финансовизм как призрак постэкономики»

Экономика кончается, на ее место приходит постэкономика, отличительная особенность которой уже присутствует в пара-, если не псевдо-, экономических реалиях, если под последними понимать более ирреалии, чем собственно реалии — ирреальную реальность или реальную ирреальность, это уж как кому больше нравится. Где они — реальные деньги, цены, капиталы, инвестиции, банки, где она вообще реальная экономика, ежели она даже своими теоретическими адептами признана ныне «цифровой», то бишь не экономической вовсе, да и где сама прославленная экономическая теория, она о чем?

21 февраля 2024 г.

(МГУ, экономический факультет)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

«Мировоззрение как решающий хозяйственный фактор»

Какое мировоззрение, такой и человек, такой и социум, такова и любая его ячейка. Ну и хозяйствующий субъект тоже, все равно кто: индивид, коллектив, сообщество или социум в целом, даже и мировой, глобальный, космический, как и предприниматель ли, банкир ли, управ-

ляющий ли, работник ли, глава ли или член ли семьи. А от хозяйства и хозяйствования все в бытии и зависит, да не только вещно-материально-потребительное, но и идеально-ценностно-экзистенциальное, что как раз сегодня рельефно показывает и убедительно доказывает распростертая вокруг социохозяйственная реальность, включая и разгорающуюся милитарную. Мировоззрение — хозяйственный фактор, но и объект хозяйствования, идейно-морально-культуро-духовного. Что же имеем? Обсудим!

21 марта 2024 г.

(МГУ, экономический факультет)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023

Научная конференция экономического факультета МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

***«Философия хозяйства и экономическая мысль:
единение в разнообразии»***

Заседание посвящается 25-летию научного журнала
«Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук
и экономического факультета МГУ

Журнал выходит с 1999 г. 6 раз в год объемом 19 н.л. номер, с середины 2000-х находится в Перечне ВАК. Всего увидели свет полторы сотни книжек журнала. Об актуальности журнала и его содержательном разнообразии особо говорить не приходится: философия хозяйства, экономическая теория, актуальная философия, актуальная экономика, актуальная социология, актуальная политология, актуальная история, включая историю мысли, в общем — вся общественная гуманитарность. А уж об авторах рассуждать тем более нет никакой нужды: от зарекомендовавших себя выдающихся ученых до начинающих искателей гуманитарной истины. Много чего нового журнал стал первооткрывателем: журнал-работник, журнал-соратник, журнал-друг. Не претендуя на вычурную пиар-известность, как и на непременно признание со стороны окружающей научной обществен-

ности, не говоря об официальных кругах, журнал делает и делает свое благое дело, посвящая себя свободной мысли, а не принудительным номенклатурным показателям: кто желает, тот и выражает себя в журнале, кому надо, тот журнал и читает, а сам журнал «журналист себе и журналист» — а что еще надо для вольной гуманитарности, включая и экономическую, как не возможность свободного слова, как раз от сего журнала и неотъемлемого!

А что касается объявленного секционного заседания, так ведь никогда не вредно посвятить часы — те же философско-хозяйственные и экономические, однако не забывая и о других часах: философских, социологических, политологических, исторических, да мало ли еще каких, ибо тут не псевдоученное сектантство с его конечными догмами и запретами на поиск, а ученая открытость с ее размыслительной новизной и откуда-то вдруг берущейся парадоксальностью. Что ж, подумаем, «помненичаем», глядишь, и поумнеем, а ежели нет, так хоть насладимся вольной вибрацией неоцифрованного интеллекта, его еще не убитой технократизмом способностью нелогично, но плодотворно удивлять!

Отсюда три способа постижения экономики: как смыслологии (с опорой на феномен воспроизводящейся через посредство реального хозяйства трансцендентной стоимости с возможным эффектом ее трансцендентного же расширения); как цифрологии (с анализом движения экономических, немало и трансцендентного свойства, цифр, чисел, величин, причем с уверенностью чуть ли не как их единственно верной фактической данности); как выскакивающей из трансцендентного «черного ящика» экономики, мифологии, что пригожей, что ложной, что лукавой, причем самого разного разряда — управленческого, экспертного, научного, воззренческого, обыденного, фантомного, никакого.

И чего же здесь бывает больше: понимания, знания, веры, а может, и попросту невозмутимой магии, как и непонимания, незнания, наивного заблуждения, а то и вполне себе торжествующего шарлатанства?

Неплохо бы разобраться!

17—18 апреля 2023 г.
(МГУ, экономический факультет)

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

**«Софиасофия как эсхатологический продукт
постфилософического времени»**

Вышедшая из русской софийной философии конца XIX и всего XX в. софиасофия, заключающая в себе первенство Софии Премудрости Божией над человеческой софией — явный продукт эсхатологического времени — мало, что в широком плане постгуманитарного, так ведь еще и постфилософического, когда философия служит более всего уже самой себе — как все накопленному знанию, однако запасовавшему перед вдруг разверзшейся и брызнувшей мертвецкой нефилософичностью нынешней реальностью-ирреальностью, отчего либо софиасофия, пожалуй что, и спасительная, либо, увы... ничего, — а ежели не так, тогда — как, а главное — что?!

Конец мая — начало июня 2024 г.
(МГУ, экономический факультет)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
из цикла
«Средняя Россия: земля и люди»
на тему:

**«Актуальное бытие российское:
как есть и камо грядеши?»**

Как живет-может Россия и Тамбовщине? Да не просто хорошо или плохо, а то и кое-как, а содержательно-функционально: хозяйственно, экономически, социально, народонаселенчески, трудо-

творчески, гуманитарно, в общем — экзистентно-стратегически, на сегодня и на перспективу? Почему обо всем этом нам не поговорить: по-ученому, по-граждански, по-человечески, почему не обменяться мнениями, не выверить меж собой свои представления о текущем и немало ускользающем от пристального внимания, а то и не поделиться свежими изысканиями вкупе с добытой научной же новизной?!

Июнь—июль 2024 г.

(МГУ, экономический факультет
совместно с Тамбовским государственным университетом
имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района
Тамбовской области)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2024

Всероссийский научный симпозиум

***«Цифра против слова, число против мысли, информация
против смысла: что на выходе?»***

Хоть уже и набила на языке типун сия сакраментальная тема, а говорить обо всем этаким надо, в особенности нам — остаточным гуманитариям, да не с целью кого-то там в чем-то своем убедить (исключено!), мало того, еще и спасти гуманитарность, которая уже в отмене, нет, вовсе нет, а всего лишь, чтоб не стать в своих же глазах вахлаками, а ведь это цель, не так ли?!

Сентябрь—октябрь 2024 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Мир на переломе: геополитика, экономика, техногенез»

Секции:

Секция 1. Россия в мире и мир в России: реалии и ожидания.

Секция 2. Экономика под эсхатопеременами.

Секция 3. Человечество под натиском технотрансформации.

5 — 7 декабря 2024 г.

(экономический факультет МГУ, смешанный формат)

5 декабря, 15.00—18.00 — пленарное заседание *«Мир в движении: тяжкая поступь восставшей апокалиптики»* смешанный формат,

6 декабря, 15.00—19.00 — работа секций, онлайн-формат,

7 декабря, 13.00—16.00 — панельная дискуссия на тему: *«Мир-война или человек в схватке с самим собою: мотивы, алгоритмы, исходы»*, смешанный формат.

Ежегодное собрание Академии философии хозяйства.

Отчет за 2024 г. и перспективы на 2025 г. Доклад президента Академии и прения.

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

АБРАМОВ ЕГОР ИГОРЕВИЧ,

аспирант, преподаватель, кафедра международных финансов, МГИМО МИД России, Москва, Россия (*abramov.e.i@my.mgimo.ru*).

ПОКИДЧЕНКО МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*pokidchenko@yandex.ru*).

ПРОНЧАТОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и социологии, Нижегородский государственный агротехнологический университет, Нижний Новгород, Россия (*vnpronchatov@yandex.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией, Институт прикладной физики имени А.В. Гапонова-Грехова РАН, Нижний Новгород, Россия (*amgorbachev@yandex.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

СКАТКОВА ВАЛЕРИЯ ЮРЬЕВНА,

студентка бакалавриата, факультет международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*valeriya.skatkova@mail.ru*).

ЧИРКОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия (*mospil@mail.ru*).

ШАПОВАЛОВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

студентка бакалавриата, факультет экономики и управления, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия (*alina.shapovalova.1235@gmail.com*).

ЧИСТЯКОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ,

младший научный сотрудник, Владимирский филиал Российского университета кооперации, Владимир, Россия (*shreyamax@mail.ru*).

ФАРХУТДИНОВ ЛИНАР ИЛШАТОВИЧ,

кандидат философских наук, редактор, «Евразийский юридический журнал», Москва, Россия (*farhetdin@yandex.ru*).

РАХИМОВ ТИМУР ВИЛЕНОВИЧ,

кандидат экономических наук, заместитель генерального директора по производству, ООО «ЭкоГидроСтрой», Лобня, Россия (*rakhimov-t@mail.ru*).

БУРИК МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

кандидат философских наук, преподаватель, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*etel17etel@gmail.com*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, доцент, философский факультет, кафедра философии гуманитарных факультетов, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*rodzinskiy66@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

КОЗЛАЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

адвокат, Московская областная коллегия адвокатов; вице-президент по правовым вопросам, Ассоциация банков России, Москва, Россия (*toolmail1963@gmail.com*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).
Agrarian University, Yekaterinburg, Russia (*kostskp@mail.ru*).

ABRAMOV EGOR IGOREVICH,

Postgraduate Student, Lecturer, Department of International Finance, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia (*abramov.e.i@my.mgimo.ru*).

POKIDCHENKO MIKHAIL GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*pokidchenko@yandex.ru*).

PRONCHATOV VLADIMIR NIKOLAEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod, Russia (*vnpronchatov@yandex.ru*).

GORBACHEV ALEXEI MIKCHAILOVICH,

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, A.V Gaponov-Grekhov Institute of Applied Physics of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (*amgorbachev@yandex.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENEVITCH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Private Researcher, Moscow, Russia (*Dr.roman.sokolov@yandex.ru*).

KUZNETSOV ALEKSEY VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor of the Department of World Economics and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

SKATKOVA VALERIYA YUR'EVNA,

Undergraduate student, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*valeriya.skatkova@mail.ru*).

CHIRKOV MAKSIM ANDREEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mospil@mail.ru*).

SHAPOVALOVA ALINA VLADIMIROVNA,

Student, Faculty of Economics and Management, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia
(alina.shapovalova.1235@gmail.com).

CHISTYAKOV MAKSIM SERGEEVICH,

Junior Researcher, Vladimir Branch of the Russian University of Cooperation, Vladimir, Russia (shreyamax@mail.ru).

BURIK MARINA LEONIDOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (etel17etel@gmail.com).

FARKHUTDINOV LINAR ILSHATOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Editor, «Eurasian Law Journal», Moscow, Russia (farhetdin@yandex.ru).

RAKHIMOV TIMUR VILENOVICH,

Candidate of Economics, Deputy General Director for Production, EcoHydroStroy LLC, Lobnya, Russia (rakhimov-t@mail.ru).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (shylevsk@mail.ru).

RODZINSKIY DMITRIY LEONIDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Humanities, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (rodzinskiy66@mail.ru).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (markovius@gmail.com).

KOZLACHKOV ANATOLIY ANATOLIEVICH,

Lawyer, Moscow Regional Lawyer Association, Moscow, Russia (toolmail1963@gmail.com).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (girenok@list.ru).

ROSTOVA NATAL'YA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумера-

ция формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы группируются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все выпшедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.